

А.А. Горбачевский

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Вводный курс

Учебное пособие

Рекомендовано УМО по специальностям педагогического образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 050301.65 – русский язык и литература

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2011

УДК 81-112.2(0758)
ББК 81-923
Г67

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор *Л.А. Глинкина*,
д-р филол. наук, профессор *Л.А. Шкатова*

Горбачевский А.А.

Г67 Теория языка. Вводный курс : учеб. пособие / А.А. Горбачевский. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 280 с.
ISBN 978-5-9765-0965-8 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-037279-5 (Наука)

В книге излагаются основные понятия теории языка – «гипотеза», «теория», «сущность научного исследования», «способы представления научных знаний», «специфика научных знаний». Определяются разные смыслы термина «язык», место языка среди других семиотических систем, двойственность его природы.

Для студентов-филологов, магистрантов, а также аспирантов и преподавателей русского языка и литературы. Издание будет полезно также всем изучающим «Теорию языка», «Общее языкознание», «Введение в языкознание», «Актуальные проблемы современной лингвистики».

УДК 81-112.2(0758)
ББК 81-923

ISBN 978-5-9765-0965-8 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-037279-5 (Наука)

© Горбачевский А.А., 2011
© Издательство «ФЛИНТА», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
I. Теория языка: ее место в системе научных знаний	
§ 1. Основные понятия научной теории	8
§ 2. Наука как способ познания окружающего мира	11
§ 3. Способы представления научных знаний	13
§ 4. Виды научных текстов.....	17
§ 5. Основные разделы науки о языке	19
II. Язык как знаковая система	
§ 6. Основные понятия: система, знак	26
§ 7. Употребление термина <i>язык</i> в разных смыслах	32
§ 8. Язык и другие знаковые системы	38
§ 9. Двойственность природы человеческого языка.....	42
§ 10. Гипотезы о происхождении языка	43
III. Языковая система: ее устройство и функционирование	
<i>Фонетика и фонология</i>	
§ 11. Уровни языковой системы	54
§ 12. Подходы к изучению звуков человеческой речи	55
§ 13. Артикуляционная фонетика	57
§ 14. Артикуляционная классификация гласных	58
§ 15. Артикуляционная классификация согласных.....	59
§ 16. Акустическая фонетика	60
§ 17. Акустическая классификация, основанная на данных органов слуха	61
§ 18. Акустическая классификация по данным инструментальной фонетики.....	63
§ 19. Функциональная фонетика	66
§ 20. Фонологические школы	71
§ 21. Понятие фонологической оппозиции.....	72
§ 22. Различительные признаки гласных фонем	75
§ 23. Различительные признаки согласных фонем	77
§ 24. Письмо и звуковой состав языка.....	79
§ 25. Фонетическая транскрипция.....	81
§ 26. Фонетическая транскрипция и стили произношения.....	82
§ 27. Фонематическая транскрипция.....	83
§ 28. Практическая транскрипция	86
§ 29. Транслитерация.....	92

§ 30. Комбинаторные и позиционные изменения.....	95
§ 31. Способы определения фонетических изменений.....	100
§ 32. Типы обусловленных фонетических изменений.....	102
§ 33. Периферийные фонетические изменения	108

Слово и его строение

§ 34. Отличительные признаки слова.....	118
§ 35. Варьирование термина «слово»: общелингвистический аспект	122
§ 36. Лексическое и грамматическое значения слова.....	126
§ 37. Способы выражения грамматических значений.....	127
§ 38. Варьирование термина «слово»: внутриязыковой аспект.....	131
§ 39. Морфема и алломорфы.....	133
§ 40. Классификация морфем.....	136
§ 41. Нулевые морфемы.....	145
§ 42. Морфемный анализ.....	147
§ 43. «Квадрат Гринберга»	153
§ 44. Морфологические изменения	155

Словосочетание и предложение

§ 45. Синтаксические связи.....	170
§ 46. Простые и сложные словосочетания: их структура и варьирование	170
§ 47. Подчинительные синтаксические связи в составе словосочетания.....	172
§ 48. Предложение как единица языка	176
§ 49. Предложение как единица речи.....	179
§ 50. Формально-грамматический анализ предложения	180
§ 51. Смысловый анализ предложения	181

IV. Методы в языкознании

§ 52. Научный метод как совокупность исследовательских приемов	185
§ 53. Логическая структура научного метода.....	188
§ 54. Описательный метод и его применение в истории науки о языке ...	190
§ 55. Сравнительно-исторический метод	196
§ 56. Сопоставительный метод.....	200
§ 57. Методы структурной лингвистики.....	209
1. Дескриптивный метод.....	210
2. Компонентный анализ.....	213
3. Трансформационный анализ	216
4. Оппозитивный анализ.....	218
§ 58. Когнитивный анализ	220
§ 59. Методы и приемы: их взаимосвязь.....	223

V. Классификации языков

§ 60. Многообразие языков.....	233
§ 61. Возможные классификации языков	235
§ 62. Генеалогическая классификация языков	238
§ 63. Важнейшие языковые семьи и языки.....	239
§ 64. Языковые макросемьи: ностратические языки	248
§ 65. Типологическая классификация языков	251
Заключение	260
Сведения о языковедах, упоминаемых в пособии	262
Рекомендуемая литература	279

Предисловие

В начале прошлого десятилетия в учебные планы педагогических университетов по специальности «Русский язык и литература» вместо «Введения в языкознание» был включен курс «Теория языка», по своему содержанию и дидактической направленности существенно отличающийся от предшествующего курса.

В предлагаемом пособии реализуются следующие принципы нового учебного предмета.

1. Включены разделы, раскрывающие смысл таких понятий, как *теория, гипотеза, наука, научный подход*. Кроме того, дается характеристика способов представления научной информации, а также ее отличие от других разновидностей информации.

2. Используются элементы логического анализа при рассмотрении а) терминов, возникших на базе общеупотребительной лексики, как, например, *язык, слово, метод, звук*; б) лингвистических классификаций, недостаточно последовательно или неполно представленных в существующей учебной литературе.

3. При характеристике общетеоретических вопросов указывается, в каком смысле употребляется в каждом конкретном случае термин *теория*: а) как способ получения новых знаний при помощи научных приемов и методов или б) как совокупность знаний о каком-либо предмете или явлении.

4. Последовательно реализуются и в теоретической, и в практической части пособия следующие положения: а) принцип неединственности лингвистических решений; б) понятие варьирования как отличительной черты любой функционирующей системы.

5. Наряду с общепринятым в учебно-методической литературе «констатирующим» изложением материала, в разных разделах пособия материал излагается таким образом, чтобы показать сам процесс образования новых знаний.

Основная дидактическая задача предлагаемого курса теории языка – познакомить студентов с некоторыми общенаучными по-

нятиями, касающимися логики и содержания лингвистического исследования, а также привить навыки, необходимые для написания соответствующих научных сочинений – рефератов, курсовых и квалификационных работ. Такое понимание цели и содержания курса предполагает выработку у студентов следующих умений: во-первых, определять содержание научной теории (или гипотезы); во-вторых, выделять систему доказательств, подтверждающих ее состоятельность; в-третьих, осознанно применять адекватные приемы и методы научного анализа; в-четвертых, моделировать – на легко обозримом материале – применение научной теории при решении определенных задач.

Это должно способствовать выработке в сознании студентов критического отношения к разного рода «лингвистическим мифам», преодолению наивно-лингвистического взгляда на язык, сложившегося под влиянием некоторых догм школьной грамматики или литературы, которая основывается не на научных положениях, а на субъективных и эмоциональных представлениях ее авторов о языке.

Значительная часть материала, излагаемого в этом пособии, заимствована из нашего «Введения в языкознание» (Челябинск: ЧГПУ, 1998), – естественно, в переработанном и дополненном виде в соответствии с приведенными выше критериями.

Древнегреческие слова даются в оригинальной орфографии и в латинской транслитерации, в эразмовом чтении. Слова в рейхлиновом чтении (их несколько) приводятся в квадратных скобках, после транслитерации в эразмовом чтении.

В отдельном разделе даются краткие сведения о языковедах, упоминаемых в пособии.

Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю признательность моим рецензентам: доктору филологических наук, профессору Челябинского педагогического университета Л.А. Глинкиной и доктору филологических наук профессору Челябинского государственного университета Л.А. Шкатовой.

Особая моя благодарность руководству Челябинского педагогического университета – его ректору, профессору В.В. Латышину, и проректору по научной работе, профессору В.В. Базелюку за оказанную финансовую помощь при оформлении грифа УМО.

I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА: ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

---

§ 1. Основные понятия научной теории

Общенаучный термин *теория* образован от греч. *θεωρία / theōria* «наблюдение, исследование». В современной специальной литературе смысл этого термина определяется как учение, основная задача которого – обобщение разнообразного опыта человеческой деятельности. В результате такого обобщения образуются новые знания и формируются научные положения. Понятие *теория* описывает деятельность человеческого ума, направленную на получение новых знаний при помощи специальных научных приемов и методов.

В специальной литературе термин *теория* употребляется в двух смыслах: во-первых, для обозначения системно организованной совокупности знаний об окружающем мире, в том числе и о языке, полученных как при помощи научных приемов и методов, так и путем простого наблюдения; во-вторых, теория – это способ получения новых знаний, при помощи которых устанавливаются причинно-следственные, системные, ассоциативные, генетические и другие отношения между событиями и фактами окружающего мира. Кроме того, теория включает в свой состав систему доказательств, обосновывающих ее научные положения. Необходимым свойством любой теории является ее применимость к решению многих однотипных задач.

Существует две разновидности научных положений – *теория* и *гипотеза*. Различия между ними в степени достоверности формулируемых выводов. Гипотеза (от греч. *ὑπόθεσις / hypothesis* «основа, принцип; тема, вопрос») – научное предположение, достоверность выводов которого не доказана конкретным материалом или доказана только частично.

Примером таких предположений, которые – в силу вполне понятных причин – нельзя подтвердить никакими конкретными фак-

тами, могут служить разные гипотезы о происхождении языка. Из-за отсутствия конкретных фактов нельзя однозначно ответить на вопросы, как возник язык, какими были слова первобытного языка, похожи ли они на слова современных языков, а если похожи, то на какие. Современная наука не располагает данными, при помощи которых можно было бы описать процесс формирования языка на начальной стадии его развития. Нет однозначного ответа и на вопрос о лингвистической базе современных языков. Образовались ли они от общего языка, единого для всех языков нашей планеты, или у каждого языка был свой далекий предок, непохожий на другие языки-предки? Первое предположение об образовании современных языков от одного языка можно назвать гипотезой *моногенеза* (от греч. *μόνος* / *monos* «один, единственный, единый», *γένεσις* / *genesys* «происхождение, возникновение»); второе предположение – гипотезой *полигенеза* (от греч. *πόλις* / *polys* «много, многое»). В настоящее время подтвердить конкретными фактами достоверность первой или второй гипотезы не представляется возможным.

По содержанию гипотезы могут быть в большей или меньшей степени достоверными, в большей или меньшей степени научно обоснованными и, соответственно, – вызывать к себе большее или меньшее доверие. Гипотезы, которые вызывают к себе наименьшее доверие, принято называть *рабочими*. Рабочие гипотезы – один из промежуточных этапов на пути к созданию более основательно аргументированного научного построения, т.е. теории.

В отличие от гипотезы теория характеризуется высокой степенью достоверности – ее положения доказываются при помощи научных методов и приемов. Кроме того, достоверность гипотезы может обосновываться ссылкой на мнение научных авторитетов, специалистов в данной области знаний. Примером лингвистической теории может служить положение о многоуровневом устройстве языковой системы. Язык, с точки зрения этой теории, представляет собой знаковую систему, состоящую из нескольких взаимосвязанных частей, называемых *уровнями*, или *подсистемами*. Каждый из этих уровней обладает как общими свойствами, присущими языковой системе в целом, так и специфическими свойствами, присущими только определенному уровню.

Высокая степень достоверности теории не значит, что теория заключает в себе окончательное знание об исследуемом предме-

те. Есть достаточно убедительные основания, чтобы считать, что едва ли найдется хотя бы одна теория, объясняющая не элементарные, а сложные явления, которая была бы абсолютно достоверной. Именно по этой причине для многих лингвистических теорий характерна *неединственность их решения*. Это значит, что одно и то же явление допустимо объяснять в рамках разных теорий, выводы которых обычно не только не совпадают, но часто противоречат друг другу. Сказанное можно проиллюстрировать на примере двух глагольных категорий – вида и залога. Разные теории глагольного вида во многом совпадают. Не вызывает дискуссий положение о том, что вид – общеглагольная категория, что она свойственна всем глаголам. Различаются разные теории вида трактовкой характера отношений между глаголами совершенного и несовершенного вида, их «первичностью» и «вторичностью», а также определением лингвистической сущности самой категории вида.

Более разнообразны – вплоть до диаметрально противоположных – интерпретации категории залога в русском языке. С одной стороны, есть теории, рассматривающие залог как категорию, присущую всем без исключения глаголам, а с другой стороны, – теории, которые приписывают залог только переходным глаголам, в результате чего непереходные глаголы оказываются вне категории залога. Другими словами, грамматическая категория залога свойственна только части глаголов.

Разные решения одной и той же проблемы не ставят под сомнение объяснительную силу научных теорий. Наоборот, этот факт свидетельствует об их самостоятельности. Несовпадения между теориями в конечных результатах объясняются тем, что используются разные научные принципы с их соответствующей системой интерпретации полученных результатов.

По сути, каждая теория – это своего рода проекция исследуемого предмета с той или иной точки обзора. Вопрос не сводится к выбору «единственно правильной теории», отрицающей все остальные. В научном плане разные теории равноправны. Разумеется, если их выводы получены при помощи научных приемов исследования и не противоречат общеизвестным фактам.

Предпочтения, которые иногда отдаются той или иной теории, основаны, как правило, на соображениях, не имеющих прямого от-

ношения к ее достоинствам или недостаткам. Выбор одной теории из нескольких равноправных обусловлен некоторыми внешними обстоятельствами. Одну теорию более удобно излагать в школьном учебнике, другую – при сопоставительном изучении языка, третью – при изучении эволюции языковой системы.

Сказанное не означает, что любая научная проблема обязательно должна иметь множество решений. Простые научные истины, аксиомы, не требующие развернутой аргументации, таким свойством не обладают. Поэтому их решение в рамках разных теорий обычно приводит к однотипным выводам. В качестве примера приведем следующее утверждение о фонетической структуре слова: нет ни одного языка, в котором слова состояли бы или только из гласных, или только из согласных. Простой житейский опыт, опирающийся на знание родного языка и на языковую интуицию, подсказывает справедливость приведенного выше утверждения. Поэтому противоположные утверждения: есть языки, в которых слова состоят из одних гласных или из одних согласных, – нельзя считать равноправными приведенному выше утвердительному суждению. Они ошибочны и не соответствуют действительности.

§ 2. Наука как способ познания окружающего мира

В специальной литературе понятие науки определяется как сфера человеческой деятельности, функция которой – выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности; как *«непрерывно развивающаяся система знаний об объективных законах природы, общества и мышления»* [Алефиренко 2005, с. 314]. Это же понятие можно определить и как совокупность разных теорий, знаний, полученных в результате целенаправленного познания действительности при помощи специальных научных методов. Таким образом, наука, как и теория, включает, во-первых, знания о предметах и явлениях окружающей действительности, организованные в определенную систему, и, во-вторых, способы получения этих знаний. К числу таких способов и относятся научные методы, составляющие основное содержание и смысл существования любой науки.

Следует различать два вида знаний – научные и вненаучные. Знания, полученные из научных источников, при помощи научных методов, называются *научными* – в отличие от *вненаучных* знаний, происхождение которых связано с другими источниками [Зиновьев, с. 128–129]. Тем не менее между этими знаниями не следует проводить непроходимую границу. В определенных условиях они взаимодополняют друг друга.

Источником знания человека о внешнем и внутреннем мире кроме научных сведений, приобретенных в процессе обучения, может быть его личный опыт, знакомство с литературой – не только научной, но и художественной, а также знания, сложившиеся на базе обыденного языка. В своей совокупности эти источники способствуют формированию системы знаний человека о внешнем мире. Границы между этими источниками знаний четко проводятся только в научных построениях. В сознании говорящего предполагаемые границы неустойчивы, подвижны.

Наука как сфера человеческой деятельности, по мнению польского философа Юзефа Бохеньского, представляет собой «совокупность утверждений, которые: 1) касаются исключительно фактов, имеющих место в мире, 2) носят объективный характер, подлежат интересубъективной проверке, т.е. проверке хотя бы двумя разными людьми, 3) были сформулированы и систематизированы с тщательностью, присущей ученым, 4) опубликованы специалистами, работающими в данной области» [Бохеньский, с. 103].

В этом определении обращается внимание на две особенности науки: во-первых, на реальность описываемых фактов, их объективность, возможность проверки их реальности другими исследователями; во-вторых, на способ описания этих фактов. Если, например, данные такой дисциплины, как космическая астрономия, которая весьма далека от наших привычных представлений об окружающем мире, могут быть проверены другими исследователями или смоделированы в научных лабораториях, то астрология такими возможностями не располагает. Она имеет дело не с реальными фактами, а с фантазиями астрологов. Поэтому данные космической астрономии относятся к научным фактам, чего нельзя сказать о данных астрологии, которые не поддаются никакой интересубъективной проверке.

§ 3. Способы представления научных знаний

Знания, приобретаемые человеком, в том числе и научные знания, реализуются, хранятся и передаются при помощи языка. Опыт развития человечества, его культуры и науки свидетельствует, что вне языка никакое научное положение, никакая теория или гипотеза не могут получить выражения, доступного человеческому пониманию.

Важнейшими языковыми единицами, формирующими человеческие знания, являются *слово*, *высказывание* и *текст*.

Каждая из этих единиц выполняет свои, только ей присущие функции.

Слово называет предметы, их свойства, качества, действия, явления. Слово, таким образом, выполняет номинативную функцию.

Высказывание – это предложение, в котором что-либо утверждается или отрицается. Высказывания могут быть истинными, ложными или бессмысленными (лишенными смысла).

Истинными являются такие высказывания, смысл которых соответствует реальному положению вещей. Другими словами, содержание высказывания адекватно отраженной в нем действительности. Смысл ложных высказываний, напротив, не соответствует действительному положению вещей, не является адекватным действительности. Высказывание *Существительные в русском языке склоняются*, а глаголы *спрягаются* истинно, а высказывание *Существительные в русском языке спрягаются*, а глаголы *склоняются* ложно.

Истинность высказывания может быть проверена – доказана или, наоборот, опровергнута при помощи использования научной аргументации.

Лишенными смысла принято считать такие высказывания, содержание которых не соотносится с действительностью, с реальной ситуацией. Абсурдность смысла предложения *Зеленые идеи бешено спят* очевидна. Нет в природе зеленых идей. Идеи не могут спать. Обстоятельство образа действия *бешено* не сочетается с глаголами состояния *спать*, *сидеть*, *лежать*.

Лишенным смысла является ответ: *По-моему, это пятиэтажное здание* – на вполне понятный вопрос человека, заблудившегося в незнакомом городе: *Как пройти к центру города?* Такой ответ

не имеет отношения к истинности высказывания – как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Данное высказывание никак не соотносится с реальной ситуацией, и поэтому такой ответ нельзя считать удовлетворительным.

Примером высказываний в той или иной степени истинных, полных или неполных являются определения смысла понятий, слов, приводимых в научных работах, толковых словарях, энциклопедиях. Эти высказывания строятся по определенной схеме. Они заключают в себе два компонента – указание на родовую принадлежность определяемого предмета и на его видовые признаки. Так, существительное *пальма* в толковом словаре русского языка определяется следующим образом: «Южное вечнозеленое дерево, обычно с прямым стволом и перистыми или веерообразными листьями» [В.В. и Л.Е. Лопатины, с. 419]. В этом определении *дерево* – родовое понятие, остальные – *южное, вечнозеленое, с прямым стволом, перистыми или веерообразными листьями* – видовые понятия. По такой же схеме определяются в грамматике части речи, члены предложения, типы простых и сложных предложений и т.д.

От высказываний-определений следует отличать квазиопределения, которые построены по той же схеме, что и приведенные выше научные определения. Но по смыслу они связаны с действительностью не на основе логических отношений, существующих в реальном мире, а на основе субъективных восприятий автора.

Развернутое «определение поэзии» приводится в одноименном стихотворении Б. Пастернака: *Это – круто налившийся свист, Это – щелканье сдавленных льдинок, Это – ночь, леденящая лист, Это – двух соловьев поединок* <...>

Приведенный фрагмент состоит из четырех высказываний. Каждое высказывание включает определяемое слово *поэзия* (в тексте стихотворения оно заменено местоимением *это*) и определяющие слова: *круто налившийся свист, щелканье сдавленных льдинок* и т.д. Но, в отличие от научного определения, определяемое слово в стихотворении Пастернака не подводится под видовое понятие (например, *Поэзия – разновидность художественного творчества*). Видового понятия здесь нет. Его место занимает метафорическое выражение, смысл которого нельзя интерпретировать однозначно, – и этим оно отличается от научного определения.

В научном определении значение всегда выражается ясно и понятно: смысл неизвестного или менее известного слова определяется через известное или, как минимум, через более известное. Так, например, слово *бересклет* (видовое понятие), известное далеко не всякому читателю, после того, как оно подведено под родовое понятие – *кустарниковое растение*, приобретает более или менее определенный смысл и, наконец, становится совершенно понятным, когда перечисляются его видовые отличия: *с опадающими или вечнозелеными листьями, содержащее гуттаперчу* [МАС, т. 1, с.80]. Впрочем, информация о том, что в листьях бересклета содержится гуттаперча, для обычного «пользователя» языка избыточна. Но она необходима для полного, энциклопедического описания значения этого слова.

Способ определения понятия в приведенном выше поэтическом отрывке прямо противоположен научному: более известное понятие *поэзия* определяется через менее известное, загадочное выражение *круто налившийся свист*, которое потенциальный читатель может толковать по-разному. То же можно сказать и о других вариантах определения поэзии, определениях, подчиняющихся законам поэзии, а не законам науки. В приведенных примерах эти законы проявляются по-разному. Научные определения однозначны. Они сформулированы таким образом, что каждый читатель понимает их одинаково. Поэтические определения, точнее, квазиопределения, наоборот, многозначны. Каждый потенциальный читатель может понимать их по-своему.

Основная функция научного описания – объяснительная, и эта функция реализуется в тексте. Именно благодаря тексту научное положение приобретает форму, доступную человеческому восприятию. Текст может быть представлен в виде научной статьи или монографии. Кроме того, результаты научного исследования формулируются в виде кратких выводов, законов, научных принципов, которые, по словам известного польского лингвиста Витольда Дорошевского, выражают сущность достигнутых результатов и действуют «как импульсы для дальнейших исследований» [Дорошевский, с. 5].

Изложение результатов научного исследования подчиняется трем принципам – *объективности, аргументированности и непротиворечивости*. Объективность научного текста – в его адекват-

ном отражении анализируемого материала. Исследователь может испытывать к этому материалу самые разнообразные чувства – от восхищения до отвращения. Но при этом высказывать свои эмоции он не имеет права. Описывать анализируемый материал он должен беспристрастно, как постороннее и совершенно «незаинтересованное лицо», так, как описал бы это какой-нибудь физический прибор, обладающий человеческим разумом, но лишенный человеческих эмоций. Как, например, термометр, который указывает количество градусов выше или ниже нуля, но не выражает по отношению к этим градусам ни радости, ни сожаления.

В решении исследовательских задач языковед должен опираться на *объективную точку зрения*, при которой, по мнению известного отечественного языковеда первой трети прошлого века А.М. Пешковского, «эмоциональное и волевое отношение к предмету совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение – познавательное. Ни чувство, ни воля, конечно, не исчезают при этом, но они как бы переливаются целиком в познание. Человек не хочет ничего от изучаемого предмета ни для себя, ни для других, а он хочет только его познать. Он не испытывает от него самого ни удовольствия, ни неудовольствия, а испытывает только величайшее удовольствие от его познания» [Пешковский, с. 50].

Объективность предполагает исключение из научного исследования *субъективной оценки*. Для исследователя нет в языке ни «правильного» и «неправильного», ни «красивого» и «некрасивого», ни «удачного» и «неудачного». Изменения, происходящие в языке, для лингвиста не «порча» литературного языка, а вполне естественный процесс. Споры о совершенстве и достоинствах тех или иных языков субъективны, а поэтому и лишены научного смысла. Каждый язык совершенен в своем роде, «применительно к тому национальному духу, который в нем выразился» [Пешковский, с. 51]. Другими словами, совершенны все языки. А раз так, то понятие совершенства языка теряет всякий смысл.

Соблюдение принципа объективности не означает полного устранения авторского присутствия в тексте. Оно выражается при помощи вполне определенных языковых средств. Например, вводных слов и предложений, указывающих на степень уверенности автора в правильности выбранной им позиции. На присутствие автора в тексте могут указывать также ссылки на авторитетных спе-

циалистов, цитаты, его отношение к чужому мнению. Но все это касается не описания материала научной работы, а его интерпретации разными исследователями.

К отличительным особенностям научного описания относится также аргументированность и доказательность выдвигаемых положений. В разных науках – точных, естественных и гуманитарных – выработана своя система доказательств. В языкознании широко используются доказательства по аналогии, с опорой на дедукцию и индукцию, ссылки на результаты, полученные на сходном материале авторитетными исследователями.

Важно, чтобы в системе доказательств соблюдался принцип *непротиворечивости*. Другими словами, чтобы аргументы, приводимые в пользу того или иного положения, не противоречили друг другу, не «смотрели в разные стороны», а взаимно поддерживали друг друга, конкретизировали и уточняли друг друга, выполняя общую работу, направленную на установление научной истины.

§ 4. Виды научных текстов

Научные тексты представлены такими разновидностями, как статья, монография, доклад на научной конференции, тезисы или материалы доклада, рецензия на научную статью или монографию, диссертация на соискание ученой степени кандидата или доктора наук, дипломная работа. В определенных случаях к разновидности научных работ может быть отнесена и курсовая работа. Самые распространенные научные работы – статья и монография.

Статья – небольшая по объему научная, критическая или публицистическая работа, печатаемая в журнале или сборнике таких же работ. Разновидность статьи – текст доклада на научной конференции, который может быть представлен и в сокращенном варианте, в виде тезисов или материалов доклада.

Монография – научный труд (как правило, это книга), посвященный одной проблеме или одной теме. Монографией по своему содержанию являются и диссертации – кандидатская и докторская. Но между монографией и диссертацией есть определенные различия. Диссертация защищается в ученом совете, состоящем из специалистов по данной проблеме. Цель защиты – получение ученой

степени кандидата или доктора наук. Монография, как и любая книга, такой процедуре не подвергается. После опубликования она поступает в библиотеки и в книжные магазины и таким способом находит своего читателя.

Кроме того, диссертация должна отвечать требованиям, предусмотренным положениями Высшей аттестационной комиссии, которая присуждает ученые степени и научные звания. К таким требованиям относятся: новизна исследования, теоретическая и практическая значимость, методологическая база, объект и предмет исследования, положения, выносимые на защиту, апробация работы. Эти требования для монографии избыточны. Специалист, которому адресуется монография, в состоянии без подсказки автора определить перечисленные параметры.

Научная работа, как правило, строится по строго определенному плану – постановка проблемы и обоснование ее значимости и актуальности; описание и анализ конкретного материала, а также доказательства правомерности выбора того или иного решения; выводы, которые могут касаться как интерпретации полученных результатов в рамках определенной теории, так и возможности применения полученных результатов при решении других аналогичных задач.

Научный текст независимо от его жанровой принадлежности включает два взаимосвязанных понятия – *объект исследования* и *предмет исследования*. Оба понятия играют важную роль в понимании смысла и содержания научной работы. Первое из них является более широким и более общим, второе, наоборот, более узкое и более конкретное. Именно с опорой на содержание объекта исследования выбирается его предмет – тот аспект его анализа, который составляет смысл и цель научного исследования.

Объект исследования образует тот необходимый круг вопросов, на фоне которых и рассматривается предмет исследования. Различия между этими понятиями – в выполняемых ими функциях. Объект исследования служит для того, чтобы создать определенный лингвистический контекст, предмет, чтобы выделить из этого контекста научную проблему, решить ее или, как минимум, представить способы ее решения.

В тексте научной работы, особенно в ее вступительной части, обычно указывается объект и предмет исследования. Если же тако-

го указания нет, то определить эти понятия можно по содержанию самой работы. Кроме того, есть некоторые внешние признаки, которые в сжатой форме, намеком фиксируют эти компоненты, существенные для более полного понимания научного текста. К таким признакам относится его заглавие. В большинстве научных текстов название выполняет информативную функцию, заключая в себе их основное содержание – объект и предмет исследования. Поэтому не представляет особой трудности определить эти понятия, например, в следующих статьях: «Асимметричный дуализм языкового знака» С.О. Карцевского, «Коммуникация в мире животных и человеческий язык» Э. Бенвениста, «Субъективный и объективный метод в фонетике» Л.В. Щербы, «Субъективный характер восприятий звуков языка» Е.Д. Поливанова.

На основании того, что объект по своему содержанию понятия более широкое, а предмет – более узкое, можно сделать вывод, что в статье Карцевского в качестве объекта исследования рассматривается языковой знак, а в качестве предмета – особенности его устройства; в статье Э. Бенвениста соответственно: процесс коммуникации вообще и особенности этого процесса в человеческом обществе. В последних двух статьях объект исследования один – звуковой строй языка, т.е. фонетика. Но разный предмет исследования: в статье Щербы – методы исследования фонетики (субъективный и объективный) и их связь, а в статье Поливанова – особенности восприятия звуков языка.

Не все названия научных текстов включают в свой состав объект и предмет исследования. Возможны случаи, когда название статьи состоит из одного слова (или семантически нерасчлененного словосочетания), указывающего, как правило, на объект исследования – «О супплетивизме», «К понятию словообразования», «О частях речи в русском языке», «О “диффузных” звуках» (первые две статьи И.А. Мельчука, остальные – Л.В. Щербы).

§ 5. Основные разделы науки о языке

Совокупность теорий, объясняющих факты языка, образует науку о языке – *языкознание* (другие названия: *языковедение*, *лингвистика*, от латинского слова *lingua* «язык»).

Языкознание представляет собой сложную систему научных знаний об устройстве языка, его использовании говорящими в процессе общения и его функционировании в современном обществе. Наука о языке решает как теоретические вопросы, относящиеся к человеческому языку вообще, так и прикладные, имеющие отношение к тому или иному конкретному языку.

Языкознание включает в свой состав целый комплекс наук (или разделов науки о языке), изучающих язык с разных точек зрения.

Фонетика – наука о способах образования и акустических свойствах звуков человеческой речи (от греч. *φωνή* / *phōnē* «звук, голос, тон», *φωνητικός* / *phōnētikós* «звуковой, голосовой»).

Фонология – наука о звуках языка, выполняющих смыслообразительную функцию (от греч. *φωνή* / *phōnē* и *λόγος* / *logos* «слово, рассказ, разумение, наука»).

Орфоэпия – наука о правильном произношении (от греч. *ὀρθός* / *orthos* «прямой, правильный», *ἔπος* / *epos* «слово, речь, повествование»).

Орфография – наука о правильном написании слов (от греч. *ὀρθός* / *orthos* и *γράφω* / *graphō* «царапаю, вырезаю, пишу»).

Морфемика – наука, изучающая функции морфем в составе слова, их структуру и классификацию (от греч. *μορφή* / *morphē* «вид, образ, форма»).

Грамматика состоит из **морфологии** и **синтаксиса**. Морфология изучает грамматические формы слова, а также части речи, а синтаксис – сочетание слов в предложении. Термин *грамматика* образован от греч. *γραμμάτικῆ* / *grammatikē* «учение о письме и чтении, словесность», *γράμμα* / *gramma* «буква, черта, линия, письменный знак»; слово *морфология* от *μορφή* / *morphē* и *λόγος* / *logos*; *синтаксис* от греч. *συντάξις* / *syntaxis* «устройство; сочетание, связь; повествование, изложение; синтаксис» < *συν* / *syn* «совместно», *τάξις* / *taxis* «построение, боевой порядок, строй».

Лексикология – наука, изучающая словарный состав языка (лексику), раздел лексикологии – **лексикография** изучает составление словарей (от греч. *λέξις* / *lexis* «слово, выражение, оборот» и *λόγος* / *logos*, *γράφω* / *graphō*).

Словообразование – наука, изучающая строение, образование и функционирование производных слов.

Фразеология – наука об устойчивых выражениях языка (от греч. *φράσις / phrasis* «способ выражения, слог, стиль» и *λόγος / logos*).

Семасиология (или **семантика**) – наука о значениях слов и выражений (от греч. *σημα / sēma* «знак, признак, отметка», *σημαντικός / sēmantikos* «обозначающий, значимый», *λόγος / logos*).

Семиотика (или **семиология**) – наука о знаках и знаковых системах (от греч. *σημειωτική / semeiōtikē* [*semiōtikē*] «учение о знаках»). Основным разделом семиотики является языкознание.

Этимология – наука о происхождении слов (от греч. *ἔτυμον / etymon* «истина, правда» и *λόγος / logos*, *ἔτυμολογία / etymologia* «этимология, первоначальный смысл слова»).

Перечисленные науки – разделы науки о языке – образуют фундамент общего языкознания, или теории языка. Они охватывают все уровни – составные части языковой системы.

Но кроме того, есть другие науки или разделы, которые в системе наук о языке занимают периферийное место, но тем не менее играющие важную роль в понимании общей картины развития и функционирования языка. К числу таких дисциплин или разделов науки о языке относится **ономастиология** (от греч. *ονομασία* «именование, обозначение, перечисление» и *λόγος / logos*) – раздел науки о языке, изучающий способы наименования предметов или явлений действительности средствами языка. Другие две дисциплины – **топонимика** (от греч. *τόπος / topos* «место, местность, страна», *ὄνομα, ὄνυμα / onoma, onuma* «имя, название») и **ономастика** (от греч. *ὀνομαστική / onomastikē* «искусство давать имена») являются разделами ономастиологии. Первая из них изучает географические названия, вторая – собственные имена (фамилии, имена, отчества, прозвища и клички людей и животных).

Палеография (от греч. *παλαιός / palaios* [*paleos*] «старый, древний» и *γράφω / graphō*) – вспомогательная филологическая дисциплина, исследующая внешний вид древних рукописей: материал, на котором написан текст, особенности написания букв и т.д. Цель исследования – определить время написания древнего текста.

Диалектология (от греч. *διάλεκτος / dialektos* «речь, говор, наречие, разговор, язык» и *λόγος / logos*) – наука о народных говорах или, другими словами, о территориальных вариантах этнического языка.

Прагматика (от греч. *πράγμα* / *pragma* «дело, действие») – один из разделов семиотики, изучающий употребление языковых знаков в процессе общения.

Важное значение в решении лингвистических проблем как частного, так и общего характера принадлежит *психолингвистике*, *математической лингвистике*, *социолингвистике*, *этнолингвистике*, *лингвистической культурологии* – дисциплинам, возникшим на стыке языкознания с психологией, математикой, социологией, этнографией и культурологией.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб.пособие. М.: Флинта: Наука, 2005.
2. Бохеньский Ю. Сто суеверий. Краткий философский словарь предрассудков. М.: Прогресс, 1993.
3. Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980.
4. Голдстейн М., Голдстейн И.Ф. Как мы познаем. М.: Знание, 1984.
5. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973.
6. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006.
7. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 1997.
8. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // А.М. Пешковский Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–62.
9. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4.

Задания

№ 1. Сравните приведенные ниже описания науки, данные американскими учеными Мартином и Инге Ф. Голдстейнами и русским философом А.А. Зиновьевым с определением науки Ю. Бохеньского (§ 2 наст. пособия). Перечислите признаки науки, выделяемые всеми авторами, и признаки, выделяемые только одним автором. Противоречат ли эти определения друг другу или они взаимодополняют друг друга? Какое из приведенных описаний науки вам представляется наиболее приемлемым? Почему?

А. «1. Она [наука. – А.Г.] представляет собой поиск понимания, т. е. чувства того, что найдено удовлетворительное объяснение какого-то аспекта реальности.

2. Понимание достигается посредством формулировки общих законов или принципов – законов, приложимых к возможно широкому классу явлений.

3. Законы или принципы могут быть проверены экспериментально».

Последний пункт, по мнению авторов, касается прежде всего естественных и точных наук. Для гуманитарных наук могут использоваться мнения авторитетных специалистов, экспертов [Голдстейны, с. 33].

Б. «Слово “наука” неоднозначно. Наукой называют более или менее систематизированную совокупность знаний, для овладения которыми требуется профессиональное обучение. Наукой называют также профессиональную деятельность по добыванию знаний. В таком смысле в число наук попадают не только признанные науки – физика, химия, биология и т.д., но и алхимия, астрология, магия, теология, кулинария и т.п. Наукой называют также лишь определенного типа знания и способы приобретения знаний (исследования), удовлетворяющие определенным критериям <...> Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического» [А.А. Зиновьев, с. 128].

№ 2. Прочитайте статью А.М. Пешковского «Объективная и нормативная точка зрения на язык». Выпишите ее основные положения. Определите понятия, характеризующие точку зрения – объективную, нормативную и субъективную. Можно ли считать, что все эти точки зрения в одинаковой степени отражают научный взгляд на язык?

№ 3. Ниже приведены высказывания о языке писателей и лингвистов. При помощи каких слов определяется термин *язык*? В каких случаях соблюдается принцип однозначности определения исходного понятия, а в каких – не соблюдается? С чем это связано? Прокомментируйте эти высказывания, используя приведенные в статье А.М. Пешковского определения, характеризующие

ющие разные точки зрения на язык – объективную, нормативную и субъективную.

1. Язык неотделим от человека и следует за ним во всех его действиях. Язык – инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него; язык – первичная и самая необходимая основа человеческого общества. Но он также конечная, необходимая опора человеческой личности, прибежище человека в часы одиночества, когда разум вступает в борьбу с жизнью и конфликт разряжается монологом поэта и мыслителя (Л. Ельмслев).

2. Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу! (Тургенев).

3. Нам дан во владение самый богатый, меткий, могучий и поистине волшебный русский язык (Паустовский).

4. Язык – стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных (членораздельных) звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний человека о мире (Н.Д. Арутюнова).

5. [Язык] – исторически сложившаяся, традиционная для данного человеческого коллектива система звуковых знаков (звуков, создаваемых с помощью голоса и шума в полости рта, и их значимых сочетаний), являющаяся основным средством общения, взаимопонимания людей, передачи ими информации (В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина).

№ 4. В рассказе С. Лема «Как уцелела Вселенная» речь идет о созданной конструктором Трурлем фантастической машине, которая умела делать все на букву *n*. Ей предложили сделать науку, и вот что из этого получилось:

«Машина заурчала, и сразу площадь перед домом Трурля заполнилась толпой ученых. Одни хватались за головы, писали что-то в толстых книгах, другие вырывали эти книги и драли их в

клочья, вдали виднелись пылающие костры, на которых жарились мученики науки, то здесь, то там что-то громыхало, поднимались какие-то странные грибообразные дымы, вся толпа говорила одновременно, так что нельзя было понять ни одного слова, время от времени составлялись меморандумы, воззвания и другие документы, а немного поодаль, на земле, сидели несколько одиноких старцев и все время писали бисерным почерком на клочках рваной бумаги».

Какие особенности науки воспроизвела в своем творении умная машина? Можно ли считать, что в ее представлении верно отражены наиболее существенные особенности науки? Чем руководствовалась машина, создавая свой образ науки? Определите понятие науки с точки зрения машины Туррля и сравните его с другими, уже известными вам определениями науки.

II. ЯЗЫК КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

---

§ 6. Основные понятия: система, знак

Современная наука определяет язык как знаковую систему. В этом определении родовым понятием является *система*, а видовым – *знаковая*. Чтобы понять сущность человеческого языка, необходимо подробно охарактеризовать эти понятия. Тем более что положение о знаковой природе языка относится к числу тех лингвистических теорий, которые в настоящее время получили всеобщее признание.

Система (от греч. *σύνστημα* / *sýstēma* «сочетание, организм; сочинение, организация, стадо; система») – это единство взаимосвязанных частей, однородных по своему составу. Между элементами системы существуют устойчивые отношения – смыслового или формального сходства, синонимии или антонимии, сходства по их принадлежности к определенной части речи.

Все многообразие отношений между элементами языковой системы можно свести к двум типам – *синтагматике* и *парадигматике* (от греч. *σύνταγμα* / *syntagma* «вместе построенное, соединенное»; *παράδειγμα* / *paradeigma* [*paradigma*] «образец, модель, пример, наглядное подтверждение»).

Синтагматические отношения устанавливаются между единицами, следующими друг за другом в определенном порядке. В составе слова синтагматическими отношениями связаны фонемы и морфемы, а в составе предложения – слова. Нарушение установленной последовательности фонем или морфем в составе слова разрушает его смысл. Ср. невозможность таких слов, как ⁺*анрк*, ⁺*накр*, ⁺*прак*, образованных из тех же звуков, из которых состоит слово *парк*, но расположенных в другой последовательности.

Тем же правилам жесткой последовательности подчиняются морфемы в составе слова. Корню предшествует приставка, а не наоборот, формообразующему суффиксу – словообразовательный суффикс и т.п. Менее жестко связаны между собой слова в соста-

ве предложения. В русском языке, в отличие от английского или китайского, порядок слов относительно свободный. Место слов в предложении можно менять, не искажая его смысла. Но менять только в определенных пределах. Предложение *В горах ночь наступает сразу после захода солнца* допускает такие видоизменения, как *Ночь наступает в горах сразу после захода солнца* или *Сразу после захода солнца в горах наступает ночь*. Но нельзя сказать: **Ночь захода после в наступает горах сразу*. Между словами в предложении существуют смысловые и синтаксические связи, которые оформляют сообщение о внеязыковой действительности таким образом, что оно становится доступным человеческому восприятию. Нарушение этих связей превращает предложение в бессмысленный набор слов.

Парадигматические отношения – это отношения, связи по смежности между единицами, которые существуют в тексте, в высказываниях участников общения, и внетекстовыми единицами, которые существуют в их сознании, как, например, лексемы, образующие синонимический ряд или грамматические формы одного слова.

Систему образуют, во-первых, множество предметов, понятий, элементов и, во-вторых, отношения между ними. Включение в систему или устранение из нее какого-либо элемента нарушает ее нормальное функционирование – система может работать, но недостаточно эффективно или подвергнуться полному разрушению.

Системы различаются между собой следующими признаками – способностью включать в свой состав новые элементы, сложностью строения и степенью организованности их элементов.

1. По первому признаку выделяются *закрытые* и *открытые* системы. Закрытыми называются такие системы, у которых количество составляющих их элементов постоянно. В открытых системах, наоборот, количество элементов изменчиво. Оно может или увеличиваться, или уменьшаться. Так, множество букв современного русского алфавита точно так же, как и множество фонем, образует закрытую систему в отличие от системы знаков для обозначения товаров, которые образуют открытую систему. Появление нового товара требует соответствующего обозначения в виде товарного символа. Так как новые товары появляются чуть ли не каждый день, то система товарных символов постоянно увеличивается и насчитывает в настоящее время десятки тысяч наимено-

ваний. Примером открытой системы может служить словарный состав любого языка, в котором постоянно происходит двустороннее движение: появляются одни слова, другие, наоборот, исчезают, выходят из употребления.

2. По степени сложности выделяются *простые* и *сложные* системы. Системы, состоящие из однотипных элементов, называются простыми, как, например, колода игральных карт, множество дорожных знаков, ряд натуральных чисел, совокупность согласных фонем языка. В этих системах каждый однотипный элемент – игральная карта, изображение дорожного знака, цифра, фонема – обладает вполне конкретной значимостью и выполняет функции, строго определенные данной системой.

Системы, состоящие из нескольких систем, называются сложными. Сложные системы, как правило, состоят из более простых объединений, называемых *подсистемами*.

Язык как сложная система включает в себя несколько подсистем – уровень фонем, морфем, лексем, словосочетаний и предложений. Каждый из названных уровней обладает своим специфическим устройством – набором языковых единиц, образующих данную подсистему, и отношениями, связывающими эти единицы в систему.

Следует заметить, что термин *подсистема* в специальной литературе употребляется непоследовательно. Часто его заменяют более привычным термином *система*.

3. По степени организованности или по характеру отношений между множеством элементов данной системы (другими словами – по степени системности) принято выделять системы высокой степени организованности – *жесткие* и системы слабо организованные – *диффузные, размытые*. В жестких системах отношения между составляющими их элементами однозначны и появление того или иного элемента легко предсказуемо. В диффузных системах, наоборот, отношения между элементами неоднозначны и плохо предсказуемы.

Степень организованности системы зависит от свойств языковых единиц, ее образующих. Простые по структуре и однотипные по форме языковые единицы отличаются большей способностью к образованию более упорядоченных систем, чем, например, сложные единицы. В этом можно убедиться, если сравнить степень си-

стемности уровня фонем с уровнем лексем. Первая из них жесткая, закрытая система, вторая – диффузная, открытая. Так, отношения между фонетическими единицами любого из существующих в настоящее время языков можно описать при помощи сравнительно небольшого числа различительных признаков (не более 12 пар). Привести к такому же «общему знаменателю» лексические единицы невозможно из-за их формальной сложности и разнообразия семантики. Для описания смысловых отношений между лексическими единицами понадобились бы сотни, а может быть, и тысячи различительных признаков.

В некоторых языковых системах (подсистемах), даже обладающих высокой степенью жесткости и предсказуемости, могут оказаться непредсказуемые, не предусмотренные системой элементы.

Вопреки ожиданиям в приведенных ниже парах при образовании множественного числа некоторых существительных и сравнительной степени некоторых наречий употребляются не однокоренные формы слова, а грамматические формы, образованные от других корней. Вместо теоретически ожидаемых ⁺человеки, ⁺ребёнки, ⁺множе, ⁺хороше (или ⁺хорошее) в языке реализуются грамматические формы, не связанные этимологической общностью с их соотнесительными языковыми единицами: *люди, дети, больше, лучше*. Примерами аналогичных отношений могут служить такие случаи, как *баран – овца, селезень – утка* (ср.: *козел – коза, гусь – гусыня*), *Германия – немец* (ср.: *Чехия – чех, Испания – испанец*). Такое явление принято называть **супплетивизмом** (от лат. *suppletio* «восполнение»), а элементы, связанные между собой такого рода отношениями, – **супплетивными формами**.

Супплетивизм – это такой тип отношений, в результате которого нарушаются регулярные связи между языковыми единицами, образующими определенную систему, как в приведенных выше примерах. Вместо ожидаемых однокоренных единиц в системе грамматических форм или в словообразовательном ряду употребляется языковая форма, не связанная общностью происхождения с исходными единицами. Таким образом, супплетивизм – это **нарушение системности** в словоизменении, словообразовании, лексике. В этом смысле супплетивизм как одна из разновидностей отношений между языковыми единицами находится в одном ряду с синонимическими, антонимическими и омонимическими отноше-

ниями. Поэтому супплетивные отношения устанавливаются только в системе, на фоне регулярных отношений.

Важным для понимания сущности языка и его места в человеческом коллективе является общенаучный термин **знак**. Это понятие можно определить как материальный объект, выполняющий репрезентативную функцию (от лат. *represento* «представляю»). Суть этой функции заключается в том, что знак, обозначая предмет, является своего рода представителем, эквивалентом этого предмета в процессе общения. Он вызывает в сознании слушателя или читателя представление о предмете, который обозначен этим знаком. В человеческом коллективе для обозначения предметов и явлений окружающего мира используются слова, по своей сути являющиеся знаками.

В знаке выделяют две стороны – *означаемое* и *означающее*. Означаемое – это понятие, заключенное в знаке, его содержание, смысл, внутренняя сторона или, по-другому, то, что воспринимается нашим сознанием. Означающее – внешнее выражение знака, его формальная сторона, то, что воспринимается органами слуха, зрения, обоняния, осязания и т.д.

В зависимости от характера связи между означаемым и означающим выделяются три типа знаков – *знаки-индексы* (или *знаки-симптомы*), *иконические знаки* и *знаки-символы*.

Между означаемым и означающим знаков-индексов (симптомов) существует причинная связь: дым в лесу, потому что горит лес или разожжен костер; утром лужи на улице и мокрые крыши домов – ночью прошел дождь; горячий лоб и покрасневшее лицо – высокая температура, заболевание.

В иконических знаках (от греч. *εἰκών* / *eikon* [*ikon*] «изображение, подобие, картина; образ») есть определенное внешнее или функциональное сходство между означаемым и означающим: фотография в паспорте или в удостоверении личности; некоторые дорожные знаки, пиктографическое письмо, живописные и скульптурные изображения людей, животных, птиц. Иконическими знаками можно считать отпечатки пальцев, указывающие на принадлежность их определенному лицу. Внешнее сходство между означаемым, т.е. определенным человеком, и означающим – его отражением в дактилоскопическом снимке полностью отсутствует. Но существующую между ними связь устанавливают при по-

мощи специальных научных методов, используемых в криминалистике.

В знаках-символах отношения между означаемым и означающим условны, произвольны. Примером знаков-символов могут служить слова любого человеческого языка. Отношения между означаемым – смыслом слова и означающим – его звучанием этимологически не мотивированы. Но эти отношения сложились в процессе длительного развития языка, поэтому связь между обеими сторонами знака устойчива – иначе общение было бы невозможным.

Слово следует считать знаком потому, что в любом слове важно не его звучание (или написание), а его значение. В разных языках слова, обозначающие одинаковые понятия, звучат по-разному. Как и любой другой знак, слово служит для обозначения предметов и явлений окружающего мира. Произнося то или иное слово, мы направляем внимание нашего слушателя не на само слово, а на тот предмет, который оно обозначает. Если бы слово не выполняло этой функции отсылать к предмету, который оно обозначает, то для слушателя слово оставалось бы ничего не значащим набором звуков. Слова иностранного языка для нас ничего не значат до тех пор, пока мы не поставим их в соответствие или с теми предметами, которые они обозначают, или со словами родного языка, которые в нашем сознании уже соотнесены с обозначаемыми ими предметами.

Но не все слова являются знаками-символами. Некоторые из них – звукоподражания, междометия – можно отнести к иконическим знакам или к знакам-симптомам.

Знаком может быть любой предмет, явление, свойство и т.д. В том числе и слово – написанное или произнесенное, если при этом проявляется репрезентативная функция знака. Предмет можно считать знаком только в том случае, если он служит для обозначения *другого* предмета, явления или свойства. Не имеет существенного значения, какого он цвета, какой формы или из какого материала. Само по себе красное стекло не является знаком, но то же стекло в светофоре – знак, так как здесь обозначается не просто красный цвет, а заключено значение, которое лежит за пределами этого знака. Красный цвет здесь обозначает: «Стоять! Переходить улицу нельзя!» В других случаях (точнее, в других

знаковых системах) красный цвет может употребляться и в других значениях.

Знак существует в системе, состоящей из однотипных элементов, с которыми он связан определенными отношениями. Именно в системе он реализует свое значение. Так, знак **О** в разных системах может обозначать букву *o*, окружность, ноль, колесо, спасательный круг и т.п.

§ 7. Употребление термина «язык» в разных смыслах

Язык – явление многообразное и многоликое. Поэтому возможны разные определения языка в зависимости от того, с какой точки зрения его рассматривать. К такому выводу пришел Ф. де Соссюр в книге «Курс общей лингвистики».

С точки зрения функционирования в обществе язык – социальное явление, представляющее собой наиболее эффективное средство общения, используемое в человеческом коллективе. В языке воплощаются результаты практической и интеллектуальной деятельности – как отдельного человека, так и всего народа в целом.

С точки зрения устройства язык – «система знаков, выражающих понятия», «система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку».

С точки зрения условий своего существования язык – культурно-исторический феномен, формирующий нацию, создающий предпосылки для развития письменной культуры того или иного народа.

Определение языка как знаковой системы стало общепринятым и вошло в науку о языке в качестве одного из ее основополагающих принципов. Такой подход к языку способствовал развитию *семиотики* – науки о знаковых системах, позволил выявить новые связи, соединяющие между собой не только гуманитарные, но и другие науки.

Слово *язык* как единица общеупотребительного языка многозначно. Толковые словари отмечают до десяти значений этого слова, включая иногда в понятие «язык» и омонимичные значения, как, например, язык – «народ», язык – «пленный», язык – «метал-

лическая пластина в колоколе», язык – «подвижный, удлиненной формы мышечный орган в полости рта, являющийся органом вкуса, а у человека участвующий также в образовании звуков речи» [Лопатины, с. 818].

В языковедческой литературе это слово, будучи научным термином, таким большим количеством значений не обладает (хотя, в отличие от идеального термина, не является однозначным). Язык как научный термин употребляется в трех смыслах – как система словесных знаков, как система любых знаков (кроме словесных) и как код, т.е. как совокупность, система знаков и определенных правил для обработки, хранения и передачи информации.

1. В первом случае термин *язык* употребляется в *узком*, собственно терминологическом смысле и представляет собой систему словесных знаков, используемых людьми в процессе общения. В этом смысле говорят о языках *естественных* и *искусственных*, *живых* и *мертвых*, *письменных* и *бесписьменных*.

Естественным называется язык, который возник вместе с человеком и развивался естественным путем, без сознательного на него воздействия со стороны человека.

Среди искусственных языков, т.е. языков, созданных человеком для каких-либо вспомогательных целей, можно выделить три типа: 1) языки, созданные по образцу естественных, как, например, эсперанто, идо, волапюк; 2) символические языки математики, химии, логики, а также языки программирования, языки общения человека с компьютером; 3) литературные языки, которые характеризуются большей или меньшей степенью воздействия человека на их образование. Так, например, современный чешский литературный язык, созданный (возрожденный) в начале XIX в. на базе письменных памятников XVI в., отличается большей искусственностью, вмешательством человека в его развитие, чем такие славянские языки, как польский, украинский или белорусский, формировавшиеся в основном естественным путем, на базе народных говоров.

Естественные языки, используемые в процессе общения между людьми, называются живыми языками. Те языки, которые в настоящее время не используются с такой целью, называются мертвыми языками, как, например, латинский, готский, старославянский, древнегреческий, древнерусский, древнеанглийский и др.

Перечисленные мертвые языки – языки письменные. На этих языках в древности были созданы письменные памятники, часть из них сохранилась до настоящего времени и доступна специалистам. От многих мертвых языков, по сути, не осталось никаких следов, кроме названия, одна из причин – отсутствие письменности.

К мертвым языкам относятся и так называемые праязыки – индоевропейский, праславянский, пратюркский, т.е. языки, не зафиксированные письменно, но восстанавливаемые при помощи специальных научных методов, к числу которых относится лингвистическая реконструкция.

Естественные языки в своем развитии могут претерпевать разные изменения. В одних случаях язык развивается, подчиняясь своим собственным законам, в других – взаимодействуя с разными языками и испытывая их влияние. В результате этого возникают языки в большей или меньшей степени смешанные.

Примером таких языков могут служить *пиджины* – языки, сформировавшиеся в результате длительных контактов между разными языками. В пиджинах (в настоящее время насчитывается несколько сот таких языков) грамматика и лексика сведены к минимуму. Коммуникативная функция ограничивается в основном бытовой сферой, куплей-продажей или общением туриста с жителем страны, который не знает языка туриста, а турист, в свою очередь, не знает языка своего собеседника.

В России таким языком является таймырский пиджин, или *говорка*, возникший в XVIII–XIX вв. благодаря взаимодействию русского языка с языками коренных народов Таймырского полуострова – эвенков, якутов, ненцев, нганасанов. Лексика в этом языке сформировалась в основном на базе русской. Правда, многие слова изменили свое значение. Некоторые из знаменательных слов русского языка в таймырском пиджине – говорке перешли в разряд служебных слов. Грамматика упрощена до предела. Предложения на этом языке производят впечатление «ломаного русского»: слова русские, а их смысл в составе предложения далеко не всегда понятен. Например: *Тебя ночь как резал?* ‘Как ты провел ночь?’; *Меня сестра девка мужик совсем худой* ‘Зять моей сестры очень плохой’; *Меня они видал лавка место* ‘Я видел его / её в магазине’; *Как тебя голова место попал?* ‘Как тебе в голову пришло?’

Приведенные примеры дают представление о некоторых отличительных особенностях грамматического строя говорки. Существительные и местоимения не склоняются. Местоимения *меня, тебя* соответствуют русским личным местоимениям *я, ты* или притяжательным *мой, твой*. Слово *место* в приведенных примерах – *лавка место, голова место* – выполняет функцию служебного слова – послелога, указывающего на падеж, соответствующий русскому предложному падежу.

На базе пиджинов формируются *креольские языки*, которые постепенно приобретают черты «нормального» языка за счет обогащения словаря и усложнения грамматической и семантической системы. Некоторые из креольских языков с течением времени становятся письменными, приобретают статус литературных и государственных.

2. В *широком*, или в *метафорическом*, смысле термин *язык* обозначает любую систему знаков, служащую для передачи сообщений. Сообщения могут передаваться от одного человека к другому при помощи самых разнообразных знаков: а) *зрительных* – дорожные знаки, знаки светофора, жесты и мимика, буквы, иероглифы, пиктограммы, картины; б) *звуковых* – барабанный бой, сирена «Скорой помощи», телефонный звонок, раскаты грома, звуки, издаваемые животными, человеческая речь, пение, произведения инструментальной музыки; в) *осязательных* – рукопожатие, поцелуй, алфавит Брайля.

Примером зрительного языка может служить так называемый язык жестов, используемый не только глухонемыми, но, пожалуй, всеми людьми при выражении утверждения, отрицания, удовольствия, радости, отчаяния и т.д. Особое значение может быть приписано выстрелу из ружья, подражанию голосам птиц или животных. Во всех этих случаях термин *язык* используется в широком смысле (язык жестов, язык птиц, язык взглядов, язык ультиматумов).

Ученые, изучающие жизнь пчел, определили, что они пользуются особым языком – языком телодвижений, который принято называть «танцем пчел». При помощи этого языка пчела-разведчица сообщает остальным о том, как далеко находятся цветы, богатые пыльцой, в каком направлении нужно лететь и какую нужно выбрать поправку на боковой ветер.

Можно считать, что термин *язык* употребляется в широком смысле и в том случае, когда говорят о стиле писателя. Слово «язык» в выражении «язык Пушкина» обозначает не только «русский язык», но и совокупность тех художественных приемов, изобразительных средств, которые свойственны только Пушкину и отличают его по манере письма от других писателей.

Между термином *язык* в широком и в узком смысле есть сходство и различие. Сходство в том, что и в широком, и в узком смысле язык понимается как система знаков для передачи сообщений. В узком смысле в качестве знаков используются слова (словесные знаки), а в широком – жесты, мимика, нечленораздельные звуки, разные предметы, т.е. несловесные знаки.

3. Код – система условных знаков для хранения и передачи информации. Часто говорят о том, что информацию кодируют, т.е. передают ее содержание при помощи особого кода – специально придуманной системы знаков, доступной узкому кругу лиц, посвященных в смысл закодированной информации. Цель кодирования в данном случае сделать информацию недоступной противнику, конкуренту, широкой общественности.

В общепринятом понимании кодом называют систему знаков, смысл которой доступен только в том случае, если ее получатель обладает своеобразным ключом, при помощи которого закодированная информация становится понятной ему. Одним из видов такого кода могут служить языки программирования, предназначенные для автоматической обработки информации.

В языкознании и в теории информации термин *код* определяется как способ представления информации при помощи определенной знаковой системы, например слов того или иного языка. Именно в этом случае кодом называют любой естественный язык. Код можно определить и как *систему* соответствий между разными знаковыми системами, как способ преобразования информации, выраженной средствами одной знаковой системы, в идентичную по содержанию информацию, выраженную при помощи средств другой знаковой системы.

Как видно из последнего определения, одну и ту же информацию можно передать при помощи разных знаковых систем. Так, для передачи сообщения в пределах слышимости человеческого голоса используют звуковой код. Информация на большие расстоя-

яния передается при помощи таких технических средств, как телефон, телеграф, радио, Интернет. В этих средствах сообщения человеческая речь «переводится» в знаковую систему, выраженную посредством импульсов электрического тока, радиоволн, визуальных знаков.

Информация для долгосрочного хранения кодируется в визуальной форме при помощи общепринятых письменных знаков. В настоящее время существуют и другие способы длительного хранения информации – фотография, кино, электронные носители.

Язык как неотъемлемое свойство человека представляет собой в своей исконной основе, заложенной в его сознании природой, сложное и загадочное образование. Прежде всего это своего рода *tabula rasa* (чистая доска), точнее, матрица, на которой уже нанесена некая схема для заполнения ее поступающей информацией, фиксируемой в сознании говорящего или слушающего в виде соответствующей знаковой системы. Эта система образована в результате возникновения определенных связей между нейронами – мельчайшими элементами человеческого мозга.

Но в такой форме язык для других – «вещь в себе», недоступная пониманию окружающих. Чтобы язык эффективно выполнял свою основную функцию – коммуникативную, необходимо представить его в такой форме, которая понятна окружающим. Другими словами, перевести биологический код в звуковой, доступный органам восприятия человека. Такой процесс перевода, когда один код заменяют другим кодом, не меняя при этом смысла, принято называть *перекодированием*.

Способы реализации языка в разных формах – звуковой, зрительной, электронной – называют разными кодами языка (или *субкодами*). Основным в коммуникативном смысле является звуковой субкод, которым человек овладевает под влиянием окружающей языковой среды. Основным в генетическом смысле следует считать биологический субкод, формирование которого происходило по мере того, как человек из существа полудикого превращался в существо разумное.

Свойство языка выступать в разных ипостасях, т.е. субкодах, обусловлено его способностью адаптироваться к разным коммуникативным условиям, чтобы передать сообщение самым удобным способом и для отправителя, и для его получателя.

Из всех знаковых систем – язык животных, язык птиц, язык пчел, язык дорожных знаков – только естественный язык (которым пользуется человек) обладает способностью воплощаться в нескольких кодах, легко переключаться – по мере надобности – с одного кода на другой.

§ 8. Язык и другие знаковые системы

Человеческий язык является одной из самых сложных знаковых систем, существующих в природе. Другие знаковые системы, выполняющие аналогичную функцию, т.е. используемые как средство общения в животном мире, намного проще. Количество элементов, образующих такие системы, сравнительно невелико и постоянно. В человеческом языке количество слов исчисляется многими тысячами, и значительная часть их меняется. Человеческий язык – открытая система, находящаяся в постоянном движении. Изменения в языке обусловлены прежде всего социальными причинами, т.е. изменениями, происходящими в человеческом обществе. Коммуникативные системы, используемые животными, закрытые, стабильные.

Различия между двумя типами названных знаковых систем не только количественные, но и качественные. Сообщения, передаваемые животными, ограничены узкой сферой, связанной с условиями их выживания в определенной среде. Прежде всего, это могут быть сигналы об опасности, о пище. Знаки, используемые в качестве общения между животными, однозначны. Они тесно привязаны к определенной ситуации и обусловлены биологическими свойствами их носителей. Вне сферы своего обитания, например в неволе, животное не пользуется своим языком в таком объеме, как на свободе.

Совершенно по-другому проявляет себя знаковая система, называемая человеческим языком. Сообщения, передаваемые при помощи этой системы, неисчислимы в своем многообразии и могут относиться как к вещам, находящимся в поле зрения говорящего, так и находящимся вне поля зрения, как к явлениям, совпадающим с моментом речи, так и к явлениям далекого прошлого – равно как и далекого будущего.

В зависимости от условий общения язык человека реализуется в разных субкодах – в звуковом, зрительном или в каком-либо другом субкоде, доступном восприятию собеседника, которому адресовано данное языковое сообщение. Язык животных не обладает таким свойством, будучи воплощенным в одном – единственном субкоде – звуковом, как у большинства животных, или в зрительном, как у пчел. Именно эти коды и являются единственно доступными восприятию животных соответствующего вида.

Различия между семиотическими системами, используемыми в качестве средства общения в мире животных и в человеческом обществе, относятся к числу фундаментальных, т.е. таких, которые затрагивают основу данного явления, характеризуют его наиболее существенные особенности.

Изучением языка в человеческом коллективе в сопоставлении с языком животных занимались ученые разных специальностей. Наиболее известны в этой области исследования лингвистов Чарльза Ф. Хоккета и Эмиля Бенвениста, биолога Конрада З. Лоренца, философа, семиотика Адама Шаффа.

Благодаря их работам установлено как то общее, что объединяет язык животных с языком человека, так и то, что различает эти семиотические системы. Сходство между ними в том, что и одна и другая системы используют знаки. Различий – значительно больше. Назовем самые существенные: 1) особенности структуры сопоставляемых семиотических систем; 2) их потенциальные возможности использоваться в диалоге; 3) способность выразить смысл, переданный в одной знаковой системе, при помощи средств другой системы.

1. По своему строению человеческий язык представляет систему, подчиняющуюся принципу *двойного членения*. Суть этого принципа заключается в том, что язык состоит из элементов разной степени сложности – простейших, незнаковых единиц и сложных, знаковых единиц. Знаковые единицы – морфемы, лексемы, предложения – образованы путем сочетания незнаковых языковых единиц – фонем. Такое устройство языковой системы позволяет из сравнительно небольшого числа простейших элементов – фонем, порядка нескольких десятков, создавать практически неисчислимое количество знаковых единиц. Благодаря этому языковая си-

стема становится открытой, гибкой, а это позволяет ей приспосабливаться к изменяющимся социальным условиям функционирования языка в процессе общения.

Знаки, используемые животными, нельзя разделить на более сложные и более простые. По своей структуре они однотипны, одинаковой степени сложности. Их нельзя разложить на значимые элементы, подобно тому, как это можно сделать с предложением или словом, разделив их на более мелкие значимые части: предложение – на слова, а слова – на морфемы. В конечном счете и те и другие – на единицы, лишённые смысла, – фонемы.

Считая, что язык пчел по сравнению с другими семиотическими системами, созданными природой, ближе всего к человеческому языку, известный французский языковед Эмиль Бенвенист писал: «<...> Коммуникация пчел резко противопоставлена человеческим языкам: их сообщение нельзя расчленивать. В нем можно видеть только общее содержание <...>» [Бенвенист, с. 102]. Принцип двойного членения, свойственный языку человека, на язык пчел, равно как и на другие семиотические системы, существующие в природе, не распространяется.

2. Диалогичность такой семиотической системы, как человеческий язык, проявляется в процессе общения между говорящим и его собеседником. У каждого из участников диалога меняются роли. Каждый из них выступает то как говорящий – источник информации, то как слушатель – получатель информации. И говорящий, и слушатель при необходимости могут воспроизвести переданную информацию.

Другие коммуникативные системы не обладают таким свойством. Даже язык пчел, при помощи которого передается достаточно сложная информация, не является по своей сути диалогичным. Это своего рода монолог, без обратной семиотической связи между произносящим монолог и его «слушателями».

Пчела-разведчица не ведет диалог с другими пчелами – она при помощи соответствующих знаков «описывает», как добраться до источника пищи. Сотни пчел, вовлеченные пчелой-разведчицей в танец, повторяют каждое ее движение, усваивая таким способом передаваемую информацию. Но ни одна пчела не может по ходу действия прервать своего информанта и задать ему вопрос,

если ей что-то непонятно. В языке пчелы такая возможность не предусмотрена. Предусмотрено другое – многократное повторение танца до тех пор, пока информация не будет полностью усвоена всеми пчелами. Получив необходимые сведения от пчелы-разведчицы, пчелы направляются в нужное место и безошибочно его находят. Как видно из приведенного примера, пчелы полностью усваивают информацию, которая для них является стимулом к действию – поиску источника пищи. Воспроизвести эту информацию и передать ее, например, пчелам другого улья ни одна из них не в состоянии.

3. Возможность перевести, точнее, перекодировать информацию, зафиксированную в одной знаковой системе, при помощи средств другой знаковой системы, является одним из надежных показателей семантической гибкости или самодостаточности принимающей системы.

Человеческий язык обладает такой способностью в достаточно широких пределах.

Язык пчел, хотя и совершенен в своем роде, но, будучи жестко «привязанным» к природным условиям их обитания, в отличие от человеческого языка, коммуникативно ограничен. Сравнивая человеческий язык с языком пчел, Чарльз Хоккет писал: «Люди могут разговаривать обо всем, пчелы же могут “разговаривать” только о нектаре» [Charles F. Hockett, § 64.3].

Информация, которая заключается в языке пчел, без особого труда может быть выражена на любом естественном языке, будь то немецкий, русский или английский язык. «Обратный перевод» информации, заключенной, например, в текстах на русском языке, невозможен. На язык пчел нельзя перевести не только научное или художественное произведение, но нельзя перевести даже такие простые предложения, как *Остановись. Подожди меня немного. Давай отдохнем. Потом полетим обратно. Там цветов больше.*

Язык пчел передается по наследству, и в этом смысле он – биологическое явление. Язык человека формируется в коллективе путем общения – сначала с родителями, потом с ровесниками в детских дошкольных учреждениях, наконец, в школе, в вузе, путем самообразования. И во всех перечисленных случаях язык человека выполняет социальную функцию.

§ 9. Двойственность природы человеческого языка

По своей природе язык представляет собой явление двойственное. С одной стороны, язык – биологическое явление, а с другой – социальное. Биологическое потому, что его «первичное материальное воплощение», его «место обитания» – человеческий мозг; социальное потому, что язык является тем связующим звеном, которое соединяет отдельную личность со всем обществом.

Социальная сторона языка отражена в его коммуникативной функции. Вне языкового общения жизнь человеческого общества невозможна. Именно благодаря языку жизнь любого коллектива приобретает осмысленность, содержательность и целенаправленность.

Свои знания, мысли человек закрепляет в языке. При помощи языка он передает их другим людям – современникам и потомкам. Благодаря языку, отраженному в письменных текстах, мы узнаем о событиях далекого прошлого, о жизни наших предков, их мыслях и чаяниях. Знания можно передавать и при помощи других средств, например рисунков. Но передача мыслей при помощи языка экономнее и универсальнее. Экономнее потому, что при помощи языка любую мысль можно выразить короче, чем при помощи рисунков. Универсальнее потому, что при помощи словесных знаков можно выразить все, что связано с жизнью и деятельностью человека, его восприятием окружающего мира, осмыслением своих действий и поступков, а также его отношением к окружающему миру, к своим действиям и поступкам. Далеко не все это можно выразить рисунками. В отличие от других средств передачи информации язык не ограничен в способах выражения любой человеческой мысли, ее тончайших нюансов.

Биологическая сторона языка проявляется в способности человека произносить членораздельные звуки и усваивать язык. Язык существует в сознании человека благодаря биологическому свойству его мозга, в котором он хранится в закодированном соответствующим образом виде.

Известны примеры так называемых «волчьих детей», выросших в волчьей стае, среди диких животных. Позже, оказавшись в человеческом обществе, такой ребенок был не в состоянии овла-

деть человеческой речью, так как в условиях жизни среди диких животных он языком не пользовался.

Языки – русский, английский, китайский и все остальные не передаются по наследству от родителей к ребенку, а приобретаются в процессе его общения с окружающими. Но по наследству передается способность человека пользоваться языком. Эта способность заложена в самой природе человека. Современная наука доказала, что овладеть языком ребенок может только до определенного возраста (обычно это первые два-три года жизни). Ребенок, не овладевший речью в этом возрасте, в дальнейшем не в состоянии научиться говорить, несмотря ни на какие усилия.

Опыты над обезьянами показали, что, например, горилла в течение двух-трех лет может овладеть несколькими сотнями «предметных знаков», при помощи которых она общается с человеком, реагирует на его команды, отвечает на вопросы. Но обезьяна не может выразить своих коммуникативных потребностей при помощи слов: ее полость рта устроена таким образом, что исключает полностью возможность произнесения членораздельных звуков. В ее «речевом» аппарате не хватает резонатора, роль которого у человека выполняют полости рта, носа и глотки. Именно в резонаторе звуки приобретают свою окончательную форму, благодаря чему становятся доступными восприятию человеческого уха.

§ 10. Гипотезы о происхождении языка

Язык возник в глубокой древности, отстоящей от наших дней если не на миллионы, то, как минимум, на сотни тысяч лет. Его возникновение относится не к какому-то определенному отрезку времени – язык формировался на протяжении многих тысячелетий, по мере того как менялся человек. Поэтому вопрос о происхождении языка относится к числу гипотетических. И едва ли когда-либо будет накоплено достаточно материала для создания научно аргументированной конкретными примерами *теории происхождения языка*. Для подтверждения такой теории современная наука не располагает необходимыми фактами.

Исследователь, занимающийся вопросами происхождения языка человека, вынужден обращаться к косвенным аналогиям, ко-

торые только в самом общем виде дают некоторое представление о его возникновении и развитии. В первую очередь сюда следует отнести язык, используемый обезьянами и обладающий, возможно, сходством с одним из ранних этапов развития человеческого языка. Представляют серьезный интерес разные патологические явления, связанные с потерей речи, а также – при определенных благоприятных условиях – ее обретением.

Исключительно ценный материал для решения вопроса о происхождении языка представляет гипотеза Р.О. Якобсона о связи между развитием языка у ребенка, у больного афазией (от греч. *αφᾶσία* / *aphasia* «утрата речи») и развитием человеческого языка в целом [Jakobson, с. 328–401].

Развитие языка (речи) у ребенка и у афатика доступно непосредственному наблюдению. Установлено, что процесс утраты звуков в речи афатика является «зеркальным отражением процесса усвоения звуков ребенком: очередность здесь противоположна тому, как они появляются в процессе развития ребенка» [Jakobson i Halle, s. 109]. Звуки, которые усваивает ребенок на первых этапах своего развития, являются самыми устойчивыми. Звуки, усвоенные позже, менее устойчивы – именно их и теряет больной афазией в первую очередь, а в случае обретения речи он их усваивает в последнюю очередь. Таким образом, существует определенная закономерность в развитии фонетических навыков как у нормального ребенка, так и у человека, который вторично, после излечения болезни, усваивает звуки родного языка. В первую очередь усваиваются губные согласные, сонорные. Из переднеязычных сначала ребенок произносит смычные, затем щелевые и в последнюю очередь – аффрикаты. В такой же последовательности овладевает речью больной афазией после излечения. В случае утраты речи процесс развивается в обратной последовательности.

Закономерности в развитии речи ребенка и больного афазией позволили Якобсону высказать два предположения:

- 1) существует жесткая закономерность не только в последовательности усвоения звуков, но и других компонентов языковой системы (грамматических категорий, синтаксических моделей, семантических типов лексических единиц);

- 2) человеческий язык в своем развитии прошел те же этапы, что и язык отдельного человека, но только в сильно сокращенном варианте.

Если первый тезис подтверждается многочисленными наблюдениями над речью ребенка и афатика, то второй тезис – это гипотеза, более или менее правдоподобная, как и многие другие научные гипотезы о происхождении языка.

Огромное количество суждений о языке, начиная с античности и до настоящего времени, можно разделить на две группы – *донаучные* и *научные гипотезы*. Первые основаны на произвольных аналогиях и предположениях и по своему содержанию ничем не отличаются от разного рода легенд и мифов. Вторые опираются на определенные научные теории, разработанные в естественных или гуманитарных науках.

Интересную классификацию гипотез о происхождении языка предложил американский антрополог Гордон Хьюз (Hewes), выделив 12 групп таких «теорий»: «1) восклицания, или пух-пух-теория; 2) звукоподражания, или ономотопея, – боу-воу-теория; 3) имитация звуков, производимых предметом при ударе по нему, или дин-дон-теория; 4) пение за работой, или ю-хи-хоу-теория; 5) жестикуляция ртом, или та-та-теория, согласно которой движения челюсти, губ и языка имитируют движения рук, плеч и других частей тела; 6) теория детского лепета, основанная на наблюдениях за сходством булькающих звуков, издаваемых ребенком, пускающим пузыри, и аналогичными звуками в природе; 7) теория инстинкта, в соответствии с которой язык обретается на определенном уровне эволюции познавательных способностей человека и является врожденным свойством; 8) теория соглашения, по которой люди добровольно договариваются о создании языка для совершенствования своей общественной жизни; 9) коммуникативная теория, по которой язык является естественным результатом общественной жизни людей, удовлетворяющим потребности общения; 10) божественная, или сверхъестественная, по которой язык есть дар божий; 11) «мутационная» теория, по которой язык есть результат случайного биологического события; 12) теория жестов, по которой начальным средством сознательной коммуникации были жесты, а устная речь возникла позднее» [См.: Линден, с. 65].

Термин *теория* в приведенных выше примерах употреблен в гиперболизированном смысле – здесь уместен был бы другой термин – *гипотеза*. Называть теорией высказанные наивные догадки нет достаточных оснований. Такие «теории» не раскрывают реаль-

ного содержания характеризуемых понятий. Своим названием они выражают намерения авторов или их последователей придать некоторый виртуальный вес, значимость высказанным предположениям. Психологически это вполне понятно, так как положение, названное теорией, вызывает к себе большее доверие, чем положение, названное гипотезой.

Большинство из приведенных «теорий» представляет не научный, а только исторический интерес: 1–6, 8, 10. Они не только не доказаны – в пользу их состоятельности даже не приведены более или менее убедительные аналогии. Объединяет эти гипотезы взгляд, согласно которому первобытный человек, овладевавший языком, не отличался от современного человека. Предполагается, что у первобытного человека уже сформировались такие же органы речи и интеллект, как и у современного человека. Осталось только «нагрузить» их определенными звуковыми комплексами, выражающими смысл.

Но человек и его язык развивались постепенно, непрерывно и параллельно друг другу. Совершенствовались органы речи, пока не достигли современного уровня. Поэтому язык первобытного человека так же отличается от современного языка, как первобытный человек отличается от современного человека.

Остальные гипотезы – инстинкта, коммуникации, случайного биологического события и гипотеза жестов – в той или иной мере подтверждаются данными современных гуманитарных и естественных наук. Именно эти гипотезы, особенно гипотеза коммуникации, получили в современной науке широкое распространение.

В основе современных гипотез о происхождении языка лежит мысль о его социальной природе, в соответствии с которой язык выступает в человеческом коллективе в качестве основного средства общения.

С позиций социолингвистики объясняет происхождение языка известный языковед В.И. Абаев. Его гипотеза, называемая автором *теорией социальных символов*, опирается на некоторые общетеоретические положения, которые в современной науке о языке считаются общепризнанными. Важнейшие из них: язык, сознание и мышление образуют неразрывное единство; язык – необходимая предпосылка мышления. Другими словами, без языка нет мышления, равно как и без мышления не может быть языка.

Смысл гипотезы В.И. Абаева можно свести к следующим положениям:

1. Возникновение и развитие языка обусловлено социальными причинами. Язык возник в обществе, определенным образом организованном. Развитие общества, усложнение его социальной структуры требовало эффективного средства общения, каким и является звуковой язык.

2. Первые человеческие «слова» сформировались на материале звуковых сигналов, определенных звуковых комплексов, которыми уже обладали предки человека. Но если у обезьян связь между звучанием и значением звукового комплекса была обусловлена биологически, то у человека она обусловлена социально. К первым словам первобытного человека, по мнению Абаева, следует отнести такие звуковые комплексы, которые выражали понятия «мы», «наше», формируя коллективное самосознание человека и противопоставляя его как представителя одного коллектива представителям другого коллектива. «Эта потребность, – пишет Абаев, – все время отталкиваясь от других коллективов, противопоставлять себя им порождала множество дифференцированных звуковых комплексов социально-символического характера и создавала великолепные условия для тренировки звукопроизводительных органов и для постоянной дифференциации, пополнения и обогащения лексики. Язык возник не из биологических, а из социальных потребностей человека» [Абаев, с. 13–14].

3. С самого начала возникновения между языком обезьян и человеческим языком установились качественные различия. Первый из них представляет закрытую семиотическую систему, второй – открытую. Эти различия обусловлены соответственно биологическими и социальными факторами. Закрытые системы, как язык обезьян, не способны к развитию, и новые «слова», т.е. знаки-симптомы, не появляются – язык как бы остановился в своем развитии. Открытые системы, как человеческий язык, наоборот, меняются, появляются новые языковые единицы, некоторые из них выходят из употребления. Язык находится в постоянном развитии.

Между этими двумя семиотическими системами есть и другие существенные различия. Языки, подчиняющиеся действию биологических факторов, для животных одного вида, например обезьян, одинаковы. Языки же, подчиняющиеся действию социальных фак-

торов, как человеческий язык, для одного вида – Homo sapiens – разные.

Возникновение и дальнейшее развитие языка связано с развитием человеческой речи, т. е. умением выражать свои мысли и чувства при помощи определенных звуков и их сочетаний.

По мнению многих специалистов, зачатки человеческого языка появились 100 000–200 000 лет тому назад. Язык в современном смысле сформировался значительно позже – от 30 до 50 тысяч лет тому назад. Первичные звуковые комплексы этого языка – своего рода слова – были представлены тремя типами единиц. Во-первых, это слоги, ударные и безударные, причем в ударных слогах выражалось важнейшее смысловое содержание. Во-вторых, фонетические сочетания звуков, прежде всего определенных согласных, как, например, английские слова: *damp* – *swamp* – *plump* – *dimple* («сырость – болото – пухлый – рябь /на воде/»). Благодаря сочетанию согласных *mp*, а также *mpl*, *sw*, *pl* эти слова обладают некоторым общим смыслом – «жидкое, подвижное, неустойчивое». В-третьих, в первобытном языке существовали и элементы, не обладающие значением, своего рода фонемы [См.: Николаева 1996, с. 81].

Рассмотрев разные гипотезы происхождения языка, Т.М. Николаева пришла к выводу, «что на самом деле язык в своих истоках был не таким, каким мы можем его представить» [Николаева 1996, с. 87]. Действительно, мы можем представить первобытный язык только похожим на наш родной или на какой-либо другой язык, нам известный.

Гипотезы о происхождении языка предполагают решение, по крайней мере, четырех взаимосвязанных проблем: во-первых, как и в какой последовательности образовались звуки человеческого языка; во-вторых, какое количество звуков возможно теоретически и практически в человеческом языке; в-третьих, какие смыслы были исходными и как они связаны с их выражением при помощи звуков; в-четвертых, как из этих смыслов образовалось все многообразие смыслов, свойственных современным языкам.

Звуковые компоненты, произносимые первобытным человеком, уже содержали в зародыше те смыслы, которые возникли в последующие периоды развития языка.

Можно предположить, что сначала усваивались более простые и конкретные смыслы, затем более сложные и отвлеченные. Одним

из вариантов ответа на вопрос о том, какие смыслы были исходными, является гипотеза А. Вежбицкой о семантических примитивах, т.е. таких исходных смыслах, на основе которых создаются все понятия, представленные во всех языках и имеющие в них лексическое выражение. По мнению автора гипотезы, существует от 20 до 40 семантических примитивов: *я, ты, кто-то, что-то, люди, этот, тот же самый, другой, один, два, все /весь, много, знать, хотеть, думать, говорить, чувствовать, делать, происходить, хороший, плохой, большой, маленький, очень, не /нет, если, из-за, мочь, подобный /как, когда, где, после (до), под (над), разновидность, часть* [Вежбицкая, с. 296–297, 322–323].

Понятие семантических примитивов разработано для решения вопросов семантического анализа современных языков. Однако опыт научных исследований свидетельствует, что представленное в синхронии одного языка имеет или когда-либо имело место в диахронии другого языка. Поэтому понятие семантических примитивов в равной степени применимо как к решению вопросов семантики современных языков, так и вопросов происхождения языка, образования и развития его семантической системы.

Литература

1. Абаев В.И. О происхождении языка // Язык в океане языков. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. С. 12–19.
2. Бенвенист Э. Коммуникация в мире животных и человеческий язык // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 97–103.
3. Бенвенист Э. О природе языкового знака // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. С. 459–464.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 291–325.
5. Иванов Вяч. Вс. Чёт и нечет. М.: Советское радио, 1978.
6. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: АН СССР, 1963.
7. Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. М.: Мир, 1981.
8. Николаева Т.М. Несколько слов о лингвистической теории: фантазии и прозрения // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к 70-летию Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 591–607.

9. Николаева Т.М. Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 79–89.

10. Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.

11. Панов Е.Н. Знаки, символы, языки. М.: Знание, 1983.

12. Хелимский Е.А. Таймырский пиджин – «Говорка» // Контактологический энциклопедический словарь-справочник: Северный регион М.: Азъ, 1994. Вып. 1. С. 298–303.

13. Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.

14. Hockett Ch. F. A Course in Modern Linguistics. New York: The Macmillan Comp., 1964.

15. Jakobson R. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze // R. Jakobson Selected Writings The Hague: Mouton, 1962. Vol. I. P. 328–401.

16. Jakobson R., Halle M. Podstawy języka. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1964.

Задания

№ 1. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой (М., 1969. С. 530–534) выделяется шесть значений слова «язык». Прочитайте эту статью (здесь она дается в сокращенном виде: опущены многочисленные примеры) и укажите, в каком смысле раскрывается значение определяемого термина. Какие значения соответствуют узкому пониманию термина «язык», а какие – широкому? Есть ли в приведенном толковании данного термина такие значения, которые не соответствуют ни одному из названных смыслов?

Язык: 1. Одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т.п. *Язык естественный. Язык живой. Язык литературный. Язык мертвый. Язык национальный. Языки родственные. Языки флективные.*

2. Совокупность телодвижений, звуков и т.п., используемых животными в общении друг с другом (предупреждение об опасно-

сти, сообщение об обнаружении пищи и др.). *Язык животных. Язык пчел.*

3. Любая семиологическая система, воспроизводящая какую-либо из функций естественного языка или функционирующая в качестве его заменителя. *Язык-посредник как система абстрактных соответствий. Язык-эталон для типологических сопоставлений. Язык вспомогательный.* Всякий искусственный язык, служащий для тех или иных специфических (частных) видов общения, в отличие от естественного человеческого языка, являющегося основным средством общения, обслуживающим все сферы и виды человеческой деятельности. *Язык детский. Язык жестов. Язык международный.*

4. То же, что жаргон. *Язык воровской. Языки профессиональные.* Социальные диалекты данного языка, бытующие среди лиц, принадлежащих к одной и той же профессии. *Языки тайные.* Языки особых социальных групп, создаваемые в целях замкнутого общения в пределах данной группы.

5. То же, что стиль. *Язык автора, язык канцелярский. Язык научный, язык официальный. Язык произведения. Язык разговорный. Язык эзопов.* Иносказательный, замаскированный язык.

6. См. органы речи.

№ 2. В приведенных отрывках из лингвистических работ языковедов XIX–XX вв. определите, в каких случаях термин «язык» употребляется в широком смысле, а в каких – в узком. Все ли признаки, характеризующие язык как знаковую систему, отражены в приведенных определениях?

1. Язык, как совокупность знаков для мышления и для выражения мысли и чувствований, может быть не только языком слов, т.е. языком, материалом для которого служат звуки речи, но он может быть также и языком жестов и мимики, и такой язык существует в человечестве рядом с языком слов (Ф.Ф. Фортунатов).

2. Язык есть звуковое выражение мысли, проявляющийся в звуках процесс мышления (А. Шлейхер).

3. Язык есть слышимый результат правильного действия мускулов и нервов... Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем из-

вестного народа <...> и подходящих под ту же категорию, под то же видовое понятие на основании общего им всем языка (И.А. Бодуэн де Куртенэ).

4. Язык – это огромный резонатор или усиливающий или заглушающий основные голоса человеческой души (И.А. Бодуэн де Куртенэ).

5. Мы имеем дело с языком всякий раз, когда два индивидуума условно придают определенный смысл данному действию и совершают это действие с целью взаимного общения. Духи, которыми надушено платье, красный или зеленый носовой платок, торчащий из кармана пиджака, более или менее продолжительное пожатие руки – все это элементы языка, если только два человека условились использовать эти знаки для передачи приказа или сообщения (Ж. Вандриес).

6. Языком называют всякое намеренное выражение душевных состояний и преимущественно мысли. Можно выразить их разными способами; поэтому возможны разные виды языка, например, язык жестов, язык мимики и т.п. Но в языковедении <...> изучается именно язык слов – намеренное выражение мысли при помощи слов, а слово есть звук или несколько звуков, имеющих значение.

Таким образом, в языке две стороны: 1) внешняя, физическая – звуки слов и 2) внутренняя, духовная – значения слов (Д.Н. Ушаков).

7. Язык есть чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы специально производимых символов (Э. Сепир).

№ 3. Языковой знак Ф. де Соссюр определил как двустороннюю психическую сущность, как связь понятия (=означаемого) и акустического образа (=означающего).

Используя эту характеристику знака, а также учитывая его репрезентативную функцию, определите, являются ли знаками слова любого языка, морфемы, образующие то или иное слово, буквы, звуки человеческой речи.

№ 4. Определите, в каком значении употребляется слово *язык*. Во всех ли приведенных примерах в одинаковой степени понятен смысл этого термина?

1. Язык есть необходимое условие мысли отдельного лица (Потебня). 2. Я помню, вспоминаю язык любви, цветов, ночных лучей (Фет). 3. Аничкова не любили, а только уважали и даже побаивались его резкого языка и негибкого нрава (Аксаков). 4. Язык есть исповедь народа, в нем светится его природа, его душа и быт родной (Вяземский). 5. Разговор больше происходил на языке взглядов, улыбок и междометий (Гончаров). 6. Она по-русски плохо знала, журналов наших не читала и выражалась с трудом на языке своем родном (Пушкин). 7. Сперва Онегина язык меня смущал; но я привык к его язвительному спору... (Пушкин). 8. На языке разведчиков «маяк» – это место, где ждут свои, специально вышедшие на встречу. 9. После того как вы подружились с этим чужаком, мы с вами говорим на разных языках (Е. Шварц).

№ 5. Прочитайте статью Э. Бенвениста «Коммуникация в мире животных и человеческий язык». Дайте ответы на следующие вопросы.

1. Можно ли считать, что коммуникация в мире животных и коммуникация в человеческом коллективе ничего общего между собой не имеют? Если нельзя, то почему?

2. По каким признакам автор статьи противопоставляет человеческий язык и средство общения, используемое пчелами?

3. Почему, по мнению Э. Бенвениста, средство общения, используемое пчелами, нельзя назвать языком?

4. Что такое сигнальный код? В чем его отличие от человеческого языка?

5. Как связано понятие коммуникации с разными смыслами термина «язык»?

III. ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА: ЕЕ УСТРОЙСТВО И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

§ 11. Уровни языковой системы

Языковая система представляет сложное образование, включающее в себя более простые системы – *подсистемы*, или *уровни*. Каждая подсистема обладает определенным набором образующих ее языковых единиц – фонем, морфем, лексем, словосочетаний и предложений.

Уровни языковой системы отличаются друг от друга типом языковых единиц, их количеством, функциональной нагрузкой и характером отношений каждой из этих единиц в своей системе. Так, если подсистема фонем русского языка включает в свой состав несколько десятков одноименных единиц – гласных и согласных, подсистема морфем – несколько тысяч (не менее семи) таких же единиц, то количество лексем исчисляется многими десятками тысяч. Что касается словосочетаний и предложений, то их количество в любом языке неисчислимо.

От количества единиц, образующих языковую подсистему, или уровень, зависят ее характеристики. Уровень фонем можно охарактеризовать как систему закрытую, простую, жесткую; уровень морфем – как закрытую, простую, диффузную; уровень лексем – как открытую, простую, диффузную.

Между однотипными языковыми единицами, образующими соответствующие подсистемы, существуют синтагматические и парадигматические отношения. Синтагматические отношения устанавливаются между отдельными фонемами, морфемами, лексемами, словосочетаниями и предложениями, а парадигматические отношения – между их вариантами, звуковая форма которых обусловлена законами синтагматики, законами сочетаемости однотип-

ных языковых единиц. Сочетаемость фонем – единиц «нулевого уровня» зависит от их артикуляционных признаков, а сочетаемость единиц остальных уровней – от их семантических свойств.

Уровни, будучи составными частями языковой системы, связаны между собой определенными формальными отношениями, которые можно назвать парадигматическими (правда, особого рода) или, как их обычно называют, *иерархическими*. Эти отношения характеризуют связь между языковыми единицами разных уровней. Единицы более низкого уровня являются своего рода строительным материалом для единиц более высокого уровня: сочетания фонем образуют морфему, сочетания морфем лексему (слово), сочетания лексем – словосочетание, а сочетания словосочетаний – предложение.

Разумеется, не всякое сочетание единиц более низкого уровня образует обязательно единицу более высокого уровня, а только такое сочетание, которое подчинено действию формальных и смысловых законов языковой системы. Сочетание существительного *лес* в именительном падеже единственного числа с глаголом настоящего времени 3-го лица единственного числа *молчит* образует вполне осмысленное предложение *Лес молчит*. Но если изменить грамматические формы этих слов (*+лес молчу, +лесу молчит*) или заменить слова в приведенном предложении (*+лес объявляет, +срок молчит*), то предложение разрушится и превратится в бессмысленный набор языковых единиц, так как между ними отсутствуют грамматические и смысловые связи.

Нельзя считать словом и сочетание звуков *+аоглг* или *+логлаг*. В первом примере нарушена сочетаемость гласных с согласными, а во втором – последовательность и гласных, и согласных.

Языковая система устроена таким образом, что осмысленные языковые единицы – слова или предложения – встречаются несопоставимо реже, чем теоретически возможные сочетания звуков и слов. Это свойство языка образует своего рода запас прочности, благодаря которому и возможно развитие языка.

§ 12. Подходы к изучению звуков человеческой речи

Звуки человеческой речи представляют собой сложное явление. Их изучают разные науки – биология, психология, раздел

физики акустика, раздел медицины дефектология. Из лингвистических дисциплин звуки человеческой речи изучают орфоэпия, орфография, фонетика и фонология.

Важное значение для теории и практики языка имеют две последние дисциплины, изучающие образование, строение, восприятие звуков и их роль в процессе общения. У фонетики и фонологии один объект исследования – звуки человеческой речи, но разные предметы исследования. Фонетика изучает звуки человеческой речи во всем их многообразии, в том числе и различные оттенки звуков, обусловленные их взаимным влиянием друг на друга. Фонология изучает только такие звуки, которые коммуникативно значимы, т.е. способны различать слова по смыслу.

Фонетика как наука о звуках человеческой речи распадается на две относительно самостоятельные дисциплины. Одна из них – *артикуляционная фонетика* изучает звуки как анатомо-физиологическое явление, другая – *акустическая фонетика* изучает звуки как явление акустики. В первом случае внимание исследователя направлено на то, как говорящий произносит те или иные звуки и как их особенности связаны с работой органов речи. Во втором случае рассматривается звук как феномен, оторванный от своего «производителя», но обладающий своими отличительными признаками.

Обе фонетики – акустическая и артикуляционная – изучают как постоянные, так и переменные свойства звуков. Результаты, полученные в артикуляционной и акустической фонетике, образуют эмпирическую и теоретическую базу, на которую опирается фонология.

По мнению одного из основоположников фонологии – Н.С. Трубецкого, фонология – это наука о звуках языка, а фонетика – наука о звуках речи. Фонетика отвечает на вопрос «Как произносится тот или иной звук?». А фонология отвечает на вопрос «Для чего употребляется тот или иной звук? Какие звуковые различия в данном языке связаны со смысловыми различиями?». Фонология изучает не все звуки человеческой речи, а только такие, которые обладают свойством различать слова по смыслу.

Таким образом, звуки человеческой речи исследуются с трех точек зрения – артикуляционной, акустической и фонологической (функциональной). Каждый из этих аспектов обладает своей системой научных терминов для описания своего объекта исследо-

вания. Правда, внешне некоторые термины могут совпадать по звучанию – *гласные, согласные, звонкие, глухие* и т.п. Но различаются они своим фонетическим содержанием, образуя своего рода омонимы. Есть и другие термины, которые используются или только в артикуляционной фонетике (*гласные переднего ряда, заднего ряда, верхнего подъема, переднеязычные* и т.д.) или только в акустической фонетике (*гласные высокие, низкие, сонорные согласные* и т.д.).

Гласные и согласные описываются при помощи разных признаков и в артикуляционной, и в акустической фонетике. Но есть один признак, который объединяет как эти два разных класса звуков человеческой речи, так и два аспекта фонетики. Это *долгота* звука. В артикуляционной фонетике это продолжительность артикуляции звука, а в акустической – продолжительность его звучания. Долгота противопоставляется краткости. В русском языке в зависимости от фонетических условий долгими и краткими могут быть и гласные, и согласные звуки. Но фонологически они лишены этого признака.

§ 13. Артикуляционная фонетика

Артикуляционная фонетика учитывает работу органов речи во время произношения звуков.

Органы речи делятся на активные и пассивные. Активные органы речи при образовании звуков меняют свое положение по отношению к другим органам речи. К ним относятся: голосовые связки, язычок, мягкое нёбо, язык, губы. Пассивные – твердое нёбо, альвеолы, передние зубы – при произношении звуков не меняют своего положения.

Работу органов речи, в результате которой образуются звуки, называют *артикуляцией* (от лат. *articulare* «выговаривать членораздельно»). Артикуляция состоит из трех частей: 1) приступа или экскурсии (от лат. *excursio* «выбегание, вылазка»), когда органы речи, по словам В.А. Богородицкого, «выходят на работу»; 2) выдержки, когда произносится звук; 3) отступа или рекурсии (от лат. *recursus* «возвращение»), когда органы речи возвращаются в исходное положение. Так выглядит артикуляция звука в изолиро-

ванном произношении. В потоке речи артикуляции разных звуков взаимодействуют друг с другом, происходит как бы частичное наложение артикуляции одного звука на артикуляцию другого, так что отступ предыдущего звука является приступом последующего.

Навыки произношения звуков, свойственные каждому языку, называются его артикуляционной базой. Так как эти навыки у носителей разных языков неодинаковы, то можно сказать, что у каждого языка – своя артикуляционная база.

§ 14. Артикуляционная классификация гласных

Эта классификация учитывает работу языка, губ, а также степень раскрытия рта.

Все гласные произносятся с участием голосовых связок. Гласные, произносимые с участием губ – *о, у*, называются *лабиализованными* (от лат. *labium* «губа»). Следует заметить, что участие или, наоборот, неучастие губ в произношении того или иного гласного не искажает его до такой степени, чтобы он воспринимался как другой звук. Именно в этом гласные лабиализованные («огубленные») отличаются от согласных губных, *лабиальных*. Гласный *о*, произнесенный без участия губ, не становится другим, неузнаваемым звуком, в отличие, например, от согласного *б*, который при замене губной артикуляции становится или *д*, или *г*.

Есть и другой признак, отличающий лабиализованные звуки от лабиальных. При произношении первых губы округляются, а при произношении вторых губы смыкаются.

По продвижению языка вперед или назад относительно воображаемой его середины гласные русского языка делятся на гласные *переднего ряда* (*и, э*), *среднего ряда* (*ы, а*) и *заднего ряда* (*у, о*); в зависимости от места подъема спинки языка (степени ее подъема) – на гласные *верхнего подъема* (*и, ы, у*), *среднего подъема* (*э, о*) и *нижнего подъема* (*а*). Учитывая степень раскрытия полости рта, гласные верхнего подъема называют *узкими*, или *закрытыми*, среднего подъема – *средними*, а нижнего подъема – *широкими*, или *открытыми*. В некоторых языках есть носовые, долгие и краткие гласные.

§ 15. Артикуляционная классификация согласных

Эта классификация учитывает следующие признаки.

1. *Участие голосовых связок.* По этому признаку выделяются *глухие* и *звонкие* согласные. Глухие произносятся без участия голосовых связок, звонкие – с участием голосовых связок.

2. *Место образования шума.* По месту артикуляции согласные делятся на *губные* (губно-губные и губно-зубные) и *язычные* – переднеязычные (зубные и передненёбные), среднеязычные и заднеязычные.

Особую подгруппу переднеязычных образуют такие согласные, как *с / з, ш / ж*. Первую пару относят к *зубным*, вторую – к *передненёбным*. Эти же согласные характеризуются особым типом артикуляции. В некоторых работах по фонетике их включают в группу щелевых – *однофокусных* и *двухфокусных*. Однофокусные образуются при участии одного органа речи и в одном месте, как *с / з*. В данном случае активным органом речи является кончик языка. В двухфокусных согласных шум образуется в двух местах, как при произнесении *ш / ж*. Активным органом является вся передняя часть языка.

В ряде языков встречаются увулярные согласные, образуемые при помощи маленького язычка – увулы, фарингальные, образуемые путем сужения глотки, гортанные, образуемые при смычке голосовых связок.

3. *Тип артикуляции.* По этому признаку русские согласные делятся на *смычные, щелевые (фрикативные), аффрикаты, смычно-проходные, дрожащие* и *боковые*. При образовании смычных согласных активный орган смыкается с пассивным. Струя выдыхаемого воздуха разрывает смычку, в результате чего и образуется звук. Примером смычных согласных могут служить *б, п, д, т, г, к*. При образовании щелевых согласных смычки не происходит. Шум образуется в результате трения воздушной струи о стенки щели. К щелевым относятся *в, ф, з, с, ж, ш* и др. Аффрикаты *ц, ч* совмещают в себе признаки смычных и щелевых: в начале артикуляции они произносятся как смычные, а затем – как щелевые. Смычно-проходные согласные представлены двумя разновидностями – боковыми (*л, л'*) и носовыми (*м, м', н, н'*). К дрожащим относятся *р* и *р'*.

4. *Участие средней части спинки языка.* По этому артикуляционному признаку выделяется два типа согласных – твердые и мягкие. При произношении мягких согласных к основной артикуляции звука прибавляется дополнительная: средняя часть языка поднимается к твердому нёбу. При произношении твердых согласных такая артикуляция отсутствует.

5. *Длительность артикуляции звука.* Длительностью артикуляции называется время работы органов речи, направленное на произношение тех или иных звуков. В сознании говорящего и слушающего для каждого типа звуков существует свой эталон длительности их произношения. Длительность произношения смычных отличается от длительности произношения щелевых, например, *д* от *з*, *т* от *с* (иногда первые называют мгновенными, а вторые – длительными). Но длительность произношения одинаковых звуков, например смычных *д* / *т* и щелевых *з* / *с*, в приведенных парах соответственно одинакова. Долгие гласные произносятся приблизительно в два раза дольше кратких. Примером долгого согласного в русском языке может служить /ш':/, обозначаемый на письме буквой *щ*. Соответствующий ему по глухости / звонкости долгий согласный /ж':/ произносится в словах *дрожжи*, *визжать*. Кроме того, долгие согласные образуются на стыке одинаковых звуков в составе двух морфем: пере[д:]омом – *перед домом*, о[д:]ать – *отдать*, и[с:]тола – *из стола*, и[з:]ала – *из зала*, со[н:]ый – *сонный*.

В иноязычных словах двойные согласные произносятся, как правило, кратко: *аббревиатура*, *аппарат*, *коммутатор*, *классик*.

§ 16. Акустическая фонетика

Акустическая фонетика (от греч. *ακουστικός* / *akustikos* «слуховой») изучает звуки человеческой речи с точки зрения их восприятия при помощи органов слуха или при помощи специальных приборов.

Любой звук представляет собой результат колебания физического тела (например, натянутой струны, стенок сосуда, металлической или деревянной пластинки, голосовых связок) в определенной среде, способной передавать звук, например в воздушной. Звук образуется в результате колебания разных частей материального

тела: разные части струны звучат неодинаково, в результате чего и образуются основные и дополнительные тоны.

Звук характеризуется *высотой* (зависит от частоты колебаний звучащего тела), *силой* (зависит от амплитуды звучащего тела), *длительностью* (зависит от времени звучания) и *тембром* (зависит от соотношения разных звуков – основных и дополнительных, образуемых звучащим телом). Частота звука измеряется в герцах (Гц).

Важное значение для характеристики звуков человеческой речи имеют такие понятия, как *музыкальные тоны* (или просто *тоны*) и *шумы*. Первые образуются в результате периодических колебаний звучащего тела, вторые – в результате непериодических колебаний. Источником музыкальных тонов является гортань и находящиеся в ней голосовые связки, а источником шума – преграды, образуемые при произнесении того или иного звука. При произнесении согласных участвуют как тоны, так и шумы, а при произнесении гласных – только тоны.

Человеческое ухо способно воспринимать звуки в пределах от 20 и до 10 000 колебаний в секунду. Звуки человеческой речи принято делить на три области частот: *низкие* (от 50 до 400 Гц); *средние* (от 200 до 4000 Гц); *высокие* (от 1000 до 10 000 Гц).

Отсутствие четкой границы между низкой и средней частотой, между средней и высокой частотой, в результате чего происходит наложение одних частот на другие, объясняется особенностями восприятия звуков человеческим слухом.

§ 17. Акустическая классификация, основанная на данных органов слуха

Акустическая фонетика позволяет классифицировать звуки человеческой речи, используя данные двух источников. Первый из этих источников – восприятие исследователем звука при помощи органов слуха. Второй – данные инструментальной фонетики, или объективных методов исследования.

На основе этих источников созданы две классификации звуков, которые можно назвать субъективной и объективной. Охарактеризуем классификацию гласных и согласных, учитывающую данные органов слуха.

Классификация гласных. Гласные характеризуются по трем парам признаков – высокие / низкие, открытые / закрытые, долгие / краткие.

По *высоте* тона выделяются три типа гласных: *высокие, низкие и средние (нейтральные)*. Существует определенная зависимость между артикуляционной и акустической классификацией гласных: к высоким обычно относятся гласные переднего ряда, к низким – заднего, а к нейтральным – среднего ряда. Интервал между высокими и низкими гласными равен одной октаве.

Различие между *открытыми* и *закрытыми* гласными связано с характером резонатора: открытые гласные произносятся с наиболее широким ротовым резонатором, а закрытые – с наиболее узким. В русском языке закрытое э произносится перед мягким согласным (*эти, мель*), открытое – перед твердым согласным или в изолированном положении (*это, э*).

Долгота и *краткость* – понятия взаимосвязанные и взаимообусловленные. Выделяются они только в том случае, если в языке есть соответствующие соотносительные понятия: без долгих гласных нет кратких, как без кратких нет долгих. Различие между долгими и краткими гласными относительно: время произношения долгих приблизительно в два раза дольше кратких. Долгие и краткие гласные свойственны английскому, немецкому, чешскому и многим другим языкам. В некоторых языках кроме долгих и кратких представлены и сверхдолгие гласные, как, например, в эстонском. В русском языке гласные под ударением произносятся более длительно, чем в безударном положении.

Классификация согласных. Согласные с точки зрения их восприятия при помощи органов слуха характеризуются пятью признаками.

1. *Преобладание голосового (ларингального) тона или шума.* В соответствии с этим признаком все согласные делятся на две группы: 1) *сонорные*, состоящие из музыкальных тонов и в незначительной части из шума; 2) *шумные*, состоящие из голоса и шума или только из шума. К сонорным в русском языке относятся: *л, л', м, м', н, н', р, р', ж*. Кроме того, к сонорным относятся *в* и *в'*, но только перед гласными и сонорными согласными. Остальные согласные – шумные.

2. *Наличие или отсутствие голоса.* В соответствии с этим признаком согласные могут быть: 1) *звонкими*, т.е. состоящими из голо-

са и шума; 2) *глухими*, состоящими только из шума. Большинство согласных образуют соотносительные пары по глухости / звонкости. У таких шумных согласных, как *х, ц, ч*, нет соотносительных звонких как самостоятельных звуков. Но в сочетании перед звонкими согласными они произносятся тоже как звонкие: *оглоу=бы, наконецз=бы, испедж'=бы, т.е. оглох бы, наконец бы, испечь бы*. Нет соотносительных пар по глухости / звонкости у сонорных согласных.

3. *Способ образования шума*. В зависимости от этого согласные могут быть: 1) *взрывными* (эксплозивными, мгновенными); 2) *фрикативными*; 3) *аффрикатами*. В артикуляционной характеристике согласных взрывным соответствуют смычные, а фрикативным – щелевые. Одно- и двухфокусным в артикуляционной классификации (*с / з, ш / ж*) соответствуют в акустической *свистящие* и *шипящие*.

Термин «аффриката» используется в обеих классификациях, но в каждой из них обладает своей специфической характеристикой, основанной на системе понятий, свойственных этим классификациям.

4. *Общее слуховое впечатление*. По этому признаку все согласные можно разделить на две группы: 1) *твердые* и 2) *мягкие*. В отличие от твердых согласных мягкие воспринимаются слушателем как звуки с «и-образным оттенком».

5. *Длительность звучания*. Согласные, как и гласные, в зависимости от длительности произношения могут быть: 1) *долгими* и 2) *краткими*. Первые из них звучат приблизительно в два раза дольше, чем вторые. Долгие и краткие гласные и согласные в акустической классификации совпадают с такими же звуками по своему качеству в артикуляционной классификации. И это вполне понятно. Длительность артикуляции того или иного звука вызывает соответственно длительность звучания произносимых и воспринимаемых на слух звуков. Примеры долгих согласных приведены в § 15.

§ 18. Акустическая классификация по данным инструментальной фонетики

Этот вид акустической классификации дает наглядное изображение звука, представляя его «зримый портрет». Его достоинство состоит в том, что результаты, полученные при помощи таких

приборов, как *осциллограф*, *спектрограф*, а также и компьютер, позволяют продлить мимолетную жизнь звука, запечатлевая его на бумаге или фотопленке. Такой способ представления звука дает возможность исследователю более тщательно изучить его фонетические особенности, выявить в его структуре составные компоненты и, говоря словами поэта, поверить «алгеброй гармонию».

При помощи осциллографа получается изображение звука в виде непрерывной ломаной линии с разной степенью толщины и симметричности (рис. 1).

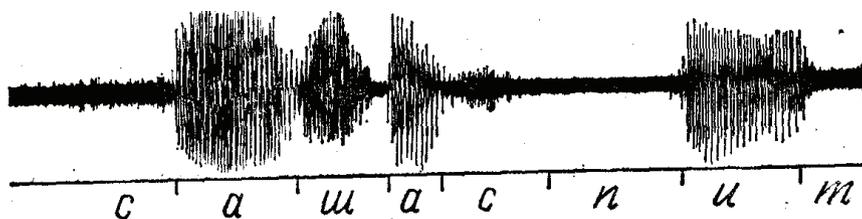

Рис. 1

На приведенном рисунке, заимствованном из книги Л.В. Бондарко «Звуковой строй современного русского языка» (с. 33), ясно различимы четыре типа звуков – ударные гласные *а*, *и*, шипящий *ш*, свистящий *с* и взрывные *н*, *т*. Гласные характеризуются широкой амплитудой и длительностью. Ударные гласные одинаковы по длительности, а безударное *а* значительно короче их. У согласного *ш* амплитуда несколько уже, чем у гласных ударных. Продолжительность звучания сопоставима с безударным *а*. Правда, вертикальные линии, образующие шипящий согласный, более близки друг к другу, чем у гласных. Поэтому изображение в этой части рисунка более темное. Осциллограмма свистящего *с* напоминает в сильно уменьшенном виде осциллограмму *ш*.

Другой тип зримого представления звука – *спектрограмма* изображает его менее наглядно, чем осциллограмма, но более точно (рис. 2; Бондарко, с. 99). Осциллограмма представляет звук в общих чертах, указывая только на длительность отдельных звуков и их амплитуду. Спектрограмма дает более полное представление об акустических свойствах звука. Но спектрограмма не фотогра-

фия, понятная каждому. Ее смысл доступен только для специалиста, который располагает знаниями из области экспериментальной фонетики.

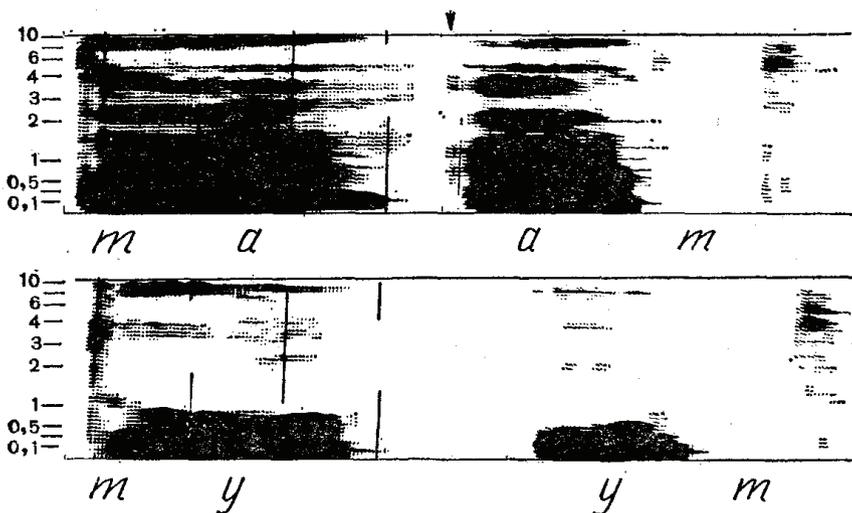

Рис. 2

Спектрограммы дают тоже некоторое наглядное представление об акустических свойствах звуков. Но это представление совсем другого качества. Казалось бы, совершенно очевидно, что спектрограммы слога, прочитанного слева направо и справа налево, должны быть идентичными, симметрично расположенными относительно друг друга. Но никакой симметрии здесь нет. Вопреки ожиданиям образовались не зеркально отраженные, а совершенно разные рисунки сравниваемых слогов.

Возможно, что причина такой асимметрии заключается в характере и направлении взаимодействия между гласными и согласными в составе слога.

В образовании звука участвует несколько составляющих, или формант, поэтому изображение звука на фото пленке или бумаге получается не линейным, а рельефным, в виде пятен разной формы, имеющих для каждого звука свою конфигурацию. К определяющим характеристикам звука относятся его сила и частота. Установлено, что величина каждой из составляющих звука, а также со-

отношение между их максимальной и минимальной величинами для разных звуков неодинаковы. Так, по данным разных исследователей, форманты у гласного /o/ 500 и 1000 герц, у /a/ – 800 и 1600 герц, у /u/ – 500 и 2500 герц. Эти показатели у разных лиц могут колебаться в известных пределах, но соотношение между минимальными и максимальными величинами остается постоянным.

Используя количественные характеристики звуков, Р. Якобсон, Г. Фант и М. Халле создали классификацию гласных и согласных, состоящую из 12 пар различительных признаков, при помощи которых можно описать фонетическую систему любого языка. Гласные и согласные русского языка, как показал М.В. Панов, могут быть охарактеризованы при помощи девяти пар акустических признаков: вокальность / невокальность, консонантность / неконсонантность, высокая тональность / низкая тональность, диффузность / компактность, бемольность / небемольность, дизезность / недизезность, прерванность / непрерывность, резкость / нерезкость, звонкость / глухость.

При помощи этих признаков гласный /a/ может быть описан как вокальный, низкий, звонкий, а согласный /ч'/ – как консонантный, дизезный, прерванный, резкий [см.: Панов 1979, с. 46–63].

§ 19. Функциональная фонетика

Изучением звуков человеческой речи с функциональной точки зрения занимается фонология, центральным понятием которой, ее основной единицей является **фонема** (от греч. *φωνήμα* / *phōnēma* «голос, звук; слово, речь»).

Фонема – звук, используемый в языке для различения слов или их форм по смыслу. Именно по этой причине фонема участвует в формировании процесса коммуникации. Замена одного звука в речи может нарушить сам процесс общения.

Из сопоставления таких пар, как *дом – том, дам – там, том – там, дом – дам, томный – темный* можно сделать вывод, что *д – т, о – а, т – т'* используются для различения слов по смыслу. Значит, эти звуки являются отдельными фонемами. Таким образом, для определения функции звука, является ли он фонемой или разновидностью фонемы, нужно подобрать хотя бы одну минималь-

ную пару, т.е. два таких слова, которые различаются между собой только сопоставляемыми звуками: *бар – пар, гора – кора, доска – тоска, жар – шар* и т.д.

В речи в конкретном слове одна и та же фонема может быть реализована по-разному. Количество произносимых звуков фактически бесконечно. Как свидетельствуют данные экспериментальной фонетики, нельзя воспроизвести один и тот же звук так, чтобы он полностью, во всех нюансах, соответствовал своему прототипу. Поэтому количество звуков, произносимых в речи, может быть определено по-разному, в зависимости от того, как определяется звук – на слух или при помощи точных приборов.

Произношение звука зависит от его положения в слове, от соседства с другими звуками. Так, есть различия в произношении звука /а/ ударного в словах *ал, аленький, пять*. В первом слове этот звук произносится как гласный среднего ряда, широкий, во втором – более передний и более узкий, а в последнем слове – самый узкий, передний.

Неодинаково звучат в разных позициях даже сонорные согласные – /м/, /н/: *мал – сам – ампула, наш – он – тонко*. Наиболее отчетливо произносятся эти звуки в первых словах (*мал, наш*), на конце слова после гласной сонорные произносятся с ослабленной артикуляцией, а после глухих согласных возможны глухие сонорные. В слове *тонко* звук /н/ может произноситься как заднеязычный носовой согласный, похожий на английское *n* в слове *bank* «банк» или на сочетание *ng* в словах *strong* «сильный», *bang* «ударять».

Изменения в произношении в зависимости от позиции в большей или меньшей мере свойственны всем гласным и всем согласным.

Видоизменения фонемы в зависимости от положения в слове называют **аллофонами** (от греч. *ἄλλος / allos* «другой», *φωνή / phōnē* «звук, голос, членораздельный звук») или **вариантами** (от франц. *variante* < лат. *varians, variantis* «изменяющийся»).

Выбор того или иного аллофона – конкретного представителя фонемы – обусловлен ее положением в слове. Для гласных существенно, находится ли данная фонема после мягкого согласного или после твердого, между мягкими или между твердыми, после твердого перед мягким и т.д. Аллофоны обычно произносятся ав-

томатически, неосознанно, их употребление не связано со смысловыми различиями слов и их форм. Поэтому говорящие, как правило, не замечают аллофонов. Только при фонетическом анализе обнаруживаются различия между разными вариантами той или иной фонемы, например, между «э открытым» и «э закрытым» в словах *шеф* и *тень*, *н* переднеязычным и заднеязычным в словах *нос* и *танк* и т.д.

В случае отсутствия минимальных пар (или затруднений при их подборе) для определения функциональной нагрузки звука можно использовать и другой критерий, предложенный Н.С. Трубецким: если замена в слове одного звука другим искажает слово до неузнаваемости, то данный звук – самостоятельная фонема. Так, при замене /ч'/ на /ч/ или /ц/ на /ц'/ в словах, содержащих эти звуки, смысл слов не искажается до неузнаваемости, только «слова», образованные таким способом, приобретают неестественный «иноязычный акцент». Ср.: /ч'ас/ и /час/, /ц'ирк/ и /ц'ирк/. Другой результат получится, если в словах с твердыми /г/ и /к/, например, *год*, *кот*, эти же звуки заменить мягкими согласными – полученные «слова» становятся непонятными. Поэтому можно сделать вывод, что /ч'/ и /ч/ – варианты одной фонемы, как и /ц/ и /ц'/, в отличие от /г/ и /г'/, /к/ и /к'/, которые представляют собой отдельные фонемы.

Фонема обладает известной фонетической независимостью и поэтому может употребляться в разных позициях. Аллофоны, наоборот, закреплены за определенной позицией и зависят от окружающих звуков. Так, звуки /н/ и /н'/ – отдельные фонемы не только потому, что им присуща смысловоразличительная функция и они образуют минимальные пары (*нос* – *нёс*, *дном* – *днём*), в которых замена одного звука другим ведет к изменению смысла. Эти звуки являются отдельными фонемами и потому, что они обладают известной самостоятельностью и могут употребляться в нескольких позициях: в начале слова, в конце слова, после согласных, перед согласными, перед гласными и т.д. Выбор /н/ или /н'/ зависит не от позиции, а от их смысловоразличительной функции.

Приведенные способы, при помощи которых можно отграничить фонему от аллофона – подбор минимальных пар или определение возможности того или иного звука исказить слово до неузнаваемости – не всегда оказываются эффективными. Для неко-

торых звуков трудно подобрать минимальные пары. Например, по твердости / мягкости для $\partial - \partial'$, $з - з'$, $с - с'$.

Более надежный способ решения этого вопроса – определение возможности сопоставляемых звуков использоваться в одной и той же позиции. Так, согласные / ∂ / и / ∂' / близки по своему звучанию. У них три общих признака: оба – звонкие, переднеязычные, смычные. Различаются они только по одному признаку: по твердости / мягкости. Можно предположить, что / ∂' / – аллофон фонемы / ∂ /. Естественно, что для звуков, различающихся несколькими признаками, такой вопрос не возникает. Нет необходимости привлекать научную аргументацию, чтобы доказать фонологическую самостоятельность таких звуков, как / $б$ / и / $ж$ /, / $л$ / и / $т$ /, / $н$ / и / $з$ /. Различия между приведенными звуками настолько контрастны, что их фонологическая самостоятельность вполне очевидна. Но для звуков, различия между которыми минимальны, как в случае / ∂ / и / ∂' /, необходимо привести доказательства, подтверждающие или опровергающие высказанное предположение, т.е. является ли мягкий согласный отдельной фонемой или аллофоном соответствующего твердого согласного. Ответ на этот вопрос можно получить, сопоставив данные табл. 1.

Таблица 1

	а	о	у	ы	и	э
б	+	+	+	+	–	–
б'	+	+	–	–	+	+
в	+	+	+	+	–	–
в'	+	+	–	–	+	+
г	+	+	+	–	–	–
г'	–	–	–	–	+	+

В первом столбце расположены твердые и мягкие согласные, а в первой строке – гласные, с которыми сочетаются (+) или, наоборот, не сочетаются (–) приведенные согласные. Заметим, что сочетаемость звуков определяется только в составе исконно русских слов. Сочетаемость в заимствованных словах не учитывается, так как они сохраняют некоторые фонетические особенности своего

исконного звучания. Именно поэтому в таблице не отмечена сочетаемость *б', д'* с гласным *у*, например, в словах *бюро, дежа-вю*.

По количеству гласных для каждого согласного устанавливается шесть позиций звуков в составе слова. Совокупность позиций согласного характеризует его сочетаемостные возможности с гласными и создает таким образом существенную часть «фонетического портрета» представленных в таблице гласных.

Из приведенной таблицы видно, что возможности согласных сочетаться с разными гласными в составе слова неодинаковы. Так, твердые согласные сочетаются с гласными непереднего ряда, т.е. с *ы, а, о, у*: *баня, бок, буду, забыть; ваши, двор, зовут, травы; нога, город, бегут*. Согласный *г* с *ы* не сочетается.

Твердые согласные не сочетаются с гласными переднего ряда *и, э*. Зато с этими же гласными сочетаются мягкие согласные: *бить, белый; вить, весел; ноги, ноге*. Кроме того, мягкие согласные сочетаются с гласными непереднего ряда, но только с *а* и *о*. С гласными *у* и *ы* они не сочетаются.

Анализ сочетаемости твердых и мягких согласных с гласными позволяет дать ответ на вопрос о фонологической значимости представленных в таблице согласных: *б / б', в / в', г / г'*. В первых двух парах мягкие согласные являются отдельными фонемами. Правильность этого вывода подтверждается тем, что *б / б', в / в'* употребляются в одинаковых позициях – перед гласными *а* и *о*. Это свидетельствует об их относительной самостоятельности, позиционной независимости. Следовательно, *б / б'*, как и *в / в'*, две отдельные фонемы, а твердость / мягкость является их различительным признаком.

В третьей паре звуков, противопоставленной по твердости / мягкости, согласный *г'* – аллофон, а не самостоятельная фонема. Эти два звука позиционно зависимы: они не могут употребляться в одной позиции. Первый согласный сочетается только с гласными непереднего ряда, второй, наоборот, только с гласными переднего ряда. Значит, в этой паре твердость / мягкость является различительным признаком не фонем, а их вариантов.

Свидетельством, подтверждающим правильность приведенного решения, служит тот факт, что для первых двух пар можно подобрать минимальные пары, например, *груба – грубя, вал – вял*, а для последнего примера такие пары отсутствуют.

§ 20. Фонологические школы

В подходе к определению фонемы и фонемного состава языка в отечественном языкознании сложилось два направления – Петербургская (Ленинградская) фонологическая школа (ПФШ, ЛФШ) и Московская фонологическая школа (МФШ). Представители Петербургской фонологической школы – Л.В. Щерба, Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич – в основу своей теории положили фонетические критерии. В фонему объединяются звуки, похожие в акустическом или артикуляционном отношении и выполняющие смысловозначительную функцию. Фонемный состав слов *городской*, *открытие* можно представить следующим образом: [гарацкој], [аткрыт'ијэ].

Представители Московской фонологической школы – Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, П.С. Кузнецов, М.В. Панов – при определении фонемного состава языка исходят из морфологических критериев. Фонема определяется в составе морфемы по сильной позиции. Для гласной фонемы сильная позиция – под ударением и слабая – в безударном положении. Для согласных сильная позиция по глухости / звонкости – перед гласными и перед сонорными, а по твердости / мягкости – перед гласными непереднего ряда, т.е. перед всеми гласными, кроме *и*, *э*, и на конце слова.

Если фонему нельзя проверить сильной позицией, то используется понятие *гиперфонемы*. Это такая единица, которая представлена рядом позиционных чередований гласных или согласных фонем, в одинаковой степени возможных в одном и том же фонетическом окружении. Так, в слове *городской*, состоящем из трех морфем – *город-ск-ой*, нельзя проверить сильной позицией согласную *с* в суффиксе *-ск*. Именно этот звук и образует гиперфонему, включающую в свой состав в данной морфеме два равновозможных согласных звука – *з* и *с*. Фонемный состав этого слова можно представить в таком виде: [город(с,з)кој], а второго слова, состоящего из четырех морфем – *от-кры-тиј-э*, соответственно [открыт(и,э)јо]. На примере транскрибирования последнего слова в системе МФШ остановимся более подробно.

В приставке *от-* оба звука находятся в слабой позиции. Для гласного проверочными могут служить такие слова, как *отмель*, *отпертый*, *отперт*, а для согласного – *отойти* или *отнести*. Поэтому приставка транскрибируется таким образом: [от-].

Все звуки корня *-кры-* употреблены в сильной позиции. Поэтому корень слова записываем так: [кри-] (звук *ы* в МФШ – алломорф фонемы *и*).

В морфеме *-тиј* первые два звука – в слабой позиции: *и* – в безударном положении, и проверить его сильной позицией, т.е. ударением, нельзя, поэтому для изображения этого звука в транскрипции используем гиперфонему, которая состоит из четырех звуков, в одинаковой степени возможных в этой позиции. Согласный *т* по глухости / звонкости находится в сильной позиции, а по твердости / мягкости – в слабой (перед гласным переднего ряда). Фонематическая транскрипция суффикса *-тиј*: [(т,т')(и,э,а,о)j].

Окончание *э* в слабой позиции. Та же морфема со значением среднего рода единственного числа, но в сильной позиции употребляется в существительных *окно́, весло́, стекло́*. Полностью слово *открытие* в фонематической транскрипции МФШ выглядит таким образом: [откри(т,т')(и,э,а,о)jo].

§ 21. Понятие фонологической оппозиции

В составе любой фонемы можно выделить два типа признаков: во-первых, *фонологически существенные*, или *различительные* (*дифференциальные*, от лат. *differentia* «разница, различие»), во-вторых, *фонологически несущественные*. Первые признаки служат для отграничения одной фонемы от другой, вторые – для отграничения аллофонов от фонемы.

Фонемы любого языка образуют систему, в основе которой лежит понятие **оппозиции**, т.е. противопоставления фонем по тем или иным фонологически существенным признакам. Набор этих признаков и характер отношений между ними для каждого языка специфичен, неповторим. В артикуляционном или в акустическом отношении некоторые признаки в разных языках могут совпадать, различаясь при этом функционально.

Понятие оппозиции первоначально было разработано на фонологическом материале известным русским языковедом Н.С. Трубецким в его книге «Основы фонологии» [12]. Трубецкой выделил три типа фонологических оппозиций, устанавливаемых, как правило, между двумя фонемами:

- 1) по их отношению к системе оппозиций в целом: *многомерные* и *одномерные*, *изолированные* и *пропорциональные*;
- 2) по отношению между членами оппозиций: *привативные*, *ступенчатые (градуальные)* и *равнозначные (эквивалентные)*;
- 3) по объему их смысловозначительной силы: *постоянные* и *нейтрализуемые*.

Приведенная классификация оппозиций описывает типы отношений между фонемами и определяет принципы, лежащие в основе фонологической системы любого языка. В дальнейшем оказалось возможным использовать понятие оппозиции при описании других языковых единиц – морфем и лексем, а также при характеристике отношений между грамматическими значениями, образующими грамматическую категорию.

Между фонемами возникают оппозиции не только благодаря их различиям, но также и потому, что между фонемами существует и определенное сходство. Так, /d/ – /m/ различаются между собой одним фонологически существенным признаком – глухостью / звонкостью. Объединяет эти фонемы, во-первых, то, что они согласные, а во-вторых, обе фонемы смычные, переднеязычные, твердые.

Фонемы могут отличаться друг от друга одним признаком – / б/-/н/, двумя – /б/-/н'/, тремя – /б/-/с/ и четырьмя – /б/-/с'/.

В теории оппозиций рассматриваются не все возможные различия между согласными фонемами, а только различия по одному из четырех фонологически существенных признаков.

К наиболее значимым в общенаучном смысле относятся **привативные оппозиции** – такие противопоставления, один член которых характеризуется наличием, а другой – отсутствием присущего данной системе фонологического признака. В первом случае член оппозиции называется *маркированным*, во втором – *немаркированным (отмеченным и неотмеченным)*. Примером привативной оппозиции в русском и во многих других языках может служить противопоставление согласных по глухости / звонкости или по твердости / мягкости. В этих парах глухость и твердость являются немаркированными, а звонкость и мягкость – маркированными признаками.

Звуки, образующие привативную оппозицию, в определенных условиях могут терять маркированный признак и совпадать по

звучанию с немаркированным членом оппозиции. Такое явление называется *нейтрализацией*. Нейтрализация фонем происходит в слабой позиции, как, например, в русском языке потеря звонкости согласной на конце слова. В сильной позиции гласные и согласные не подвергаются нейтрализации.

Понятие привативной оппозиции применимо также к лексическому материалу. Примером привативных лексических оппозиций могут служить такие пары, как *глаза – очи, лоб – чело*. Слова в каждой из этих пар обладают одним и тем же лексическим значением. Различия – в стилистической отмеченности, т.е. слова *очи* и *чело* стилистически маркированы. В определенных контекстах они сохраняют это свойство, прежде всего в поэтических текстах. В научных или официально-деловых текстах эта оппозиция нейтрализуется: употребление стилистически маркированных слов здесь неуместно и воспринимается как ошибка, «стилистический акцент».

Привативную оппозицию образуют слова, называющие профессию лиц мужского и женского пола: *учитель – учительница, ткач – ткачиха*. Здесь возможна замена маркированного члена немаркированным: *Петрова – учитель*. Но нельзя заменить немаркированный член маркированным. Ср.: ⁺ *Петров – учительница*.

Другой тип отношений представлен в таких парах, как *казах – казашка, француз – француженка*. Эти оппозиции называются **эквиполентными**: в них оба члена логически равноправны и семантически неравнозначны. Поэтому замена одного члена другим невозможна. Эквиполентные оппозиции характеризуют также антонимические пары: *друг – враг, светлый – темный, вверху – внизу, войти – выйти* и т.д.

Примером **градуальной** оппозиции – члены такой оппозиции характеризуются различной степенью проявления одного и того же признака – могут служить отношения между словами синонимического ряда *страшный – ужасный – жуткий*, значения которых можно описать таким образом: «вызывающий чувство страха» – «вызывающий чувство сильного страха» – «вызывающий чувство очень сильного страха». Такого же рода отношения характерны для степеней сравнения качественных прилагательных: *новый – новее – самый новый*.

В **пропорциональных** оппозициях противопоставления между членами одной оппозиции повторяются в других оппозициях, как,

например, в следующих «пропорциях» согласных, противопоставленных по глухости / звонкости: $n : б = m : д = k : г...$ Такой же «пропорцией» характеризуются отношения между разными группами слов: а) между глаголами и отглагольными существительными со значением «производитель действия, названного мотивирующим глаголом»: *читать : читатель = учить : учитель = собирать : собиратель...*; б) между некаузативными и каузативными глаголами: *стоять : ставить = сидеть : сажать = пить : поить = есть : кормить...*; в) между существительными нормального размера и существительными уменьшенного размера: *дом : домик = стол : столик = человек : человечек...*

Применение понятия оппозиции дало возможность не только подтвердить положение структурной лингвистики о системности языка, но само понятие системности наполнить конкретным содержанием, особенно в той части, которая связана с парадигматическими отношениями.

§ 22. Различительные признаки гласных фонем

Гласные фонемы характеризуются следующими различительными признаками.

1. *Глубина артикуляции* – противопоставление гласных *переднего* и *непереднего* ряда. В русском языке по этому признаку могут быть противопоставлены такие звуки: /u/ – /y/, /ы/ – /у/, /и/ – /у/. Фонологическую значимость первой пары оценивают по-разному. Если это две отдельные фонемы, как это признается в ПФШ, то глубина артикуляции относится к числу различительных признаков фонемы. Если же /ы/ – аллофон фонемы /и/, как это определяется в МФШ, то глубина артикуляции – различительный признак аллофонов. В двух последних парах гласные противопоставляются по двум признакам – по глубине артикуляции и по наличию / отсутствию лабиализации. Общий признак – все они закрытые. Характерная особенность лабиализованных гласных – отсутствие противопоставления только по одному признаку. В русском языке нет нелабиализованных /у/ и /о/, противопоставленных друг другу. Поэтому фонемы /и/ – /у/, /ы – /у/ не образуют привативных оппозиций, так же как и /о/ – /у/.

2. *Степень раствора рта*, или противопоставление *открытых* и *закрытых* гласных. По этому признаку в русском языке противопоставляются фонемы /u/ и /a/, во французском – /e/ открытое и закрытое, например, в словах *fait* [fɛ] «факт» и *fee* [fe] «фея». Открытое и закрытое /э/ произносится в таких русских словах, как *это*, *эти*. В отличие от французского языка это не отдельные фонемы, а варианты.

3. *Лабиализация*, или противопоставление гласных, произносимых с участием губ, гласным, произносимым без участия губ. К лабиализованным гласным в русском языке относятся /o/ и /y/. Но эти звуки не образуют привативной оппозиции: фонема /y/ противопоставлена фонеме /u/ не только как лабиализованная и нелабиализованная, но и по глубине артикуляции. Точно так же, по двум признакам, противопоставлены фонемы /o/ и /э/. Таким образом, лабиализация как фонетический признак присуща фонемам русского языка, но из-за отсутствия фонологических оппозиций типа *лабиализованный / нелабиализованный* этот признак лишен фонологического содержания.

4. *Назализация* (от лат. *nasalis* «носовой») – произношение гласного с участием полости носа – в отличие от неносовых, произносимых в полости рта. Противопоставление гласных по этому признаку русскому языку не свойственно. Оппозиция «носовой – неносовой» свойственна гласным французского, португальского и польского языков. Как различительный признак назализация использовалась и в старославянском языке, в котором /o/ чистое, неносовое противопоставлялось /o/ носовому, а /э/ неносовое – /э/ носовому (на письме они обозначались как Ѣ «юс большой» и Ѧ «юс малый»). В польском языке чистым гласным /e/, /o/ противопоставляются соответствующие носовые гласные, обозначаемые на письме как *ę*, *ą*: *chcę* «хочу» – *chce* «хочет», *piszę* «пишу» – *pisze* «пишет», *rok* «год» – *rak* «рук» (род. п. мн. ч.).

5. *Долгота / краткость* произношения гласных представлена во многих языках – английском, немецком, финском, чешском и др. Например, англ. *hid* /hid/ «спрятал» – *heed* /hi:d/ «обращать внимание», нем. *Stadt* /ʃtat/ «город» – *Staat* /ʃta:t/ «государство», фин. *kari* /kari/ «мель» – *kaari* /ka:ri/ «дуга», *tuli* /tuli/ «огонь» – *tuuli* /tu:li/ «ветер», чеш. *pas* /pas/ «паспорт» – *pás* /pa:s/ «пояс», *pracuji* /pracuji/ «работаю» – *pracuji* /pracuji:/ «работают».

Гласные в русском языке под ударением произносятся более длительно, чем в безударном положении. Но для русского языка это качество гласных относится к числу различительных признаков аллофонов, а не фонем.

6. *Дифтонгизация* (от греч. *δίς* / *dis* «дважды, двойной» и *φῶνος* / *phthongos* «голос, звук», дифтонг – двойной гласный, двугласный, образующий один слог) при противопоставлении *монофтонгизации*. В процессе артикуляции дифтонги меняют свое звучание, а монофтонги на протяжении всей артикуляции звучат одинаково (в изолированном положении), различие между монофтонгами и дифтонгами как дифференциальный признак гласных фонем используется в немецком и английском языках: нем. *an-* «у, на» – *ein* /ain/ «один»; англ. *let* /let/ «оставлять, позволять» – *late* /leit/ «поздний».

§ 23. Различительные признаки согласных фонем

Согласные фонемы обладают следующими различительными признаками:

1. *Глухость / звонкость* входит в число различительных признаков многих языков. В русском языке большинство согласных образует соотносительные пары, противопоставленные по глухости / звонкости. Нет соотносительных пар у сонорных, аффрикат и у заднеязычного /х/.

О фонологической самостоятельности глухих и звонких согласных свидетельствуют такие минимальные пары: *бар* – *пар*, *вар* – *фар* (род. пад. мн. ч. от *фара*), *гол* – *кол*, *дам* – *там* и т.д.

По-другому реализуется этот признак у согласных, не имеющих соотносительных пар по глухости / звонкости. Сонорные на конце слова после глухих согласных произносятся глухо: *цикл*, *смысл*, *ритм*, *микрокосм*. Глухие согласные /ц/, /ч/, /х/ перед звонкими произносятся звонко (*ц* – как слитно произнесенные *д* и *з*, а *ч* – как *д* и *ж*): *отец бы* /ат'эдзбы/, *дочь бы* /додж'бы/, *их бы* /иубы/. И в том и в другом случае глухие сонорные, звонкие /ц/, /ч/, /х/ являются позиционно обусловленными вариантами соответствующих фонем. Глухость / звонкость используется в этом случае как различительный признак аллофонов.

2. *Твердость / мягкость* является фонологически существенным признаком как для русского языка, так и для других славянских языков. У большинства согласных в русском языке есть соотносительные пары по твердости / мягкости: *труба – трубя, вол – вел, лог – лег, рад – ряд, суда – сюда* и т.д. У согласных /ж/, /ш/, /ц/ нет соотносительных звуков по мягкости, а у согласных /ч'/, /ш':/, /ж':/, /j / нет соотносительных фонем по твердости. Звук /ч'/ в некоторых случаях, например, в слове *лучше*, произносится как твердый согласный. Но это аллофон фонемы /ч'/.

В английском, немецком и многих других языках употребляются звуки, похожие на русские мягкие согласные, особенно перед гласным *i*. Но это не отдельные фонемы: твердость / мягкость в этих языках используется для различения аллофонов, а не фонем.

3. *Место артикуляции* согласных: по этому признаку противопоставляются губные, язычные и гортанные согласные. В русском языке согласные противопоставляются по двум признакам: губные (губно-губные и губно-зубные) и язычные (переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные). Различие согласных по месту артикуляции как в русском языке, так и в других языках относится к различительным признакам согласных фонем: *пот – тот, сор – хор, дам – гам* и т.д.

Противопоставление губно-губного и губно-зубного согласного /в/ не входит в число различительных признаков этого звука в русском языке. Замена губно-зубного /в/ на губно-губное /в/ в слове *правда* не ведет ни к замене, ни к искажению смысла, а придает слову необычное звучание, не свойственное литературному языку. В английском языке, наоборот, замена губно-зубного /v/ губно-губным /w/ может привести к смешению слов: *vine – wine* «виноградная лоза – вино», *vest – west* «жилет – запад».

4. *Тип артикуляции*: в разных языках по этому признаку противопоставляются смычные, щелевые, аффрикаты, боковые, носовые, дрожащие, щелчковые. В русском языке, как и во многих других языках, представлены все названные типы артикуляции, кроме щелчковых. В некоторых языках есть придыхательные согласные, противопоставленные непридыхательным согласным. Такие согласные были в древнегреческом, в санскрите. В современном английском языке глухие смычные произносятся с придыхательной артикуляцией. Но так как нет соответствующих им непридыха-

тельных согласных, то это явление фонетическое, а не фонологическое.

По типу артикуляции в русском языке противопоставляются смычные и щелевые (*дал – зал, том – сом, код – ход*), смычные и аффрикаты (*тем – чем, тыкать – цыкать*), смычные и боковые (*дом – лом*), смычные и дрожащие (*дом – ром*).

§ 24. Письмо и звуковой состав языка

На письме для обозначения звуков используются буквы. Одни из них постоянно, во всех употреблениях, обозначают те или иные конкретные звуки. В этом случае между буквами и обозначаемыми ими звуками существуют полные соответствия.

Но это свойственно далеко не всем звукам и буквам. Одна буква может передавать несколько звуков. Конечный согласный, обозначаемый в предложении *из* буквой *з*, произносится как *з, с, ш, ж*: *из=дома, и/с/парты, и/ш/шубы, и/ж/жести*. Буква *г* в словах *год, берег, белого* произносится соответственно – *г, к, в*. В русском алфавите есть буквы, которые не обозначают звуков, и есть буквы, обозначающие два звука.

Все это говорит о том, что буквы и звуки языка образуют две разные системы. Первая – система букв – постоянная, закрытая. Вторая – система звуков открытая, постоянно меняющаяся, количество ее элементов практически неисчислимо. Ясно, что отношения между такими системами не могут быть однозначными. Между ними существуют сложные взаимоотношения. Одним из понятий, объясняющих действие этих систем, является понятие «функция букв».

Буква в составе слова выполняет, как правило, одну, а может выполнять и несколько функций: 1) обозначать звук; 2) уточнять значение другой буквы; 3) обладать символическим смыслом. Так, в составе существительного *Краснолесье* все буквы, кроме мягкого знака, выполняют первую функцию, т.е. обозначают определенный звук – с разной степенью фонетической точности. Из двух *е* первое выполняет две функции: обозначает звук /э/ и уточняет значение буквы *л*, указывая на ее мягкость. Мягкий знак выполняет уточняющую функцию по отношению к предыдущему звуку, обозначая

его мягкость, и в то же время уточняет значение следующей буквы – *e*, указывая, что она состоит из двух звуков: /*j*/ и гласного /*v*/. Наконец, буква *K* (прописное) наряду с первой функцией – обозначением звука /*k*/ выполняет и третью функцию – символическую: обозначает имя собственное.

Таким образом, все буквы, за исключением *ѣ* и *ѵ*, обозначают определенные звуки: одни – с большей, другие с меньшей точностью. Чтобы довести точность произношения той или иной буквы до установленного нормами орфоэпии эталона, используются буквы, уточняющие фонетическое значение других букв. В русском алфавите такую функцию выполняют следующие буквы: *ѣ*, *ѵ*, *e*, *ё*, *и*, *ю*, *я*.

Первая буква – *ѣ* уточняет значение последующей буквы, которая произносится как два звука: согласный /*j*/ и один из гласных – /*э*/, /*о*/, /*у*/, /*а*/. Мягкий знак уточняет звуковое значение или предыдущей согласной буквы (*соль*, *братъ*), или одновременно и предыдущей согласной, обозначая ее мягкость, и последующей гласной, которая, как и после твердого знака, обозначает два звука. Кроме того, буква *ѵ* может выполнять символическую функцию, указывая, например, в существительных, оканчивающихся на *ж*, *ч*, *ш*, их родовую принадлежность: с мягким знаком – женского рода, без мягкого знака – мужского рода (*рожь* – *стриж*, *ночь* – *мяч*, *мышь* – *камыш*, *тушь* – *туш*). Заметим, что в этих примерах мягкий знак не выполняет уточняющей функции.

Для того чтобы дать правильное представление о звуковом составе слова или предложения, используется *транскрипция*.

Транскрипция (от лат. *transcriptio* «переписывание долга, перенесение вины на другого») – запись звуков речи при помощи специальных знаков. Такими знаками могут быть буквы русского или латинского алфавита, дополненные знаками для обозначения звуков, не выраженных средствами алфавита. Основное требование, предъявляемое к транскрипции, – каждый звук должен обозначаться отдельным знаком. Но так как в любом языке – в зависимости от используемой методики – может быть определено разное количество звуков, существует несколько типов транскрипции, с разной степенью точности отражающих особенности произношения, – фонетическая, фонематическая и практическая транскрипция.

§ 25. Фонетическая транскрипция

По своей сути фонетическая транскрипция представляет собой наиболее точную запись произношения особенностей звучащей речи.

В основе фонетической транскрипции, принятой в учебниках и в теоретических работах по современному русскому языку, лежит русский алфавит, приспособленный соответствующим образом к передаче фонем и их аллофонов.

1. Из русского алфавита исключаются буквы, которые в разных позициях обозначают один или два звука (*е, ё, ю, я*); исключается также буква *щ* (в транскрипции обозначается /ш':/, т.е. *ш* мягкое, долгое).

2. Буквам *ь, ъ* придается другое значение, не свойственное их значению в алфавите. В транскрипции они обозначают очень краткие гласные.

3. Для обозначения мягкости и долготы согласных вводятся дополнительные знаки: мягкие согласные /б'/, /в'/, /д'/; долгие согласные: /д:/, /н':/, /с:/.

4. Для звуков *а, э* обозначается степень сокращения, или редукции гласного (от лат. *reductio* «отодвигание назад») – /ъ/ и /ь/ – сильная редукция, /и^э/ и /Λ/ – слабая редукция.

Кроме того, могут обозначаться такие особенности произношения гласных, как их продвинутость вперед или назад в начале артикуляции, в конце или на всем ее протяжении, закрытое произношение гласного звука. Используются знаки / или // для обозначения паузы, а для слитного произношения знак =.

В представленном виде фонетическая транскрипция отражает далеко не все особенности звучащей речи. Такую транскрипцию принято называть обычной, или упрощенной. Возможна и более полная, подробная, транскрипция, в которой учитывается большое количество фонетических особенностей звучащей речи. В качестве примера можно привести «усложненную фонетическую транскрипцию», представленную в пособии Л.Л. Буланина и А.Л. Мирецкого [4]. Алфавит этой транскрипции включает для обозначения разных оттенков гласных звуков 91 знак, для согласных – 192. В книге М.И. Матусевич «Фонетика» [8] используется более 80 фонетических знаков для гласных и согласных.

Пример упрощенной транскрипции.

От вокзала, мимо Смоленского рынка, по Арбату – одним потоком – а дальше расщепляясь в ручьи малые, и утром, и днем, и ночью шли тени солдатской рвани, неся с собой грязь траншеи, котомки немых рубах, позванивая чайником о приклад ружья (Осоргин).

[лґ = влґзаль / м'имь смлґэнсквьь рынкь / пь= лрбату / лдн'им плткым / а дал'шь рьш'иэпл'ажьс' в=руч'ји малыь / и утръм и дн'ом и нч'ју / шл'и т'эн'и слддцкьј рван'и / н'иэс'а с: лбój гр'ас' трлншэј / клткм'и н'иэмытых рубах / плзван'ивьъ ч'ажн'икым л=пр'иклат ружја]

§ 26. Фонетическая транскрипция и стили произношения

Одни и те же слова могут произноситься с разной скоростью: то быстрее, то медленнее. По скорости произношения выделяют два крайних варианта: скороговорка, когда пропускаются, «проглатываются» не только отдельные звуки, но и слоги, нарочито замедленная речь, когда гласные звуки протягиваются и звучат более длительно, чем в обычной речи. Темп речи, ее скорость зависят от самого говорящего (одни говорят быстро, другие медленно), от степени важности сообщения, от намерения говорящего выделить ту или иную часть высказывания, от его настроения и т.д.

Эти различия произношения, обусловленные темпом речи, ее характером и содержанием, принято называть *стилями произношения*.

Л.В. Щерба, обосновавший необходимость разграничивать стили произношения, писал, что нет единого стиля произношения, а существует бесконечное число переходных ступеней, целая шкала разных произношений, начиная от самого медленного, ясно дающего каждый слог, и кончая скороговоркой давно знающих друг друга людей.

Все многообразие звучащей речи можно свести к трем основным типам, самое существенное различие между которыми – в степени редукции гласных.

1. *Произношение по слогам*. Этот стиль произношения характеризуется наибольшей отчетливостью. Гласные не подвергаются

редукции. По сравнению с другими стилями произношения это наиболее искусственный стиль. Поэтому он используется в тех случаях, когда существуют шумовые помехи и речь собеседника заглушается или когда говорящий и слушающий находятся на значительном расстоянии. Иногда прибегают к этому стилю, если нужно обратить особое внимание на какую-нибудь часть высказывания.

Примеры произношения по слогам:

Я хочу видеть этого человека [ja хач'у в'ид'ит' этава ч'илав'эка].

Здравствуйте, дорогой Александр Александрович [здраствуйт'э дарагој ал'иксандр ал'иксандр'ич'].

2. *Нейтральный (полный, средний) стиль*. Звуки произносятся отчетливо. Безударные гласные подвергаются умеренной редукции. Этот стиль обычно используется в публичных выступлениях, декламациях, в речи дикторов радио и телевидения.

При фонетическом анализе тексты обычно транскрибируют в нейтральном стиле произношения.

[ja хлч'у в'ид'йт' этвь ч'ьлв'экь]

[здр'аствуйт' дьр'лгој л'и'кс'андр л'и'кс'андр'в'ич'].

3. *Разговорный стиль*. Безударные гласные подвергаются сильной редукции, часто выпадают отдельные звуки, слоги. К этому стилю обычно прибегают в повседневном разговоре, в непринужденной беседе, когда нет необходимости четко произносить каждое слово. Если собеседник чего-то и не расслышит, то смысл сказанного легко восстанавливается по ситуации или по контексту. Разговорный стиль представляет собой большое многообразие разных вариантов произношения, поэтому одна и та же фраза может быть произнесена по-разному.

Приведенные предложения в этом стиле могут быть за-транскрибированы следующим образом: [ja хч'у в'ид'йт' этвь ч'ьлв'экь] или [ja хч'у в'ит' этвь ч'экь]; [здрас'т дьрьгој сан'=санч'].

§ 27. Фонематическая транскрипция

В фонематической, или фонологической, транскрипции обозначаются только фонемы, т.е. функционально значимые особенности речи, и не передаются разновидности фонем – аллофоны.

Использование тех или иных знаков в фонематической транскрипции зависит от того, какой смысл вкладывается в понятие фонемы.

1. В Петербургской фонологической школе фонема понимается как реально существующий звук, представленный в речи множеством вариантов, легко воспринимаемый органами слуха. В зависимости от условий может произноситься с большей или меньшей отчетливостью. Самый отчетливый вариант и представляет собой фонему. Такой вариант существует в составе слова, когда оно произносится по слогам.

Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге; но благодаря отливу снегов мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору, хотя уже не так круто (Лермонтов).

[сонцэ закaт'илас' / и нoч пaс'л'эдавала за дн'oм б'эс=пpaм'эжyтка / как эта aбыкнaв'эннa бывaйт нa=жyг'э // нo блaгaдaр'a aтл'ивy с'н'и'гoф мы л'иxкo мaгл'и рaзл'ичaт' дaрoгy / кaтoрaя фc'o жэш':o шлa в=гoрy хaт'a yжэ н'и=тaк кpyтa]

Примечание. Мягкость /ч/ не обозначается, так как твердость / мягкость в данном случае различает не фонемы, а их варианты. Слово *промежутка* можно представить и по-другому: [пpaм'ижyтка] – в зависимости от того, какую фонему произносит говорящий.

2. В Московской фонологической школе фонема рассматривается не как реально произносимый звук, а как функциональная единица, как ряд позиционно чередующихся звуков в составе одной и той же морфемы. Один и тот же звук может входить в разные ряды позиционно чередующихся звуков и выражать разные фонемы, как, например, звук /т/ в словах *кот* и *год* /гот/. Конечный согласный в слове *год*, произносимый как /т/, следует считать фонемой /д/, потому что в сильной позиции произносится именно этот звук – *года*. Внешнее сходство одного звука с другим еще не означает их функционального тождества.

Определение фонемного состава слова связано с выполнением ряда процедур. Прежде всего необходимо выделить в слове морфемы. Затем каждую фонему в составе выделенных морфем прове-

речь в *сильной позиции*. Гласная находится в сильной позиции, если на нее падает ударение. Для глухих / звонких согласных сильная позиция – их положение перед любым гласным или сонорным; для твердых / мягких – то же положение, за исключением гласных переднего ряда (*и,э*). Остальные позиции для гласного – безударное положение и для согласного – положение перед другим согласным или на конце слова называются *слабой позицией*. Звук, произносимый в сильной позиции, и является «настоящей» фонемой.

Проверять гласные или согласные в сильной позиции следует в составе выделенной морфемы, учитывая все ее варианты. Если же для какого-либо звука нет сильной позиции, то для обозначения такой языковой единицы употребляется термин *гиперфонема* – «неопределенная фонема», состоящая из звуков, одинаково возможных в данной позиции. Так, в указательной частице *вот* конечный согласный нельзя проверить сильной позицией. В этом слове конечный согласный в одинаковой степени может представлять фонему /*t*/ или фонему /*d*/, а в слове *сапог* по той же причине гласная /*a*/ может выражать фонемы /*o*/ и /*a*/. Слова с гиперфонемами в транскрипции передаются таким образом: во(*t,d*), с(*a,o*)пог.

Чтобы затранскрибировать, например, слово *бесстрашный* в системе МФШ, определяем его морфемный состав – *бес/страш/ный*, а также позиции гласных и согласных. В приставке *бес-* согласный /*б*/ в сильной позиции по глухости / звонкости и в слабой по твердости / мягкости; звуки /*э*/ и /*с*/ в слабой позиции. Поэтому необходимо проверить произношение этих звуков в сильной позиции – для /*э*/ подобрать слово с той же приставкой, с ударной гласной. Для проверки конечного согласного приставки нужно подобрать следующую за ней морфему с начальным сонорным или гласным. Примеры таких слов для /*э*/ – *бестолочь*, для /*с*/ – *безразмерный, безмолвный, безумный*. Следовательно, в приставке *бес-* гласная фонема – /*э*/, согласная – /*з*/. В корне *страш-* звук /*с*/ в слабой позиции, все остальные звуки – в сильной. Проверить /*с*/ в сильной позиции нельзя. Значит, это гиперфонема – (*с,з*). Суффикс *-н* состоит из одной фонемы, которая находится в сильной позиции. В окончании *-ый* оба звука в слабой позиции. Под ударением у прилагательных с тем же грамматическим значением (мужской род, единственное число, именительный или винительный па-

деж) используется гласный /о/ – *большой, молодой, грозовой...* Звук /j/ в составе данной морфемы проверить сильной позицией нельзя. Но так как у /j/ нет другого, противопоставленного ему звука, одинаково возможного в данной позиции, то в транскрипции он изображается не как гиперфонема, а как обычная фонема. В целом это слово транскрибируется так: / (б,б')эз(с,з)трашнoй/.

Приведенный выше текст из «Героя нашего времени» в фонематической транскрипции МФШ выглядит таким образом:

[солнце закат'илос' / и ночь п(а,о)(с,с')(л,л')эд(а,о)вала за дн'ом (б,б')эз=пр(а,о)м'эжутка / как это (а,о)би-кн(а,о)(в,в')энно бивајо(т,д) на=југэ // но благ(а,о)дар'а отл'иву (с,с')(н,н')эгов(ф) ми л'эгко мог(л,л')и ра(о)з(л,л')ичат' д(а,о)рогу / к(а,о)горај(а,э,о,и) вс'о ј(о,э,и,а)-ш:'о шла в=гору х(а,о)т'а ужэ н'э так круто //].

Примечание. Существительное *солнце* состоит из двух морфем – корня и окончания. Окончание *-е* находится в слабой позиции. Сильная позиция в слове *окно*. В корне *солнц-* по правилам русской орфоэпии не произносится звук *л*. Но, во-первых, он может быть произнесен, а во-вторых, – и это главное, он произносится в таких производных словах, как *солнышко, солнечный*. Окончания женского или среднего рода в глаголах прошедшего времени проверяются глаголом *шлá, шлó*. Первую гласную в инфинитиве *различать* нельзя проверять лексемой *разница*. Эти похожие по звучанию слова не являются однокоренными ни с точки зрения современного языка, ни с точки зрения их происхождения. Мягкость / твердость согласного *з* в предложно-именном сочетании *на юге* проверяется формами, когда этот же согласный употребляется перед гласными непятого ряда: *к югу, с юга*. В наречии *обыкновенно* конечная гласная – словообразовательный суффикс *-о-* проверяется наречием *хорошо*, образованным по той же модели. Уступительный союз *хотя* нельзя проверить словоформой *хочет*, потому что в современном языке смысловая связь между союзом *хотя* и глаголом *хочет* потеряна. Именно поэтому в транскрипции употреблена гиперфонема. В слове *легко* первая гласная фонема *э*, потому что *легче*. Но можно употребить и *о*, так как *лёгкий*.

§ 28. Практическая транскрипция

Этот вид транскрипции используется главным образом при передаче иноязычных собственных имен. Средствами практической транскрипции передаются также имена нарицательные, обычно имена существительные, заимствованные из других языков, в тех

случаях, когда они не переводятся. В отличие от фонетической и фонематической транскрипции здесь не используются никакие дополнительные знаки. Для обозначения всего многообразия звуков, представленных в словах разных языков, используются только средства алфавита заимствующего языка. На примере практической транскрипции иноязычных собственных имен средствами русского алфавита предлагается теория, объясняющая некоторые спорные вопросы в передаче их в русском языке.

Стимулом для создания этой теории послужило несоответствие между теоретически ожидаемыми и практически реализуемыми способами передачи иноязычных имен. Известно, что в переводческой практике одно и то же иноязычное имя в разных текстах может получать разное буквенное выражение. Одна и та же буква в составе собственного имени языка-источника далеко не всегда реализуется единообразно в русском тексте.

Основная причина такого расхождения заключается в том, что фонетические системы разных языков не совпадают друг с другом, как не совпадают и способы обозначения звуков человеческой речи при помощи средств разных алфавитов. Поэтому на передачу иноязычного собственного имени влияет несколько факторов: его произношение и написание в языке-источнике, возможности алфавита заимствующего языка, а также разного рода внешние влияния.

Перечисленные факторы характеризуют проблему только в общих чертах. Задача теории – представить конкретное объяснение рассматриваемой проблемы. Такое объяснение изложено ниже в пяти пунктах.

1. Влияние произношения собственного имени в языке-источнике на его написание в заимствующем языке проявляется в том, что количество звуков в собственном имени заимствующего языка соответствует количеству звуков в том же имени языка-источника: гласные соответствуют гласным, согласные – согласным.

Действие фонетического способа передачи иноязычных собственных имен можно показать на примере следующих английских, французских, итальянских и венгерских собственных имен в русском тексте (по два примера для каждого из перечисленных языков): *Byron* – Байрон, *Aldridge* – Олдридж; *Dumas* – Дюма, *Flaubert* – Флобер; *Giovanioli* – Джованьоли, *Vossaccio* – Боккаччо; *Somogyi* – Шомоди, *Nady* – Надь.

Звучание иноязычного собственного имени в практической транскрипции передается приблизительно, с большим или меньшим сходством с его звучанием в языке-источнике. Прежде всего это объясняется степенью совместимости фонологических систем двух языков. Часто фонологически существенные признаки одного языка не находят отражения в другом языке, и, наоборот, могут находить отражение фонологически несущественные признаки. Благодаря этому возникает так называемый «слуховой дальтонизм», при котором иноязычная речь воспринимается слушающим через призму родного языка. В словах на чужом языке слушающий выделяет звуки родного языка. Поэтому признаки, не свойственные его родному языку, им, как правило, не воспринимаются.

Примером «слухового дальтонизма» для носителя русского языка является неразличение на слух долгих и кратких гласных, свойственных многим языкам, придыхательных согласных немецкого языка, носовых гласных и сочетаний гласных с носовыми согласными в польском языке.

2. Влияние написания собственного имени в одном языке на его написание (и, конечно, произношение) в другом, заимствующем, проявляется в том, что передаются наиболее выразительные особенности его орфографии. Так, долгота гласных, выполняющая во многих языках смысловозначительную функцию, в русской практической транскрипции отражается непоследовательно: передается в финских и эстонских именах и не передается в чешских и венгерских. В эстонских и финских именах долгота обозначается употреблением двойных букв: *Kaatra*, *Tammsaare* – *Каатра*, *Таммсааре*. Долгота гласных в чешском и венгерском языках не имеет такого выразительного графического представления (она обозначается знаком ударения над соответствующей гласной) и в русской практической транскрипции не отражается: *Havránek* – *Гавранек*, *Majerová* – *Майерова (или Маерова)*. Если же передать средствами русского алфавита звучание чешских имен более точно, сохранив именно долготу гласных, то получится: *Гавраанек*, *Майероваа*.

Влиянием орфографии языка-источника объясняются и такие написания французских имен, как *Gygo* – *Hugo*, *Gyusmans* – *Huystans*, *Garpaçon* – *Harpagon*, *Marat* – *Marat*, немецких *Geÿne* – *Heine*, *Эйнштейн* – *Einstein*, *Фейербах* – *Feuerbach*.

Если воспроизводить произношение этих имен в языках-источниках, то их следовало бы передавать таким образом: *Юго* (или *Иго*), *Юисман*, *Арнагон*, *Мара*, *Хайне*, *Айнштайн*, *Фоейербах*.

Во французских именах буква *h* в определенных позициях не произносится, как и конечное *t* в слове *Marat*. Нарушение общепринятой орфоэпической нормы языка-источника в воспроизведении этих имен в русской практической транскрипции обусловлено влиянием их исконного написания. Такой же причиной объясняется неверное, с точки зрения немецкой орфоэпии, отражение в русской передаче немецких дифтонгов *ei*, *eu*, которые внешне более похожи на сочетания русских букв *ей*, чем на *ай*, *ой*, обозначающих соответствующие звуки.

Влиянием орфографии английского языка объясняется написание в русском тексте имени поэта *Браунинга* с конечным *г* в основе, которое в языке-источнике не произносится.

3. Фонетические возможности, или способность языка воспроизводить звуки других языков, не совпадают. Фонетическая система одного языка ограничена по отношению к фонетической системе другого языка в том смысле, что в одном языке есть такие звуки, которые отсутствуют в другом языке.

Отсутствующие в заимствующем языке звуки передаются в практической транскрипции сходными в каком-либо отношении. Поэтому здесь возможны случаи, когда одному звуку в языке-источнике соответствует несколько звуков в заимствующем языке. Английские имена с *w* передаются по-русски или через *в*, или через *у*: *Wilson* – *Вильсон*, *Уильсон*; *William* – *Вильям*, *Уильям*. При передаче английского *w* через *в* сохраняется общая акустическая основа: оба звука согласные, но теряется их артикуляционное сходство: английское *w* – губно-губной звук, русское *в* – губно-зубной. При передаче этого же звука через *у* в какой-то степени сохраняется артикуляционное сходство: оба звука произносятся с губной артикуляцией.

4. Возможности алфавита заимствующего языка во многом определяют точность передачи иноязычного собственного имени. Средствами русского алфавита нельзя обозначить такие признаки, которые имеют в языке-источнике фонематическое значение, как французское открытое или закрытое *e*, чешское гортанное *h*, польские носовые гласные или шепелявые согласные и т.д. Их можно

передать приблизительно, иногда условно. Так, чешское *h* гортанное акустически близко к русскому «г фрикативному», представленному или в виде факультативного варианта фонемы /г/ – *бога, благо* – или в виде аллофона фонемы /х/, произносимого перед звонкими согласными: *сох бы, оглох бы*. Но эти оттенки в произношении звука /з/ в русском алфавите не обозначаются. Поэтому чешские фамилии *Hašek, Hajek* по-русски передаются двумя способами: *Гашек, Гайек*, реже – *Хашек, Хайек*. И в том и в другом случае различие между произношением этих имен в языке-источнике и в заимствующем языке значительное: в первом случае сходство между чешским и соответствующим ему русским звуком по глухости / звонкости (оба звонкие), а различие по типу артикуляции (чешский согласный щелевой, а русский – смычный), во втором случае сходство по типу артикуляции (оба щелевые), а различие по глухости / звонкости.

Высокая степень «графической несовместимости» свойственна русскому и китайскому языкам. Русские, как и другие славянские собственные имена, при передаче их средствами китайской письменности меняют свою графическую форму, что вполне естественно при записи слов буквенного письма иероглифами. Меняется также и фонетическая форма до полной неузнаваемости. В этом можно убедиться, если запись упомянутых собственных имен средствами китайского письма передать в русской практической транскрипции: *Москва – Моськэ, Челябинск – Цилюэбиньсыкэ, Калуга – Цзялугэ, Курск – Куэрсыкэ, Минск – Миньсыкэ, Киев – Цзиефу, Варшава – Хуаша, Урал (река) – Улаэрхэ, Урал (горы) – Улаэршань, Россия – Эгуо или Элосы (сокращ. э «вдруг, внезапно», гуо «государство»), Пушкин – Пусидзинь, Горький – Гаоэрици.*

Такие различия в звучании одного и того же имени в сопоставляемых языках объясняют фонетической непроницаемостью китайского языка. Но это соответствует действительности только частично.

В китайском языке есть звуки, при помощи которых вполне узнаваемо для русского слуха можно передать такие слова, как *Москва, Пушкин, Варшава*. Но, как видно из приведенных выше слов, они переданы с разной степенью фонетической точности. Первое узнаваемо, остальные – неузнаваемы.

Основная причина различия между произношением приведенных имен в языке-источнике и в заимствующем языке – в способе организации фонетических средств в звуковые комплексы при помощи иероглифического письма. В китайском тексте воспроизводятся не звуки, например, фонемы, а слоги, количество которых сравнительно невелико. По своей фонетической структуре они отличаются существенным образом от слогов русского или любого другого славянского языка. Слог в китайском языке оканчивается или на гласный, или на сонорный. В составе слога не может находиться два рядом стоящих согласных, как в русском *сто*, *стол*, *слог*, *книга*, *знать*, *второй*, *торг*, *смотреть* и т.д.

Китайские слова строятся не из отдельных звуков, а из готовых слогов, со строго регламентированным сочетанием звуков, обусловленным особенностями иероглифического письма. Такой способ ограничивает возможность передачи фонетического разнообразия звуков даже в том случае, если фонетика языка теоретически позволяет это осуществить.

Передача на китайский язык иноязычных собственных имен представляет собой ситуацию, когда на одной чаше весов – звуки, а на другой – слоги. Привести к «динамическому равновесию» две такие разные единицы, как звук и слог, состоящий из нескольких звуков, практически невозможно. Поэтому вполне очевидно, что передача звука посредством слога не может быть фонетически точной, в то время как передача слога при помощи отдельных звуков отличается высокой точностью. Разумеется, в пределах фонетического сходства, обусловленного спецификой соответствующих фонетических систем.

5. В практической транскрипции некоторых собственных имен находят отражение внешние факторы – влияние языка, через посредство которого заимствовано собственное имя, влияние определенной языковой традиции. Одно и то же имя, заимствованное в разные эпохи или через посредство разных языков, может передаваться по-разному, как слова *Мексика* (государство) и *Мехико* (столица Мексики), хотя и в том и в другом случае в языке-источнике – испанском – *Mexico*. Разница в написании (и в произношении) объясняется влиянием языка-посредника: название государства заимствовано из английского языка, название столицы – непосредственно из испанского.

Славянские по происхождению собственные имена с суффиксом *-ск*, заимствованные через посредство английского языка, употребляются с суффиксом *-ски*, не склоняются и не изменяются по родам: *господин Камински, Полански – госпожа Камински, Полански*.

По-разному передаются собственные имена в изолированном положении и в составе другого собственного имени, например, названия газеты, журнала, телеграфного агентства, общественной организации и т.п.: *Париж* и *Пари* («*Пари-матч*» – и в том и в другом случае в языке-источнике *Paris*), *Франция* и *Франс* («*Франс-Пресс*», «*Нуэль де Франс*» – *France*), *Германия* и *Дойчланд* («*Нойес Дойчланд*» – *Deutschland*), *Польша* и *Польска* («*Млода Польска*» – *Polska*) и т.д. Первые имена передаются в соответствии с традицией, вторые – в соответствии с их произношением в языке-источнике.

Вполне вероятно, что теория, изложенная в этом параграфе, обладает достаточно высокой степенью научной достоверности, и она в состоянии объяснить если не все факты, относящиеся к ее компетентности, то как минимум подавляющее их большинство.

Но это не значит, что эта теория заменяет все возможные объяснения описываемых фактов. Естественно, могут быть предложены разные теории, созданные на другой основе и обладающие своими несомненными достоинствами.

§ 29. Транслитерация

Транслитерация (от лат. *trans* «через, пере-» и *litera* «буква») – побуквенная передача слов или текстов, записанных при помощи одной письменности, средствами другой письменности. В качестве средства транслитерации обычно используют латинский алфавит, дополненный необходимыми знаками. Как правило, транслитерация сближается с той разновидностью практической транскрипции, которая при передаче иноязычных собственных имен ориентируется на их написание в языке-источнике. Произношение, конечно, учитывается, но при этом оно не является основным фактором.

В качестве примера транслитерации рассмотрим способы передачи русских слов средствами польского алфавита. В польских

научных текстах названия работ на русском языке даются не в их оригинальном написании, кириллицей, а транслитерируются. Так, название книги Н.Ю. Шведовой «Активные процессы в современном русском синтаксисе» передается таким образом: «Aktiwnye processy w sowremennom russkom sintaksise», а название книги Г.А. Золотовой «Очерк функционального синтаксиса русского языка» – «Očerok funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka».

Сравнение оригинального написания и его передачи латинскими буквами подтверждает высказанное утверждение, что здесь использована транслитерация, а не практическая транскрипция. Каждой букве русского слова в передаче соответствует тоже одна буква, даже если в некоторых случаях одной буквой обозначается два звука. В слове *активные* в окончании *-ые* три звука передаются двумя буквами, которые в обратной передаче на русский язык можно представить таким образом: *-ыэ (активныэ)*. В окончаниях прилагательных *-ого* буква *g*, произносимая как *в (= w)*, передается через *g*. Русское безударные *о* изображается как *o*. Если бы в данном случае придерживаться правил практической транскрипции, то все безударные *o* следовало бы передавать через *a*: *pracesy, ruskaŵa, funkcycanal'naŵa*. Для передачи «мягкого знака» использован дополнительный знак *'/* – «апостроф», а для звука *ч* – знак *č*. Оба знака отсутствуют в алфавите передающего языка. Наконец, в словах, переданных латинскими буквами, не обозначен такой существенный признак, как мягкость согласных *р* и *м* в словоформе *современном*, иначе было бы *sowriemiennom*.

Транслитерация, основанная на латинском алфавите, используется также при передаче греческих слов в научной литературе, в некоторых словарях, в разных справочных изданиях.

Способ передачи греческих слов латинскими буквами стали применять в то время, когда древнегреческий язык как средство общения уже не использовался. Поэтому возникли разные мнения в передаче его фонетических особенностей.

Существует два варианта передачи греческих слов латинскими буквами – эразмово и рейхлиново чтение, названные по имени двух деятелей эпохи Возрождения, филологов, писателей – Эразма Роттердамского (1469 – 1536) и Иоганна Рейхлина (1455 – 1522), разработавших разные способы транслитерации греческих слов средствами латинского алфавита.

Различия между названными двумя вариантами касаются способа передачи некоторых букв, густого придыхания и дифтонгов.

По-разному передается в эразмовом / рейхлиновом чтении звучание следующих букв: β бэта / вита, η эта / ита, θ тхэта / фита, υ юпсилон / ипсилон. Соответственно, эти буквы транслитерируются как *b / v, e / i, th / f, y / i*.

Поэтому, например, слова βάρβαρος «варвар, чужеземец, не грек», θέατρον «театр», βιβλιοθήκη «библиотека» передаются в эразмовом чтении как *barbaros, theatron, bibliotheke*, а в рейхлиновом чтении – *varvaros, featron, vivliofiki*.

В русской письменной традиции имя греческого поэта передается как *Гомер* или *Омир*. Греческое написание “Ὅμηρος: *Homeros / Omiros*. Надстрочные знаки обозначают густое придыхание [ʰ] и острое ударение [ˈ]. В эразмовом чтении густое придыхание передается как *h*, а в рейхлиновом чтении оно не передается. Таким образом, *Омир* соответствует рейхлинову написанию, а *Гомер* – эразмову.

По-разному передаются дифтонги. Так, слово παράδειγμα в эразмовом чтении передается как *paradeigma*, а в рейхлиновом – как *paradigma*.

Вариант транслитерации греческих слов, предложенный Эразмом Роттердамским, получил распространение в тех странах Европы, в которых латинский язык был языком науки и религии, и такой способ передачи греческих слов буквами латинского алфавита используется в странах Западной и Центральной Европы и в настоящее время.

Ареал распространения второго варианта – транслитерации Рейхлина – сравнительно невелик. Долгое время, до начала XVIII в., она использовалась в русском языке. После реформ Петра I система Рейхлина вышла из употребления. В русском, как и в других восточнославянских языках, в настоящее время применяется эразмово чтение греческих букв.

Следует отметить, что следы орфографической системы Рейхлина сохранились в написании и произношении таких русских слов, как *фита* (а не *тхэта* или *тэта*), *алфавит* (а не *алфавет*), *Вавилон* (а не *Бабилон*), *Федор* (а не *Теодор*), *Варвара* (а не *Барбара*, лат., польск. *Barbara*), *Василий* (лат. *Vasilius*), *Венедикт* (лат. *Benedictus*), *Влас* (лат. *Blasius*, франц. *Blaise / Blaize*) и др.

Транслитерацию обычно применяют при передаче древних текстов, использовавших системы письма, о произношении которых нет достоверных сведений, как, например, древнеегипетское иероглифическое или древнеперсидское клинописное письмо.

В древнеегипетском письме, использовавшем рисунки для передачи отдельных звуков, их сочетаний или слов, обозначались только согласные. О произношении древнеегипетских звуков, особенно гласных, современным специалистам известно очень мало. Поэтому транслитерация египетских текстов отражает особенности их звукового состава только в самом общем виде: *mrktb* «боевая колесница», *prt* «выходить», *ngsgs* «переполнять», *nftft* «прыгать», *mn* «пребывать, остаться», *smn* «заставить остаться».

К транслитерации латинскими буквами прибегают при передаче древнеиндийского письма – *деванагари* в учебной и научной литературе.

§ 30. Комбинаторные и позиционные изменения

В потоке речи звуки взаимодействуют между собой, вызывая те или иные фонетические изменения, которые подчиняются своим, только им присущим законам.

Подвергаться влиянию могут согласные со стороны других согласных или гласные со стороны гласных. В этом случае говорят о взаимодействии артикуляционно однотипных звуков. Но возможно также и взаимодействие между разнотипными звуками, когда согласные влияют на гласные или, наоборот, гласные влияют на согласные.

Изменения, вызванные влиянием одних звуков на другие, называются *комбинаторными* (от лат. *combinare* «сочетать, соединять»).

Большинство таких изменений можно объяснить удобством произношения. В одних случаях легче произнести два похожих или два одинаковых звука, например два глухих или два звонких согласных. В других случаях, наоборот, труднее произнести два одинаковых соседних звука, например два смычных: *б + б*, *г + г* или две аффрикаты: *ч + ч*. Два одинаковых звука в произношении или сливаются в один долгий (*сонный, избранник*), или произносятся

как один звук, например, двойные согласные в заимствованных словах: *аббревиатура, агглютинация*. В отдельных случаях, особенно в собственных именах, в полном стиле или в произношении по слогам двойные согласные или гласные могут произноситься как два одинаковых звука: *Чаадаев, Гаага, Аббас, Мекка*.

Но не все, что связано с комбинаторными изменениями, обусловлено только удобством произношения. Речь – это одна из форм деятельности центральной нервной системы. Поэтому характер фонетических изменений зависит не только от акустических и артикуляционных свойств звуков, но также, и далеко не в последнюю очередь, от факторов, связанных с языком как средством передачи сообщений.

Звуки в речи подвергаются самым разнообразным изменениям, но не настолько значительным, чтобы разрушался смысл языковой единицы, в составе которой происходят эти изменения. Именно смысл и является тем фактором, благодаря которому сохраняется общность значения между языковой единицей в ее первоначальном виде и языковой единицей, образованной в результате фонетических изменений.

На связь между смыслом высказывания и характером его фонетического изменения обратил внимание еще в конце XIX в. французский языковед Поль Пасси. Он сформулировал эту мысль в виде двух взаимодополняющих принципов:

«1. Язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним.

2. Язык постоянно стремится выделить то, что является необходимым» [См.: Мартине 1960, с. 65].

В первом случае говорят о *законе наименьшего усилия*, или о *принципе экономии*, а во втором – о *принципе сохранения необходимой информации*.

Обе тенденции взаимосвязаны, но действуют в разных направлениях. Они определяют вектор движения фонетического изменения в том или ином конкретном языке. Реализация этих тенденций зависит от того, что выбирает язык в качестве «лишнего» и что он выделяет в качестве необходимого.

Другая разновидность фонетических изменений – *позиционные изменения* (от лат. *positio* «положение»). В отличие от комбинатор-

ных этот тип изменений не зависит от влияния других звуков, а зависит от их позиции, т.е. места в слове.

Позиционным изменениям могут подвергаться как гласные, так и согласные. Примером позиционных изменений гласных в русском языке является их редукция в безударном положении. Так, гласные *a*, *o* в безударном положении подвергаются *количественной* редукции, т.е. произносятся более кратко, чем под ударением, и *качественной* редукции, т.е. произносятся одинаково. В словах *огород* /ʌɣrót/ и *абракадабра* /ʌбрък^дáбрь/ гласные *a* и *o* в полном стиле произносятся с разной степенью длительности: более длительно в первом предударном слоге и в абсолютном начале слова, менее длительно – в заударном слоге и в предударных слогах.

Примером позиционных изменений согласных в русском языке является оглушение звонких согласных в конце слова. В этой позиции все шумные согласные, противопоставленные по глухости / звонкости, произносятся как глухие. Никакие другие условия не могут препятствовать этому произношению. Звонкие согласные на конце слова оглушаются после гласных (*хлеб*, *завод*), после шумных согласных (*поезд*, *мозг*, *волхв*), после сонорных (*серб*, *столб*, *торг*, *фонд*).

Сонорные согласные на конце слова не оглушаются. Правда, есть исключения: в некоторых словах, по данным М.В. Панова, сонорные согласные на конце слова могут оглушаться (могут и не оглушаться), но только после глухой согласной: *косм* (род. п. от *космы*), *воплъ*, *литр*, *вихрь* [Панов 1967, с. 36]. В приведенных примерах оглушение происходит за счет влияния предыдущего глухого согласного. Это уже не позиционное, а комбинаторное изменение – прогрессивная ассимиляция. Как глухой может произноситься на конце слова сонорный *j* в эмоциональной речи. Такой звук возникает, когда произносят, например, слова /ʌткрój/, /знаj/ с некоторым раздражением, сердито [Панов 1967, с. 36; Панов 1979, с. 26].

Особое место среди фонетических изменений занимают *спонтанные изменения* (от лат. *spontaneus* «самопроизвольный»). Иногда их называют по-другому – *необусловленные*. Смысл этого термина можно истолковать таким образом: спонтанные изменения происходят сами по себе, произвольно, без участия каких-либо внешних факторов. (Одним словом, ничем не обусловленные из-

менения.) Но такой взгляд не соответствует языковой практике. Каждый языковой процесс всегда обусловлен. Другое дело, что он может быть обусловлен действием одной или нескольких причин. Причин, лежащих на поверхности, или скрытых, разнородных по своему содержанию и по своему действию.

Слова «спонтанные», «необусловленные» в современной лингвистической литературе используются редко. Если же используются, то этим терминологическим обозначениям придается несколько иной смысл: изменения, которые нельзя однозначно объяснить действием известных науке фонетических процессов, а поэтому их нельзя отнести ни к комбинаторным, ни к позиционным изменениям.

С течением времени, по мере углубления наших знаний о языке некоторые из необусловленных изменений переходят в разряд обусловленных.

Сказанное о спонтанных изменениях проиллюстрируем двумя примерами – из исторической фонетики и из современной устной речи.

1. Несомненно, что *мягкий* и *мякоть* – слова этимологически родственные, образованные от одного праславянского корня **męk-*. В таком случае не понятно, почему в первом слове корень оканчивается на *г*, а во втором – на *к*. Можно предположить, что перед гласным, как во втором слове, сохраняется исконный согласный *к*, а перед согласным происходит чередование *к / г*. Но от этого предположения следует отказаться, так как, например, в слове *мягок* употребляется не ожидаемое нами *к*, а *г*.

Не вносит ясности в этот вопрос и тот факт, что *г* в первом слове произносится как согласный, но не парный ему *к*, а *х*. Поиски причин образования двух вариантов одного корня с опорой на их фонетические особенности не дают ответа на вопрос: почему именно *г*? Чередование *к / г* в русском языке относится к фонетическим: *к* употребляется в абсолютном конце слова, *г* – перед конечной гласной: *ро/к/*, *бере/к/* – *рога*, *берега*. В примере *мяг-* / *мяк-* чередование не фонетическое. Поэтому вполне закономерно напрашивается вывод о том, что появление *г* в корне *мяг-* относится к числу спонтанных изменений. Этот вывод подтверждается данными других славянских языков. Ср.: укр. *м'який*, белорус. *мяккі*, пол. *miękki*, чеш. *měkký*, болг. *mek* и т.д. Ни в одном из славянских языков, даже восточнославянских – наиболее близких русскому языку, нет кор-

ня типа *мяг-*, а есть корни типа *мяк-*, что свидетельствует об уникальности, единичности, «штучности» данного явления. Именно спонтанные изменения уникальны, в то время как комбинаторные системны и регулярны. Первые из них встречаются в единичных примерах, вторые охватывают большое, иногда неисчислимое, количество примеров.

Существуют и другие объяснения замены *к* на *г* в корне *мяк-*. Так, П.Я. Черных предполагает, что русская форма *мягкий* возникла под влиянием прилагательного *легкий* [Черных, т. 1, с. 552–553].

Такая гипотеза не лишена оснований. В ее пользу можно привести следующие соображения. Слова *мягкий* и *легкий* обладают некоторым смысловым сходством и могут употребляться в качестве однородных членов, оказывая друг на друга определенное влияние. При различном написании соседних согласных в русском языке слова *мякькый* и *льгькый* после XIV века стали созвучными между собой. Одинаковое их произношение, начиная с третьей буквы – /-хкый/, способствовало тому, что и в написании они приобрели такое же сходство. В результате этого исконная форма *мякькый* была заменена в написании новой формой *мягькый*, сохранившей при этом свое прежнее произношение. Такой процесс – это уже не спонтанное, а вполне обусловленное изменение, его можно назвать *изменением по аналогии*.

Единственное, что объединяет спонтанные изменения и изменения по аналогии, – их единичность и уникальность. Различает их отношение к причинности. Если изменения по аналогии указывают на внешнюю причину, вызвавшую данное явление, то спонтанные изменения констатируют факт, что внешняя причина не установлена.

2. В устной речи, особенно в тех случаях, когда она произносится спонтанно и не контролируется говорящим, могут возникнуть необычные слова. Сравните просьбу «человека рассеянного» из стихотворения С. Маршака: *Нельзя ли у трамвала / Вокзай остановить*. К тому же разряду изменений относится своего рода устойчивое сочетание, полученное в результате перестановки начальных согласных в грамматических формах *кашу – маслом: Машу каслом не испортишь*.

Языковые единицы, обычно слова (квазислова; единицы, «похожие на слова»), образованные в устной речи в результате нару-

шения их фонетической или / и морфологической структуры, называются *оговорками*.

При синхронном переводе известный лозунг Французской революции получил такое выражение: «Свобода, равенство и бранство». Необычное слово *бранство* было произнесено в устной речи. Поэтому, казалось бы, вполне естественно предположить, что в этом слове произошло спонтанное изменение. Но в действительности здесь произошло влияние фонетической структуры предыдущего слова *равенство* на последующее, в результате чего и произошло некоторое фонетическое сближение этих слов. Такой процесс называют *ассимиляцией*. Аналогичные примеры встречаются как в речи рядовых носителей русского языка, так и в речи дикторов радио и телевидения: *Адам жевится* (= *женится*) *на Еве*; *желаем вам успехам* (= *успехов*); *она представляна* (= *представляла*) *свою страну*; *в автомобильных катастрофаф* (= *катастрофах*) *погибло несколько сот человек*.

Несмотря на искажение звукового состава языковых единиц, их смысл не меняется до неузнаваемости. Сохранению смысла способствует общее содержание приводимых фрагментов, а также значение соседних языковых единиц.

К спонтанным, фонетически не объяснимым изменениям можно отнести чередования *г / ж* (*бегу – бежишь, бегать – бежать*), *х / ш* (*пух – пушистый, страх – страшный*), *к / ч* (*мрак – омрачать, мрак – мрачный*), *у / он* (*звук – звон*), *н' / а* (*помнить – пам' / а / ть*). Эти изменения фонетически не объяснимы с точки зрения современного языка. Но они объяснимы с точки зрения истории языка. Поэтому такого рода изменения звуков – как согласных, так и гласных – принято называть историческими.

§ 31. Способы определения фонетических изменений

Любое изменение – движение материального тела в пространстве или преобразование языковой единицы во времени – может быть определено только при условии, если сравнить положение наблюдаемого объекта как минимум в двух точках – или в пространстве, или во времени. Объект в первой точке условно можно

назвать *исходной*, или *начальной*, формой, а во второй точке – *производной* формой.

В зависимости от анализируемого материала можно выделить три типа исходных форм.

Во-первых, исходные формы, выводимые из сопоставления слова написанного и слова произнесенного. Первая из них – исходная, а вторая – производная. Письменная форма языковой единицы, как правило, отражает ее более древнее произношение. Сравнивая написание и произношение языковой единицы, можно определить ее изменение во времени. Кроме того, письменная форма является своего рода общим знаменателем, к которому сводится все многообразие употребляемых в произношении звуков и их сочетаний в составе разных языковых единиц.

Во-вторых, в совершенно другом виде выступает исходная форма для заимствованных слов. Заимствованное слово теряет свои исконные признаки и приобретает такие признаки, которые сближают его фонетически, полностью или частично, со словами принимающего языка. При выборе исходной формы прежде всего следует принимать во внимание *звуковой* состав заимствуемого слова в языке-источнике. Не исключено, что в некоторых случаях на передачу иноязычного слова оказывает влияние его написание, не всегда имеющее звуковое выражение в исконном языке. Поэтому необходимо учитывать не только его произношение, но и написание в языке-источнике.

В-третьих, в качестве исходной формы при анализе просторечных лексем принято рассматривать лексемы литературного языка. Заимствованное слово обычно попадает в просторечие принимающего языка не непосредственно из языка-источника, а через посредство литературного языка. Именно поэтому литературный язык, будучи посредником в передаче иноязычной лексемы, и является для нее первичной формой, на базе которой она образовалась.

От того или иного выбора первичной и вторичной формы зависит определение типа фонетического изменения. Так, собственное имя *Душанбе* обычно произносят как *Душамбе*. Если исходной формой считать первую, а производной вторую, то во втором слове произошла ассимиляция по месту образования. На месте переднеязычного согласного *n* стал произноситься губно-губной *m*, уподо-

бившись последующему согласному *б*. Если же исходной формой считать вторую (так это слово писали в 30-е годы – *Дюшамбе*, *Душамбе*), а производной – первую, то в первом слове произошла диссимиляция, тоже по месту образования: *мб* исходной формы – оба губные, *нб* производной – переднеязычный и губной.

Следует отметить, что в более древнем написании слова *душамбе* «понедельник», при помощи средств арабского алфавита, употребляется буква «нун», соответствующая звуку /н/. Поэтому этимологически написание с *н* является исходным.

§ 32. Типы обусловленных фонетических изменений

Обусловленные фонетические изменения делятся на *первичные* и *вторичные*, или *основные* и *периферийные*. Первичные изменения обусловлены непосредственно действием фонетических законов, свойственных языку на определенном этапе его развития, как, например, уподобление по глухости / звонкости двух соседних согласных – глухого и звонкого. Они, как правило, обязательны, обладают высокой степенью системности и абсолютной предсказуемостью.

Вторичные изменения связаны с фонетическими законами языка через посредство первичных. Во многих случаях они факультативны и зависят от внешних, социолингвистических факторов. Их степень системности низкая, и, как правило, они непредсказуемы.

К важнейшим первичным изменениям относятся: *ассимиляция*, *диссимиляция*, *аккомодация*.

Ассимиляция (от лат. *assimilatio* «уподобление») – фонетический процесс, при котором звуки уподобляются друг другу частично или полностью, в результате чего становятся более похожими друг на друга или одинаковыми.

В процессе ассимиляции участвуют два звука – ассимилирующий и ассимилируемый, или, по-другому: независимый, или сильный и подчиненный, или слабый. Так, в слове *второй* согласный *в* (слабый) произносится как соответствующий ему глухой *ф* под влиянием сильного глухого *т*, а в слове *стень* слабый согласный *с* произносится как мягкий под влиянием сильного *т* мягкого. С

учетом фонетических свойств звуков, участвующих в ассимиляции, а также в зависимости от удаленности подчиненного звука по отношению к независимому, от положения их в слове относительно друг друга и от конечного результата выделяется четыре типа ассимиляции.

1. Фонетически звуки уподобляются по глухости / звонкости, твердости / мягкости, по месту образования и по типу артикуляции.

В большинстве случаев звуки уподобляются по глухости / звонкости и по твердости / мягкости. Остальные признаки, особенно ассимиляция по месту образования, встречаются исключительно редко.

2. По удаленности между сильным и слабым звуками выделяется два типа ассимиляции – *контактная* (от лат. *contactus* «соприкосновение») – взаимодействие двух рядом стоящих звуков, и *дистактная* (от лат. *dis* «раз-» и *tangere, tactum* «касаться») – взаимодействие несоседних звуков, разделенных несколькими звуками. Контактная и дистактная ассимиляция происходит, как правило, в составе одного фонетического слова. Дистактная ассимиляция может происходить и в разных словах.

3. По положению в слове сильного и слабого звуков выделяется два типа ассимиляции – *прогрессивная* (от лат. *progressus* «движение вперед») и *регрессивная* (лат. приставка *re-* указывает на противоположное действие). В первом случае сильный звук находится перед слабым и оказывает на него влияние, совпадающее по своему направлению с последовательностью произношения звуков в потоке речи, во втором случае, наоборот, сильный звук находится после слабого и оказывает на него влияние, противоположное направлению произношения звуков в потоке речи.

4. По конечному результату преобразования звуков из менее похожих в более похожие образуется два типа ассимиляции – *неполная* и *полная*. Первый тип – это такая ассимиляция, когда взаимодействующие звуки остаются разными, но сблизившимися между собой по какому-либо признаку. Второй тип – разные взаимодействующие звуки превращаются в два одинаковых звука, которые в потоке речи обычно сливаются и произносятся как один долгий звук. Таким образом, полная ассимиляция проходит в два этапа: образуются два одинаковых звука, затем происходит слияние одинаковых звуков.

При полной ассимиляции уподобление происходит по всем признакам, свойственным взаимодействующим звукам, при неполной ассимиляции уподобление происходит по части названных признаков.

Примеры ассимиляции: 1) с *детских лет* – /зд'/етских лет, к *залу* – /гз/алу, из *толпы* – и/ст/олты, *просьба* – про/з'б/а, *всегда* – /фс/егда; 2) *сжат* – /ж:/ат, к *горе* – /г:/оре, *от дороги* – о/д:/ороги.

В первой группе слабый звук уподобляется сильному, сильный остается без изменений, сильный и слабый сближаются, но различия сохраняются. Произошла ассимиляция по глухости / звонкости, контактная, регрессивная, неполная. Во второй группе образовались попарно идентичные согласные, которые произносятся как один долгий. Долгие согласные /ж:/, /г:/, /д:/ являются аллофонами, а не отдельными фонемами. Произошла ассимиляция по глухости / звонкости, контактная, регрессивная, полная.

В результате ассимиляции по глухости / звонкости, контактной, регрессивной, образуются звонкие аллофоны аффрикат *ц*, *ч*: *дворе* /дз/бы, *испе* /дж'/бы.

Подвергается регрессивной ассимиляции по месту образования переднеязычный *н*, который перед заднеязычными *г*, *к* *танго*, *тонко*, произносится как задненёбный /ŋ/, т.е. представляет в этой позиции фонему *н* как ее аллофон. Следует заметить, что произношение задненёбного звука в этой позиции факультативно. Вполне возможно произношение *н* как переднеязычного.

Прогрессивная ассимиляция в русском литературном языке в большей степени свойственна аллофонам, чем фонемам. В качестве примера прогрессивной ассимиляции с участием фонем можно привести сравнительную степень *глубже*, более древняя форма *глубше* (ср. в современном языке *старше*). Под влиянием звонкого *б*, после падения редуцированного гласного *ь*, согласный *ш* стал произноситься звонко, и таким способом образовалась современная форма с уникальным суффиксом сравнительной степени *-же*.

Асимметрия между примерами прогрессивной и регрессивной ассимиляции свидетельствует о том, что образование слов в потоке речи – процесс не механический. Если бы все происходило именно так, по законам фонетической механики, то была бы только одна прогрессивная ассимиляция. Направление фонетических изменений шло бы параллельно с произношением звуков в потоке речи, и

предыдущий звук всегда влиял бы на последующий. Но в действительности этот процесс происходит по-другому.

Прежде чем слово, словосочетание или предложение реализуются в речи, они уже сформировались в сознании говорящего в том естественном виде, в котором они воспринимаются собеседниками. Фонетические изменения происходят до того, как слово или любая другая языковая единица получит свое звуковое воплощение. При этом пределы фонетического процесса обусловлены семантическими причинами или, как сформулировал П. Пасси, стремлением языка «выделить то, что является необходимым».

Разновидностью прогрессивной ассимиляции гласных является **сингармонизм** (от греч. *συν* /*syn* «совместно, вместе» и *ἁρμονία* /*harmonia* «созвучие, связь, соглашение»). Сингармонизм – фонетический процесс, заключающийся в том, что в слове употребляются гласные или только переднего, или непереднего ряда. Присоединяемые к корню морфемы обычно имеют два варианта – с гласными переднего ряда или с гласными непереднего ряда. Русскому языку, как и другим индоевропейским языкам, это явление не свойственно. Сингармонизм представлен в языках таких семей, как угро-финская и тюркская. Рассмотрим это явление на примере казахского языка.

В казахском языке действие сингармонизма проявляется при образовании множественного числа имен существительных. Для этого используются суффиксы: *-лар/-лер*, *-тар/-тер*, *-дар/-дер*. Употребление варианта с *a* или с *e* зависит от конечного гласного в корне: если гласный переднего ряда, то используются варианты с гласным *e* (*-лер*, *-тер*, *-дер*), если непереднего ряда, то с гласным *a* (*-лар*, *-тар*, *-дар*). При этом следует отметить, что сингармонизм гласных сопровождается прогрессивной ассимиляцией начального согласного суффикса. Выбор согласного в суффиксе множественного числа зависит от того, на какой звук – гласный или согласный, сонорный или шумный, глухой или звонкий, оканчивается основа слова:

бала – *балалар* «ребенок – дети»

жер – *жерлер* «земля – земли»

ат – *аттар* «лошадь – лошади»

есек – *есектер* «осел – ослы»

ақын – *ақындар* «поэт – поэты»

көл – *көлдер* «озеро – озера».

Изменение звукового облика суффикса не препятствует его отождествлению с определенным смыслом, так как эти изменения регулярны, поэтому предсказуемы. Кроме того, количество исходных суффиксов, на базе которых и образуются фонетические варианты, сравнительно невелико.

Другой разновидностью ассимиляции гласных, ассимиляции регрессивной, является **умлаут** («перегласовка») – фонетическое изменение, заключающееся в том, что гласные корня уподобляются по ряду гласным окончания. Например, в немецком языке при образовании множественного числа существительных *Wald* «лес», *Dorf* «село», *Mutter* «мать» гласная *a* в корне заменяется на *ä*, *o* на *ö* и *u* на *ü* (*Wälder*, *Dörfer*, *Mütter*) – гласный непреднего ряда на гласный переднего ряда, так как в окончании, при помощи которого образовано множественное число, употребляется гласный переднего ряда.

Диссимиляция (от лат. *dissimilatio* «расподобление») – фонетическое изменение, когда из двух одинаковых или двух похожих звуков образуются разные или менее похожие звуки. По своим результатам это процесс, обратный ассимиляции. Поэтому диссимиляция характеризуется теми же понятиями, что и ассимиляция – по глухости / звонкости, по удаленности взаимодействующих звуков, по направлению, по результату, по типу артикуляции.

В результате диссимиляции – контактной, регрессивной, по типу артикуляции образовались в русском языке формы инфинитива *мести*, *плести*, *вести*, *сесть*, которые восходят к более древним формам: **метти*, **плетти*, **ведти*, **седти*.

Возможны случаи, когда один и тот же звук подвергается влиянию нескольких факторов, в результате чего и происходят разные фонетические изменения. Так, в слове *легко* – *ле/хк/о* отмечается регрессивная ассимиляция по глухости / звонкости и диссимиляция по способу образования звука.

Особый случай диссимиляции представляют слова с сочетаниями *чи* (*конечно*, *скучно* или *вечно*, *точно*, *мрачно*, *беспечно*), в которых буква *ч* произносится по-разному. В первых двух примерах – как *ш*, а в остальных – как *ч'*. Диссимиляция *ч > ш* здесь вызвана чисто фонетическими причинами. Осуществлению диссимиляции в последних примерах препятствуют социолингвистические факторы – ориентация на более древнюю орфоэпическую норму,

которой после падения редуцированных гласных в течение определенного времени не была свойственна диссимиляция.

Аккомодация (от лат. *accomodatio* «приспособление») – фонетический процесс, в котором участвуют разнотипные звуки – гласные и согласные.

Влияние согласных на гласные проявляется в двух направлениях – после мягких согласных и перед мягкими согласными.

После мягких согласных гласные *a, o, y* становятся более передними: *мал – мял, нос – нес, лук – люк*. Таким образом, в этих примерах представлены две разновидности аллофонов – нейтральные и более передние. Первые реализуются после твердых согласных, которые не оказывают влияния на произношение гласных. Вторые – после мягких согласных, которые, наоборот, оказывают влияние на произношение гласных, и гласные произносятся как более передние – по сравнению с их нейтральным произношением. Аккомодация гласных происходит именно во втором случае благодаря тому, что экскурсия последующего звука, по словам А.А. Реформатского, приспосабливается к рекурсии предыдущего [Реформатский 1996, с. 202]. Другими словами, мягкий согласный сильный, гласный – слабый, подвержен влиянию согласного. Аккомодация – прогрессивная.

Перед мягкими согласными гласные *a, o, y* становятся более узкими, закрытыми: *дал – даль, год – голь, струн – струй*. В этих примерах аккомодации подвергаются гласные под влиянием последующих мягких согласных. Так же, как и в предыдущем абзаце, представлено два типа аллофонов – нейтральные и более узкие. Аккомодация регрессивная – «рекурсия предыдущего звука приспосабливается к экскурсии последующего» [Реформатский 1996, с. 202].

После твердых согласных гласный переднего ряда *и* произносится как гласный среднего ряда – *ы*: *с игрой – /сы/грой, перед игрой – пере/ды/грой, с Иваном – /сы/ваном*. Эта особенность произношения *и* после твердых согласных отражена в современной орфографии: *играть – сыграть, история – предыстория, идейный – безыдейный, известный – безызвестный*.

Гласные влияют на согласные только в одном направлении – регрессивно: перед гласными переднего ряда *и, э* согласные становятся тоже более передними, мягкими: *книга – кни/г'/и, кни/г'/э*.

Из сравнения артикуляции согласных $z - z'$ видно, что звук z' более продвинул кпереди, к среднеязычному, чем z . В русском языке все согласные перед гласными переднего ряда по закону аккомодации приобретают мягкость, за исключением тех твердых согласных, у которых нет соотносительных пар по мягкости.

Лабializedанные гласные o, y усиливают губную артикуляцию губно-зубного v . В этом можно убедиться, если сравнить произношение согласного v перед гласными o, y , с одной стороны, и перед a , с другой: *вот, водный – ваш, ваза; звук – звать, варвар*. В этих примерах образованию аккомодации способствует то, что контактирующие звуки – и гласный, и согласный произносятся с участием губ, за счет чего и происходит усиление губной артикуляции согласного.

Охарактеризованные выше типы фонетических изменений распределены в структуре языка неравномерно. При этом для каждого языка характерны свои особенности. Так, в русском языке представлена ассимиляция согласных и полностью отсутствует ассимиляция гласных в отличие от умлаута в немецком и сингармонизма в тюркских и угро-финских языках.

§ 33. Периферийные фонетические изменения

Периферийные, или вторичные, фонетические изменения встречаются в относительно небольшом количестве примеров. В отличие от первичных, основных, изменений они реализуются не во всех теоретически возможных случаях. Эти изменения сопровождают заимствования из других языков. Сюда же относятся слова, в которых происходит *упрощение* их фонетической структуры.

Периферийные фонетические изменения так же, как аккомодация, ассимиляция и диссимиляция, относятся к числу комбинаторных изменений. Но если механизм действия аккомодации, ассимиляции и диссимиляции обусловлен влиянием одних звуков на другие, то механизм периферийных изменений зависит от фонетической структуры слова в целом.

Первые изменения системны, вторые – асистемны. Так, контактная ассимиляция по глухости / звонкости происходит всегда, если есть соответствующие условия – два рядом находящихся со-

гласных, разных по глухости / звонкости, обязательно подвергаются ассимиляции [Панов 1967, с. 86–87]. Этого нельзя сказать о периферийных фонетических изменениях. В одних и тех же условиях то или иное периферийное изменение может произойти, а может и не произойти.

К периферийным изменениям относятся: *гаплоглогия*, *эпентезы*, *протезы*, *метатезы*.

Гаплоглогия (от греч. *ἁπλός* / *haplós* «простой, одиночный» и *λόγος* / *logos*; другие названия: *диэрезы*, *выкидки*) – комбинаторное изменение, в результате которого за счет выпадения одной или нескольких согласных упрощается фонетическая структура слова. Этот процесс наблюдается или в словах с повторяющимися однотипными слогами или в словах со стечением нескольких согласных.

Первый случай – устранение одного из двух однотипных слов – представлен немногочисленными примерами: *знаменосец* < *знаменоосец*, *минералогия* < *минералологгия*, *трагикомедия* < *трагикоккомедия*, *близорукий* < *близозоркий.

Характерно, что гаплоглогия не распространяется на другие примеры, сходные по своему фонетическому строению. Так, в русском языке есть слова, образованные по той же модели, что и *знаменосец* или *минералогия*, но вопреки ожиданиям сохранившие в своем составе однотипные повторяющиеся слоги *ноно* и *лоло*. Ср.: *миноносец* (не *миноосец*), *орденоносец* (не *орденоосец*). Отмечается в словарях русского языка и слово *знаменоносец*, правда, с пометой как устаревшее. Не подвергаются гаплоглогии слова: *дактилоглогия*, *филологгия* и, наконец, сам термин *гаплоглогия*.

В сложном слове *близорукий* его вторая часть изменила свою первоначальную форму до неузнаваемости. По всей видимости, это слово было образовано на базе прилагательного *близозоркий / *близозорокий*. В результате дальнейшего развития под влиянием сложных слов на *-рукий*, как *долгорукый*, произошло переосмысление его семантики [Черных, т. 1, с. 94].

Второй случай – изменения в фонетической структуре слов в сочетаниях с двумя, тремя и более согласными представлен несколькими десятками примеров [См.: Аванесов 1972, с. 147–152].

Одни и те же согласные в сочетаниях *зди*, *вств* в некоторых словах произносятся, а в других – не произносятся. Обусловлено это не столько лингвистическими, фонетическими, сколько социо-

лингвистическими причинами – принадлежностью слова к тому или иному стилю или определенной лингвистической традиции. Так, в сочетании *зди* согласный *д* не произносится в словах: *поздно* – *по/зн/о*, *праздний* – *пра/зн/ый*, *уездный* – *уе/зн/ый*. В составе других слов, принадлежащих к высокому стилю, *д* произносится: *бездна*, *безвозмездный*. Точно так же в сочетании *вств* начальный *в* может произноситься или не произноситься. Не произносится в двух словах и их производных: *чувство* – *чу/ств/о*, *здравствуй* – *здра/ств/уй*. В остальных словах согласный *в* подвергается ассимиляции по глухости / звонкости и произносится как *ф*: *баловство* – *бало/фств/о*, *хвастовство* – *хвасто/фств/о*, *нравственный* – *нра/фств/енный*.

Эпентезы (от греч. *ἐπενθεσις* / *epenthesis* «эпентеза, вставка (преимущественно буквы)») – разновидность комбинаторных изменений, в результате которых в составе слова появляются фонетические элементы, устраняющие не свойственные данному языку сочетания звуков.

Русскому языку не свойственно *зияние* – сочетание в составе слова нескольких гласных. Поэтому в заимствованных словах с сочетанием гласных: *Italia* – *Италия* (= *Италија*), *филология* < греч. *φιλολογία*, лат. *philologia*; *философия* < греч. *φιλοσοφία*, лат. *philosophia* – происходит устранение зияния.

Как видно из приведенных примеров, в языке-источнике между гласными нет «йота» – этот звук появляется на стыке морфем в заимствованных русских словах. Но это отмечается далеко не во всех случаях. Почти полностью сохраняется зияние гласных в середине заимствованных слов. Ср.: *поэт*, *фиалка*, *диалог*, *биолог*, *диета* (= *диэ́та*), *пианист*, *идеал*, *идиома*, *боа*, *геолог*. На стыке основы и окончания, кроме приведенных выше *Италия*, *филология*, *ј* появляется в словах: *идея* < греч. *ἰδέα* / *idea*, *армия* < франц. *armée* или нем. *Armée*, *радио* (в просторечии: *радиво*), *шпион* (в просторечии *шпиён*) и т.д.

Во французском языке зияние устраняется *сокращением* «лишней» гласной. Перед словом, которое начинается с гласной, в определенном артикле мужского и женского рода *le*, *la* происходит **элизия** (от лат. *elision* «выталкивание»), т.е. потеря гласных перед начальным гласным следующего слова: *le* + *avion* => *l'avion* «самолет», *la* + *académie* => *l'académie* «академия». Для французско-

го языка такой процесс, который распространяется и на некоторые другие служебные слова, является обязательным.

Эпентезой в русском языке является *б* в предлоге *об*. Ср.: *об отце, об игре*, с одной стороны, и *о доме, о письме, о нас* – с другой. Появление вставного согласного в сочетаниях этого предлога с другими словами фонетически предсказуемо: все варианты *о /об /обо* строго закреплены за определенной позицией.

Как и гаплогогия, эпентезы возникли на диссимилятивной основе и характеризуются разной степенью системности – слабой системностью в составе корня и сравнительно высокой – на стыке морфем.

Фонетические изменения – протезы и метатезы – представлены в русском языке очень немногими примерами, что вполне наглядно свидетельствует об их периферийности.

Протезы (от греч. *πρόθεσις* / *próthesis* «надставка; выставление; приставки», другие названия: *надставки, протетические звуки*) – это согласные или гласные звуки, которые прибавляются к началу слова: *восемь* < древнерус. *осьмь, гусеница* < древнерус. *юсеница, вотчина* < *отчина, отчий, отец*. Более многочисленны примеры из просторечия: *это* – /j/ *это* < *это, вострый* < *острый, шла* < *шла, вумный* < *умный*. Ср. присказку: *вумный, как вутка*.

Значительным разнообразием и продуктивностью отличаются протетические элементы в белорусском и украинском языках. В белорусском перед ударными *о* и *у* в начале слова употребляется *в* протетическое, в украинском в этой же позиции может появляться и *г* протетическое, а может и отсутствовать какой-либо приставной звук: белорус. *вока* – *вочы* «глаз – глаза, око – очи», *востраў* «остров», *востры* «острый», *вузкі* «узкий», *вуха* «ухо», *вуліца* «улица», *вобласць* «область»; укр. *гострий, вузький, ухо, вулиця, область*. Этот список белорусско-украинских соответствий можно продолжить. Большинство слов в сопоставляемых языках совпадает, так как они восходят к общему источнику. Но есть и различия: белорусскому *востраў* в украинском соответствует слово *виспа*, образованное от другого корня. В словах, соответствующих белорусским *вуха, вобласць*, в украинском нет протетических согласных.

Разные протетические согласные – *ј* и *в* – представлены в личных местоимениях 3-го лица именительного падежа: белорус. *ён, яна, яно, яны*; укр. *він, вона, воно, вони*.

Метатезы (от греч. *μεταθεσις* / *metathesis* «перемещение, перестановка») – фонетический процесс, в результате которого меняются своими местами в составе слова как отдельные звуки, так и слоги: *ведьмедь* (= *медведь*), *тарелка* (из *талерка*, нем. *Teller*), *мрамор* < лат. *marmor*, *Фрол* < лат. *Floris*.

Рассмотренные примеры фонетических процессов дают вполне определенное представление об эволюции языковой системы на одном из ее уровней – фонетическом. Но фонетические процессы не исчерпывают всех причин изменения языка. Язык постоянно меняется на всех уровнях, и все эти изменения в своей совокупности и определяют его развитие.

Литература

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1972.
2. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977.
3. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. М.: Академия, 2004.
4. Буланин Л.Л., Мирецкий А.Л. Учебно-методическая разработка по русской фонетической транскрипции. Ч. 1–3. Л.: ЛГУ, 1984.
5. Зиндер Л.Р. Общая фонетика // Л.Р. Зиндер Общая фонетика и избранные статьи. М.: Академия, 2007.
6. Кондрашов Н.А., Копосов Л.Ф., Рупосова Л.П. Сборник упражнений по введению в языкознание. М.: Просвещение, 1991.
7. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.: ИЛ, 1960.
8. Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976.
9. Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967.
10. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
11. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996.
12. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 2001. Т. I – II.

14. Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

15. Jakobson R. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze // R. Jakobson. Selected Writings. The Hague: Mouton, 1962. Vol. I. P. 328–401.

Задания

№ 1. Сравните акустическую классификацию с артикуляционной и определите, что лежит в основе каждой из этих классификаций. Какая из этих классификаций представляется вам более удобной для практического использования?

1. Какие группы согласных выделяются в этих классификациях? Какие группы, выделяемые в артикуляционной классификации, не выделяются в акустической классификации? И наоборот: какие группы, представленные в акустической классификации, отсутствуют в артикуляционной классификации?

2. Верно ли утверждение, что такие характеристики согласных, как глухость / звонкость, твердость / мягкость, в сопоставляемых классификациях имеют один и тот же смысл и охватывают одинаковое количество согласных?

3. Как соотносятся между собой смычные и щелевые звуки в артикуляционной классификации с взрывными и фрикативными в акустической классификации?

№ 2. Проанализируйте приведенное ниже рассуждение и определите, правильно ли сделан вывод. Если неправильно, то в чем ошибка? В соответствии с этим отредактируйте весь текст.

Гласные в русском языке под ударением произносятся более протяжно, чем в безударном положении. Например, в слове *вода* предупредительный гласный звучит короче, чем в слове *вод*, в котором он находится под ударением. Точно такое же соотношение между более длительным и менее длительным гласным характерно и для других слов: *нога* – *ног*, *рога* – *рог*, *годá* – *гóда* и т.д. Значит, долгота является различительным признаком гласных фонем русского языка.

№ 3. Сколько согласных фонем можно выявить в русском языке, если взять за основу одно из приведенных ниже определений? Есть ли различие в количестве фонем, определяемых при помощи названных ниже трех критериев?

1. Фонема – это такой звук, который используется для разграничения слов по смыслу, а это можно доказать подбором минимальных пар.

2. Фонема – это такой звук, который может изменить значение слова или исказить его до неузнаваемости.

3. Фонема относительно самостоятельная языковая единица. Она может употребляться в разных фонетических позициях. Поэтому если два звука – независимо от их фонетического сходства – употребляются в одной и той же позиции, то это две отдельные фонемы (или два аллофона *разных* фонем).

Самый простой способ отличить фонему от аллофона – подобрать минимальные пары. Но далеко не для всех пар звуков, например, для /с/ – /с'/ или /з/ – /з'/, можно подобрать минимальные пары, хотя в языке такие пары представлены. Правда, небольшим количеством примеров.

Способностью исказить слово до неузнаваемости обладают такие звуки, благодаря которым образуются минимальные пары, т.е. фонемы. Но возможно также, что фонемами могут быть и другие звуки, у которых нет минимальных пар (или говорящий – в силу некоторых свойств человеческой памяти – не в состоянии их выявить).

Таблица 2

Звуки	Наличие минимальных пар	Колич. фонем	Искажение смысла слова до неузнаваемости при взаимозамене данных звуков	Колич. фонем	Употребление звуков в одной позиции	Колич. фонем
б – б'	груба – грубя	2	Да	2	гру <u>б</u> а – гру <u>б</u> я бо <u>к</u> – гре <u>б</u> ёт	2
г – г'	Нет	1	да / нет	2 / 1	не упо- требл.	1

Проверить фонологическую значимость двух сопоставляемых звуков, т.е. определить, являются ли они двумя отдельными фонемами или один из них является аллофоном другого, можно, если провести эксперимент на субъективное восприятие фонологической значимости звука в составе слова. Суть этого эксперимента заключается в том, что испытуемым предлагаются теоретически возможные «слова», которые отличаются от реальных только одним признаком (в нашем случае – твердостью / мягкостью). Например, нужно определить фонологический статус /к/ и /к’/: две фонемы или одна (= фонема и аллофон)? Испытуемым, которых должно быть хотя бы 20–30 человек, предлагаются такие «слова», как *кёт*, *кюль*, *кядык* и др. Необходимо определить их значение или как минимум принадлежность к словам русского языка. Если большинство участников эксперимента узнают в этих примерах русские слова *кот*, *куль*, *кадык*, то /к’/ – аллофон фонемы /к/. В случае, если большинство испытуемых ответит, что приведенные слова русские, но неизвестно их значение, то /к’/ – отдельная фонема, так как этот звук исказил слово до неузнаваемости.

№ 4. Используя ту же схему, что и в предыдущем задании, определите, сколько в русском языке согласных фонем, противопоставленных по глухости / звонкости. Совпадает ли общее количество согласных фонем, выделенных по двум различительным признакам (глухость / звонкость, твердость / мягкость)?

№ 5. В белорусском языке есть два /в/ – губно-зубное /в/ и губно-губное /ў/. Первое произносится в словах *вольны* «свободный», *вораг* «враг», *трава*; второе – в словах *сталоў* «столов», *траўка* «травка», *грыўна* «гривна», *кроў* «кровь», *знаў* «знал». Звуки /в/ и /ў/ никогда не употребляются в одной и той же позиции. Ср. еще: *знала* «знала», *зналі* «знали».

Определите, в каких позициях употребляется губно-зубное /в/, а в каких – губно-губное /ў/. Какие звуки соответствуют им в русском языке в таких же позициях? Являются ли [в] и [ў] отдельными фонемами или аллофонами одной фонемы? Как решается этот вопрос с точки зрения ПФШ? МФШ?

№ 6. О каких фонетических изменениях звуков говорится в приведенных отрывках из книги Р.И. Аванесова «Русское литературное произношение» (М., 1972, с. 86 и 163–164)?

Звук /ц/ в той или иной степени мягкий в русском языке может произноситься в слове *цвет* и в производных от него (*цветок, цвести, расцветать* и др.): /ц'в'эт/. Мягкость звука /ц/ здесь является результатом его смягчения перед мягким /в'./

В форме прошедшего времени мужск. р. после согласного звука основы в частице *-ся* предпочтительно произношение твердого /с/. Твердо произносится /с/ после *с* и *з*: *нес/с'ь/, спас/с'ь/, тряс/с'ь/, разлез/с'ь/, располз/с'ь/*. Встречается и произношение *нѐ/сс'ь/, тря/сс'ь/, спа/сс'ь/*, и даже *не/с'с'ь/, спа/с'с'ь/*, последнее, однако, нельзя считать правильным.

Напротив, в тех формах, в которых частица *-ся* следует после мягкого согласного и /j/, точнее /i/ неслогового, согласный *с* произносится обычно мягко. Такова форма повелительного наклонения: *двн/н'с'ь/, оста/н'с'ь/, забо/т'с'ь/, сжа/л'с'ь/, бó/іс'ь/, стрó/іс'ь/...*

№ 7. Какими фонетическими причинами можно объяснить написание числительных после *м* в словах *семнадцать, восемнадцать* без *ь*, а в словах *семьдесят, восемьдесят* – с мягким знаком? Можно ли считать, что написание буквы *ь* в числительных *семьсот, восемьсот* объясняется теми же причинами?

№ 8. Затранскрибируйте предложения и определите типы фонетических изменений. Все ли типы фонетических изменений представлены в приведенных ниже примерах? Отдельно выпишите примеры с ассимиляцией и проанализируйте их по предложенной схеме.

Примечание. Можно воспользоваться фонетической или одним из вариантов фонологической транскрипции. В последнем случае, скорее всего, ПФШ. Обоснуйте, почему не МФШ.

Сокращения: *кит* – контактная, *дст* – дистактная, *плн* – полная, *ипл* – неполная, *пгр* – прогрессивная, *ргр* – регрессивная, *гл. / зв.* – глухость / звонкость, *тв. / мяг.* – твердость / мягкость.

Таблица 3

Исходная форма	Производная форма	Тип ассимиляции						Артикуляционный признак, по которому уподобляются звуки			
		кнт	дст	плн	нпл	пгр	ргр	гл / зв	тв / мяг.	место арт.	тип арт.
в тень	фтьень	+			+		+	+			

1. Смотри – я отступаю в тень, а ты по-прежнему в сомненьи и все боишься встретить день, не чуя ночи приближенья (Блок).

2. Губы суше, взгляды резче, ни улыбки, ни слезы; и над всем стоит зловещий отблеск грянувшей грозы (Асеев).

3. О чистоте когда-то птицы пели, о ясности безоблачных очей, о белизне смирившейся метели, о кварцевом стекле осенних дней (И. Алексеев).

4. <...> Она [Наташа] не могла противиться влечению женского любопытства, тихо через внутренние покои подкралась к дверям опочивальни и не пропустила ни одного слова из всего ужасного разговора; когда же услышала последние отцовские слова, бедная девушка лишилась чувств и, падая, расшибла голову о кованный сундук, где хранилось ее приданое (Пушкин).

5. Не успел цыпленок вылупиться, как тотчас получил замечание за то, что разбил яйцо. Бог ты мой, откуда у него такие манеры? Очевидно, это что-то наследственное... (Кривин).

№ 9. Используя этимологические словари, определите, какие фонетические изменения претерпели приведенные ниже слова в процессе их исторического развития.

Брести, скрести, цвести, где, здесь, блин, пчела, везде, всегда.

№ 10. В польском языке согласный *rz*, этимологически соответствующий русскому /*r'*/, в зависимости от фонетического окружения может произноситься как звонкий согласный /*ж*/ или как глухой согласный /*ш*/ . Определите, в каких словах этот звук произносится как /*ж*/, а в каких – как /*ш*/, и в соответствии с этим

разделите приведенные ниже слова на две группы. Результатом какого фонетического процесса является разное произношение согласного *rz*?

Brzeg «берег», *trzeba* «нужно», *drzewo* «дерево», *krzyk* «крик», *trzy* «три», *grzeć* «греть», *krzepki* «крепкий, бодрый», *krzesło* «стул», *grzech* «грех».

№ 11. В одном из газетных репортажей приводится такой эпизод: «Японцы поют песню: *Пичёрочка зратая, сто зе ты зуз-зис?*» (Новая газета. 2003. № 14). Запишите приведенную строчку из русской песни в общепринятой орфографии.

Какое можно высказать предположение о фонетических особенностях японского языка? Сопоставьте свое предположение с данными статьи «Японский язык» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре».

СЛОВО И ЕГО СТРОЕНИЕ

§ 34. Отличительные признаки слова

Слово наряду с предложением выполняет важную смыслообразующую функцию. Благодаря слову познание человеком окружающего мира расширяется, его возможности в постижении предметов, явлений и отношений между ними приобретают новое качественное содержание. Известный психолог А.Р. Лурия писал: «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, заключается в том, что его мир *удваивается*. Человек без слова имел дело только с теми вещами, которые он непосредственно видел и которыми он мог манипулировать. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимались и которые ранее не входили в состав его собственного опыта. Слово удваивает мир и позволяет человеку мысленно оперировать с предметами даже в их отсутствие» [Лурия 1979, с. 37].

Слово действительно играет исключительно важную роль в формировании представлений и мыслей человека. Но его действенность и сила как средства общения возможна только в предложении.

Слово и предложение относятся к разным сферам языковой деятельности. Слово выполняет *номинативную* функцию – называет некий фрагмент действительности. Предложение или высказывание выполняет *коммуникативную* функцию – служит для передачи сообщения, мыслей от одного говорящего к другому. Люди общаются между собой не при помощи слов, а при помощи предложений.

Слово удваивает мир в том смысле, что за каждым словом стоит вполне определенное понятие, обозначающее предмет, явление, действие, свойство или качество окружающего мира, и всё перечисленное находит свое воплощение в словах. Иногда говорят: слова отражают окружающий мир. Но в этом случае мы имеем дело с весьма своеобразным отражением. С отражением, которое не только не похоже на отражаемые им предметы – оно выражено в совершенно другой системе знаков.

Слова не зеркало – они не отражают окружающий мир. Слова – знаки. Для того чтобы описать отношения между словами, знаками и предметами окружающего мира, необходимо использовать такие компоненты, как предмет, названный словом, понятие, выражающее смысл слова, и само слово (знак). Для описания отношений между названными терминами сложилась определенная система их словесного обозначения. Например, говорят: слово (или знак) *обозначает* такой-то предмет, слово *выражает* такое-то понятие. Если сказанное представить в наглядной форме, то знак *дверь* обозначает соответствующий предмет (его можно нарисовать, узнать на картинке) и выражает понятие «проем, отверстие в стене для входа и выхода, а также подвижная плоскость, служащая для закрывания и открывания этого отверстия». В специальной литературе предмет, обозначенный знаком, называют *денотатом*, а понятие, заключенное в знаке, – *десигнатом*, или *концептом*.

Сами по себе слова составляют только перечень понятий, которые образуют материал, используемый в процессе общения. Истинную ценность слова приобретают в составе предложения. В та-

ком контексте у них появляются качества, необходимые для того, чтобы реализовалась коммуникативная функция языка.

Слово как научный термин трудно поддается такому определению, которое было бы применимо для каждого языка. В некоторых языках, называемых инкорпорирующими, или полисинтетическими, слово как языковая единица отсутствует, а точнее, внешне не отличается от предложения.

В самом общем виде термин «слово» можно определить как *языковую единицу, обладающую формальными и семантическими признаками, в своей совокупности неповторимыми для каждого языка.*

К формальным признакам слова относится его фонетическое и морфемное строение, а также набор грамматических категорий, свойственных той или иной части речи. Фонетические признаки – неотъемлемое свойство любого слова, его индивидуальный «портрет». Именно в процессе использования слова в живой речи с наибольшей полнотой реализуются его фонетические особенности – способы произношения звуков, их сочетаемость друг с другом, участие в образовании разных типов слогов и т.д. Все это придает языкам ту неповторимую индивидуальность, благодаря которой они различаются между собой.

Слова состоят из морфем – мельчайших значимых частей слова, которые в его составе располагаются в определенной последовательности: приставка, корень, словообразовательный суффикс, словоизменятельный суффикс. Именно в такой последовательности расположены морфемы в изменяемых словах русского языка. В русском языке грамматические и словообразовательные значения выражаются как в морфемах, предшествующих корню, т.е. в префиксах, так и в морфемах, находящихся после корня, т.е. в постфиксах. Есть языки, в которых те и другие значения выражаются при помощи только префиксов или только постфиксов. В немецком языке есть приставки, которые в определенных условиях отделяются от производного слова и ставятся в конце предложения. В эстонском и финском языках приставки, по сути, не используются. Не используются приставки в узбекском языке, как и в других тюркских языках.

Языки различаются грамматическими категориями и способами их реализации. В одних языках насчитываются десятки падежей, как в некоторых кавказских или угро-финских, в других – че-

тыре или шесть, как в немецком или русском. Неодинаково представлена и грамматическая категория времени в разных языках: в современном русском языке у глаголов три времени, в древнерусском языке их было шесть (одних только прошедших четыре), в современном английском – не менее 15 и т.д.

Семантические признаки слова проявляются в его значении, в способности определенным образом называть предметы и явления окружающего мира, а также вступать в смысловые отношения с другими словами. В результате смысловых связей между словами образуются семантические группы, объединенные идеей движения, эмоционального отношения, местонахождения и др. Количество слов, образующих эти группы, в разных языках не совпадает.

Не совпадает также и количество значений, свойственных словам разных языков, обозначающих одни и те же предметы, качества и явления окружающего мира. В этом можно убедиться, если сравнить, например, английское *to see*, немецкое *sehen* со словами других языков – русского, персидского, китайского. В русском языке и немецкому, и английскому слову соответствуют два слова: *смотреть* и *видеть*. Первое из них обозначает «направлять взгляд куда-нибудь, чтобы увидеть», второе – «обладать способностью зрения, воспринимать зрением». Английский и немецкий глаголы эти смыслы не разграничивают. В семантике каждого из этих глаголов оба смысла совмещаются. В персидском языке, как и в русском, используются два глагола *нэгāh кārдān* (= «взгляд» + вспомогательный глагол «делать») «смотреть», со вспомогательным глаголом *даштān* «иметь» образуют значения «оберегать, охранять; останавливаться»; второй глагол – *дидān* частично соответствует русскому *видеть*, вместе с тем может выражать и другие смыслы – «смотреть, понимать, считать». Как видно из приведенных примеров, несмотря на значительное сходство между значениями русских и персидских глаголов, тем не менее они существенно различаются. В китайском языке русским лексемам *смотреть*, *видеть* соответствуют глаголы *кāнь*, *кāньдзянь*. Кроме того, они выражают и другие значения – «читать (про себя); полагать; навестить; обращаться к врачу; зависеть». Между собой эти глаголы различаются семантическим признаком результативности. В глаголе *кāньдзянь* этот признак выражен при помощи суффикса *-дзянь*. Поэтому при передаче смысла этих глаголов на русский язык их можно переве-

сти таким образом: *кàнь* – *смотреть, видеть* (без указания на результат действия), *кàньдзянь* – *посмотреть, увидеть* (с указанием на результат действия).

Даже поверхностное сравнение одного глагола в нескольких языках показало, насколько сложные смысловые отношения существуют между словами, которые для рядового носителя языка кажутся равнозначными. Поэтому утверждения Л.В. Щербы о том, что слова разных языков благодаря различиям исторических условий их развития никогда не совпадают и что «<...> нет абсолютно тождественных понятий в разных языках, а потому и перевод, как мы знаем это из опыта, никогда не бывает точным» [Щерба 1974, с. 304 и 69], не кажутся большим преувеличением.

§ 35. Варьирование термина «слово»: общелингвистический аспект

Языковая единица «слово» принадлежит двум лингвистическим сферам – общеупотребительному и научному языку, т.е. представлена в терминологическом и нетерминологическом употреблении. В нетерминологическом употреблении толковые словари русского языка выделяют до десяти смыслов лексемы *слово*. В терминологическом смысле в идеале следовало бы ожидать не многозначности, полисемии, а моносемии, однозначности.

Но в действительности термину «слово» тоже свойственна многозначность. Эта многозначность опирается, во-первых, на определение термина «слово» с позиции разных лингвистических наук; во-вторых, источником многозначности этого термина являются школьные учебники русского языка, в которых употребление языковедческой терминологии далеко не всегда отвечает научным критериям. Нельзя отрицать и влияния на научное понимание этого термина его общеупотребительного смысла, а также некоторых особенностей морфологии русского языка.

Приводимая ниже классификация употреблений термина «слово» учитывает его формальные признаки [См.: Яхонтов, с. 165–173].

Графическое слово – одна или несколько букв, заключенных между двумя пробелами на письме. Такое наглядное определение

слова удобно на практике, но не применимо при решении собственно лингвистических задач.

Известно, что подход к описанию языковых единиц с учетом исключительно их звукового состава является общепринятым. И это вполне справедливо – ведь звук первичен, буква вторична. Однако в некоторых сферах человеческой деятельности, например в издательском деле, за основу берут не звук, а букву. Говоря, что на странице такой-то 1400 знаков, имеют в виду следующие виды знаков: буквы (а не звуки!), знаки препинания, пробелы, цифры.

Словарное слово – языковая единица, которая учитывается в словаре – толковом, орфографическом, переводном. Этим термином называют языковые единицы двух типов: во-первых, сочетания нескольких графических слов, образующих единое целое в смысловом и в грамматическом отношении – *летучая мышь, без устали, без удержу*; во-вторых, такие части производных («сложных») слов, как *анти-, ультра-, экстра-, супер-, аэро-*, которые обладают ярко выраженной семантикой. Поэтому в речи они могут употребляться отдельно как самостоятельные слова, в сочетаниях с определениями: *всевозможные анти, несовместимые ультра, непостижимые экстра*. И в первом и во втором случае приведенные примеры – *летучая мышь, без устали*, а также *ультра, экстра* включаются в словари наряду с обычными словами типа *окно, дерево, событие*.

Фонетическое слово – сочетание языковых единиц, например, знаменательных и служебных слов, объединенных каким-либо фонетическим явлением – ударением, чередованием согласных на границе слова, сингармонизмом гласных. В русском языке предлоги и частицы в произношении сливаются со знаменательным словом и образуют одно фонетическое слово: *пóд-гору* /пóдг'ру/, *на зиму* /на́з'иму/, *на дом* /на́д'ъм/, *знал бы* /зна́лбы/, *кого же* /к'вóжь/, *сестра ли* /с'и' стрáл'и/.

В первых трех примерах предлоги *под* и *на* сливаются в произношении с последующими существительными, при этом ударение переносится на предлоги, а в остальных трех примерах частицы *бы, же, ли* сливаются в произношении с предыдущими знаменательными словами, ударение остается на знаменательных словах. В первом случае служебные слова (в приведенных примерах – предлоги) называются *проклитиками*, во втором случае (в приведенных

примерах – частицы) называются *энклитиками* (от греческих слов: *proklínō /proklinō* «наклоняю вперед, склоняю», *ἐγκλίνω /enklinō* «отклоняю, наклоняю; произношу безударно»).

Слитно произносится с последующим словом – глаголом, прилагательным, существительным – отрицательная частица *не*: *не знал* /н'и'знáл/, *не сказал* /н'ьскáзáл/, *не новый* /н'и'нóвыj/, *не город* /н'и'гóрýт/.

Флективное слово – образование, состоящее из двух частей – основы, выражающей лексическое значение, и окончания, указывающего на связь данного слова с другими словами в предложении.

Если охарактеризованные выше типы – графическое, словарное и фонетическое слово – встречаются во многих языках, то тип флективного слова, по мнению С.Е. Яхонтова, «без труда выделяется только в сравнительно небольшом числе современных языков – в языках флективно-синтетических», как русский, литовский, арабский и некоторые другие современные языки [Яхонтов, с. 168].

В русском языке флективными словами являются части речи, имеющие формы словоизменения. В тексте флективное слово существует в виде разных грамматических форм. Глаголы изменяются по временам, лицам, числам и наклонениям, существительные – по падежам и числам, прилагательные – по падежам, числам и родам и т.д. – все это неотъемлемые свойства флективного слова. При словоизменении меняется не только внешняя часть слова за счет присоединения к его основе окончаний, но и внутренняя его часть – корень благодаря чередованиям звуков: *день, дня, днём, дней, днями; возьму, возьмешь, возьмет..., взял, взяла, взяли; он, его, ему, о нём, о них* и т.д.

Такого рода изменения слова в разных грамматических контекстах разрушают его фонетическое единство, в результате чего грамматические формы слова иногда называют отдельными словами. Но это неверно. Образующие грамматические формы не являются самостоятельными языковыми единицами. Они представляют собой варианты слова – явление такого же порядка, как, например, *бег-* / *беж-* – варианты корневой морфемы, а *э, э', э''* – варианты фонемы. Так же, как морфемы или фонемы образуют разветвленную систему вариантов, так и флективные слова образуют сложную систему, называемую грамматическими формами слова, или его вариантами.

В словарях – толковых, орфографических или двуязычных – нет возможности представить все грамматические формы флективного слова, да и нет в этом никакой необходимости. Ради удобства выбирают какую-то одну из его форм в качестве лексикографически *исходной*, или словарной формы. Исходная форма не значит главная, основная, от которой якобы образованы все остальные формы: родительный, дательный и другие падежи не образованы от именительного падежа. В системе языка они независимы друг от друга – каждый из них выполняет свои, только ему присущие функции.

В русских или немецких словарях глаголы даются в форме инфинитива, а в словарях греческого, латинского или болгарского языков – в форме настоящего времени, первого лица, единственного числа. Выбор в качестве исходной формы инфинитива или настоящего времени не свидетельствует о каких-то особых их грамматических свойствах. Объясняется это сложившейся лексикографической традицией и некоторыми чисто техническими удобствами при классификации грамматического материала.

«Цельное» слово, по определению С.Е. Яхонтова, – «группа морфем, которые не могут быть переставлены или раздвинуты без явного изменения их значения или без нарушения связи между ними». Значение цельного, или слитного, слова, по Фортунатову, не равно сумме составляющих его частей: *неприятель* не значит «всякий человек, который не является приятелем», а имеет значение *враг*. Другие примеры цельного слова: *неправда* в смысле «ложь», *зачем, почему, так как* [См.: Фортунатов, с.173].

К словам этого типа относятся возвратные глаголы: устранение частицы *-ся* приводит к изменению смысла слова.

По своему морфемному составу возвратные глаголы занимают особое место среди изменяемых слов русского языка. Своеобразие и отличие возвратных глаголов от других изменяемых слов заключается в том, что окончание у них находится в середине слова, точнее, перед так называемой возвратной частицей.

Цельное, или цельнооформленное слово, – самодостаточное слово, обладающее всеми формальными и смысловыми признаками, присущими данной части речи. Цельнооформленные слова, как *помогать, ставить, новее*, противопоставляются раздельнооформленным словам – *оказывать помощь, заставлять стоять, более новый*.

§ 36. Лексическое и грамматическое значение слова

Лексическое значение – это содержание слова, тот смысл, который в нем заключен. Так, лексическое значение слов *опечатка* и *персонаж* в толковых словарях русского языка раскрывается следующим образом: «ошибка в тексте, допущенная при наборе, печатании», «действующее лицо в литературном произведении». Лексическое значение слова выражается в его основе.

Грамматическое значение указывает на принадлежность слова к определенному формальному классу, к определенной части речи. Примером грамматических значений в русском языке является род, число и падеж у имен существительных, время, лицо, число, наклонение, вид и залог у глаголов.

Каждая часть речи характеризуется определенным набором грамматических значений. Например, существительные, имеющие формы единственного и множественного числа или только единственного числа, выражают три грамматических значения – числа, падежа и рода; существительным, употребляемым только во множественном числе, свойственны два грамматических значения – числа и падежа. У глаголов другой набор грамматических значений – вид, залог, наклонение, время, лицо, число.

Лексические и грамматические значения существенно различаются между собой: грамматические значения абстрактны, свойственны большим группам слов, лексические значения, наоборот, индивидуальны – у каждого слова, как правило, свое значение. Например, нет ничего общего в лексических значениях существительных *книга*, *весна*, *встреча*, *соль*, объединенных грамматическими значениями рода, числа и падежа. Даже такие слова, как *идти*, *ехать*, *бежать*, передающие общую идею движения, не совпадают в своих лексических значениях. Каждое из этих слов выделяет разные существенные признаки движения: скорость – в нормальном темпе или выше нормального (*идти* – *бежать*), способ передвижения – пешком или при помощи средств транспорта (*идти* – *ехать*).

Сравнительно редко встречаются слова с одинаковыми лексическими значениями – полные синонимы, как, например, *языковед* и *лингвист* – «специалист в области лингвистики (языковедения)», *огромный*, *громадный*, *гигантский* – «очень большой».

Однотипные грамматические значения образуют *грамматическую категорию*, как, например, следующие категории – рода, числа, падежа, времени, наклонения и т.д.

В основе выделения грамматической категории лежит понятие противопоставления как минимум двух грамматических значений. Грамматическую категорию числа в русском языке образуют два грамматических значения – единственного и множественного числа, категорию рода – три значения, категорию падежа – шесть значений. Есть языки, в которых существительные не образуют форм множественного числа. В таких языках нет грамматической категории числа. Значит, нет и понятия единственного числа.

§ 37. Способы выражения грамматических значений

Грамматические значения выражаются при помощи грамматических средств, формальных показателей – словоизменительных суффиксов (окончаний), приставок, служебных слов, ударения, чередования звуков в корне слова, редупликации, порядка слов.

К наиболее распространенным показателям выражения грамматических значений в русском языке относятся *словоизменительные*, или *формообразующие, суффиксы (окончания)*. Существительные, прилагательные, числительные, местоимения при помощи словоизменительных суффиксов выражают значения рода, числа и падежа, глаголы настоящего и будущего времени – значения числа и лица. В формах глаголов прошедшего времени при помощи словоизменительных суффиксов выражается три грамматических значения – рода, числа и времени.

Приставки в русском языке обычно служат для выражения словообразовательных и лексических значений (*ехать – приехать, переехать, отъехать*) и сравнительно редко используются для выражения грамматических значений, например, при образовании соответствующей видовой пары – глагола с тем же лексическим значением, но противоположным по виду: *делать – сделать, читать – прочитать*. В немецком языке приставка *ge-* (вместе со словоизменительным суффиксом *-t* или *-en*) образует форму причастия: *gemacht* «сделанный», *genommen* «взятый».

К служебным словам, выражающим грамматические значения, в русском языке относятся предлоги и некоторые частицы. Предлоги вместе с окончаниями служат для выражения падежных значений имен и местоимений: в сочетании *перед домом* значение творительного падежа передано не только при помощи окончания *-ом*, но и при помощи предлога *перед*. Частица *бы* используется для образования сослагательного наклонения, а частица *пусть* – повелительного наклонения 3-го лица ед. и мн. числа.

К служебным словам относятся также артикли, которые используются прежде всего для выражения грамматического значения определенности или неопределенности предмета, лица, события, как, например, определенный и неопределенный артикли в английском языке. Но кроме выражения этих значений артикли могут выполнять и другие функции, аналогичные функциям окончаний в языках с развитой системой словоизменения. В болгарском языке определенный артикль представлен тремя формами в единственном числе: *-ът* или *-а* для мужского рода, *-та* для женского рода и *-то* для среднего рода; во множественном числе употребляются две формы: *-те* для мужского и женского рода и *-та* для среднего рода. В немецком языке и определенный, и неопределенный артикли выражают значения рода, числа и падежа. Есть языки – персидский, турецкий, в которых морфологически выражается только неопределенный артикль. Отсутствие артикля при существительном равнозначно определенному артиклю, т.е. нулевому определенному артиклю.

Ударение как грамматическое средство в русском языке используется для выражения видовых значений: *насы́пать* – *насы́пать*, *обреза́ть* – *обреза́ть*, других грамматических значений: *стра́ны* (ед. ч., род. п.) – *стра́ны* (мн. ч., им. или вин. п.). По тем же грамматическим значениям противопоставляются формы слов: *тра́вы* – *тра́вы*, *ру́ки* – *ру́ки* и т.д. В этой функции ударение используется в языках с подвижным словесным ударением, как русский или болгарский.

Грамматические значения могут передаваться при помощи *чередования гласных* или *согласных*. Такой способ, называемый *внутренней флексией*, используется в английском языке при образовании множественного числа некоторых имен существительных: *foot* «нога» – *feet* «ноги», *man* «человек» – *men* «люди», «мужчины»,

goose «гусь» – *geese* «гуси», *tooth* «зуб» – *teeth* «зубы», *woman* «женщина» – *women* «женщины».

В русском языке чередования звуков выступают как сопутствующее средство выражения грамматических значений при образовании личных форм глагола: *сиджу* – *сидишь*, *бегу* – *бежишь*, *пеку* – *печешь*, *ловлю* – *ловишь*. При образовании некоторых других глаголов, выражающих те же грамматические значения, чередований согласных не происходит: *лежу* – *лежишь*, *пишу* – *пишешь*.

В некоторых языках значение множественного числа выражается способом *повтора основ (редупликация)*, как в индонезийском языке: *gambar* «фотография, картина», *orang* «человек», множественное число: *gambar-gambar* (на письме передается *gambar 2* или *gambar²*) «картины», *orang-orang* (*orang²*) «люди». Повтор встречается в русском языке при образовании составных сочетаний, только здесь он выполняет лексическую функцию – усилительную: *едва-едва*, *чуть-чуть*, *далеко-далеко*, *синий-синий*.

Порядок слов как грамматическое средство используется обычно для разграничения подлежащего и дополнения в тех языках, в которых нет морфологических средств для их различения. В таких языках порядок слов строго фиксирован: дополнению всегда предшествует подлежащее. Так, в китайском предложении *tāo pà gōu* «Кошка боится собаки» только порядок слов указывает, кто кого боится. Если нужно выразить мысль, что собака боится кошки, то предложение примет такой вид: *gōu pà tāo*.

Различие между подлежащим и дополнением в русском языке выражается при помощи падежных окончаний. Поэтому порядок слов особенно не влияет на смысл предложения. Можно сказать: *Кошка боится собаки / Собаки боится кошка / Боится собаки кошка / Собаки кошка боится*, – и во всех этих вариантах предложения его основной смысл сохраняется.

Те же смысловые отношения могут выражаться при помощи служебных слов – предлогов, как в болгарском языке: *Котка боя се от куче* или *Боя се котка от куче / От куче боя се котка*. Поэтому, как и в русском языке, в приведенных видоизменениях предложения его смысл не изменился.

В русском языке порядок слов используется для разграничения синтаксической функции только тех лексем, у которых име-

нительный и винительный падежи омонимичны: *Дуб перерос вяз* и противоположное по смыслу предложение: *Вяз перерос дуб*.

Перечисленные средства выражения грамматических значений в разных языках распределены по-разному. Во флективных языках синтетического типа, как русский, латинский или немецкий, преобладают словоизменительные суффиксы. Если же флективный язык относится к аналитическому типу, то для выражения грамматических значений широко используются служебные слова.

Грамматические значения выражаются разного рода формальными показателями – словоизменительными суффиксами (окончаниями), префиксами, чередованиями звуков, служебными словами, ударениями, повторами одного и того же слова, интонацией, порядком слов. При помощи знаменательных слов грамматические значения не выражаются.

Во многих работах к средствам выражения грамматических значений относят *супплетивные формы*: *человек – люди, он – его (= j/эго), плохой – хуже*.

В приведенных примерах грамматические значения выражаются не при помощи супплетивных форм, а при помощи соответствующих грамматических средств. Множественное число существительного *человек* выражено при помощи окончания *-и*, родительный падеж местоимения *он* – при помощи окончания *-эго*, сравнительная степень прилагательного *плохой* – при помощи суффикса *-е* и чередования конечного согласного в основе.

Чтобы удостовериться в сказанном, проведем небольшой эксперимент. С этой целью супплетивные формы заменим регулярными: *человек – человеки, он – оного, плохой – плоше*. В результате получим, что в регулярных формах выражены те же грамматические значения, что и в супплетивных. Значит, супплетивизм в этих примерах никак не связан с выражением грамматических значений, а различия между регулярными и супплетивными формами не в способах выражения грамматических значений, а в их стилистической функции. В супплетивных формах противопоставлены стилистически нейтральные языковые единицы, а в регулярных – стилистически отмеченные. В состав первых двух пар входят архаические формы (*человеки, оного*), а в состав третьей пары включена просторечная форма – *плоше*.

Супплетивизм не средство выражения всевозможных языковых значений, а одна из разновидностей *отношений* между языковыми единицами – наряду с синонимией, антонимией и омонимией. Подобно тому, как не может быть вне системы одного синонима, одного антонима, одного омонима, так не может быть вне системы и одной супплетивной формы. Как было показано выше, супплетивизм – это такой тип отношений между образующими систему языковыми единицами, регулярность которых он нарушает (см. § 6).

§ 38. Варьирование термина «слово»: внутриязыковой аспект

Многозначность термина «слово» можно показать и на материале одного языка – русского. В применении этого термина, особенно в школьной практике, сложилась традиция, опирающаяся на его употребление в методической литературе и не принимающая во внимание результаты, полученные в области теории языка.

Слово как лингвистический термин в разных употреблениях приобретает как минимум один из следующих трех смыслов: 1) словоформа; 2) система словоформ, или парадигма (парадигматическое слово); 3) совокупность нескольких парадигм, образованных от одного корня.

1. *Словоформу* обычно определяют как любое изменяемое слово (данное конкретное слово) в определенной грамматической форме. Например, существительное *рука* в единственном числе представлено такими формами: *рука, руки, руке, руку, рукой, о руке*; во множественном числе – *руки, рук, рукам, руки, руками, о руках*. Во всех приведенных формах, а точнее – словоформах сохраняется одно и то же лексическое значение – «верхняя конечность человека от плеча до пальцев, а также от запястья до пальцев». Различие между словоформами не в лексическом значении, а в грамматическом. Словоформа *рука* отличается от словоформы *руку* одним грамматическим значением – падежом, а от словоформы *руками* – двумя грамматическими значениями – падежом и числом.

2. *Парадигмой* называют систему словоформ какого-либо слова. Парадигма неизменяемых слов состоит из одной словоформы,

парадигма разных изменяемых слов (разных частей речи) характеризуется разным количеством словоформ. И это связано с тем, что каждая часть речи обладает определенным набором грамматических значений, которые находятся в системных отношениях друг к другу. Существительные – в зависимости от их способности употребляться в разных числах – образуют или 6, или 12 словоформ, притяжательные и относительные прилагательные образуют 24 словоформы, качественные прилагательные – 53 словоформы, глаголы – от 70 до 130 словоформ.

Словоформы в русском языке образуются от одной или нескольких основ. От одной основы обычно образуются словоформы имен существительных, прилагательных, числительных. Так, все 12 словоформ существительного *дом* образуются от одной основы *дом-*, совпадающей с корнем слова. Точно так же от одной основы образуются словоформы существительных – *собрание* (основа *собраниј-*), *читатель* (основа *читател'-*), *столовая* (основа *столов-*), прилагательных – *прекрасный* (основа *прекрасн-*) и т.д.

Некоторые существительные образуют словоформы от нескольких основ. Например, у существительных *татарин* – *татары*, *армянин* – *армяне*, *друг* – *друзья* словоформы единственного числа образуются от основ *татарин-*, *армянин-*, *друг-*, а словоформы множественного числа – от основ *татар-*, *армян-*, *друг'ј-/друзеј-*.

Как правило, от двух основ – от основы настоящего времени и от основы инфинитива или прошедшего времени – образуются словоформы глаголов: *читать* (основы настоящего и прошедшего времени: *читај-* – *чита-*), *брать* (*бер-* – *бра-*), *уехать* (*уед-* – *уеха-*), *мести* (*мет-* – *мес-/мё-/ме-*).

В сравнительно редких случаях словоформы образуются от разных основ, этимологически не связанных между собой или фонетически не выводимых друг из друга, т.е. от супплетивных основ, как, например, основы настоящего и прошедшего времени глагола *идти*: *ид-* и *ше-/ш-/шед-* (*шел, шла, шедший*).

Вместо термина *слово* в специальной литературе употребляется термин *лексема*, или флективное слово (см. § 35).

3. Иногда словом называют группу родственных слов (лексем), принадлежащих к одной части речи. В этом смысле, например, весь словообразовательный ряд, представленный словами *книга* – *книжка* – *книжонка* – *книжица*, понимается как одно слово,

а составляющие словообразовательный ряд элементы (слова, лексемы) – как формы слова, хотя каждая из таких «форм» образует свою парадигму, а значит, их следует считать отдельными словами.

Из приведенных трех смыслов термина «слово» общепринятым в научной литературе является второй смысл, согласно которому слово, или лексема, – это языковая единица, представляющая собой единство словоформ, связанных друг с другом регулярными отношениями, и объединяющая все словоформы общим лексическим значением.

Рассмотренные три смысла термина *слово* относятся к словам русского и некоторых других языков, в которых представлены флективные слова.

§ 39. Морфема и алломорфы

Слово может состоять из одной или нескольких **морфем** – значимых частей слова. Морфема наряду с фонемой относится к основным языковым единицам. Но в отличие от фонемы морфема обладает значением – или лексическим, или грамматическим, или словообразовательным.

Морфема как двусторонняя знаковая единица, обладающая означаемым и означающим, характеризуется формальными и смысловыми признаками.

Существенным формальным признаком морфемы является ее фонетическая организация – расположение в составе морфемы образующих ее фонем в строго определенной последовательности. Замена хотя бы одной фонемы ведет или к изменению, или к искажению смысла морфемы: *дом, сом, лом, ком, том* и т.д. То же происходит при изменении последовательности фонем в составе морфемы: *дом, +дмо, +омд, +мдо, +мод*.

Каждая морфема обладает определенным значением. Так, в слове *новый* выделяется две морфемы: *нов-*, в которой заключено лексическое значение, и *-ый*, в которой заключены грамматические значения рода, числа и падежа; в слове *несла* – три морфемы: *нес-* выражает лексическое значение, *-л* и *-а* – грамматические, первая указывает на прошедшее время, вторая – на женский род и единственное число.

Морфема, сочетаясь с другими морфемами, часто меняет свой звуковой состав. Входящие в нее звуки могут выпадать, чередоваться с другими звуками. Разновидности морфемы, обусловленные чередованием звуков, входящих в ее состав, называются *алломорфами* (от греч. ἄλλος / *allos* «другой» и *μορφή* / *morphè*) или *вариантами, морфами*. Например, корневая морфема слова *ходить* представлена пятью разновидностями (алломорфами, вариантами): *ход-*, *ход'-*, *хож-*, *хожд'-* и *хаж-*. Первый вариант этого корня употребляется в таких словах, как *ходок, проходной*; второй – *ходишь, ходит, ходим* и т.п.; третий – *хожу, перехожу, хоженный*; четвертый – *хождение, восхождение*; пятый – *хаживал*.

Различия между алломорфами одной и той же морфемы объясняются чередованиями звуков, повторяющихся во многих других словах, как, например, чередования *г* и *ж* (*бег – бежать, друг – дружить, книга – книжный*), *к* и *ч* (*рука – ручной, век – вечный, пеку – печет*), *т'* и *ч* (*лететь – лечу, светить – свечу, хотеть – хочу*) и др. Встречаются чередования, которые свойственны единичным словоформам: *сесть – сяду* (чередование гласной *э / а* и согласной *с / д* в корне), *пить – поить* (чередование в корне *-и / -ой*).

Алломорфы образуют не только корневые морфемы, но также и приставки, суффиксы, окончания. Так, приставки *в-*, *с-*, *об-* могут в определенных фонетических условиях употребляться с гласным *-о-*: *входить – войти, сходить – сойти, обходить – обойти*. В приведенных примерах это варианты соответствующих приставок: *в-/во-*, *с-/со-*, *об-/обо-*.

Суффикс *-ец*, обозначающий производителя действия, представлен такими алломорфами: *-ец* (*купец, творец*), *-ц* (*купец, творца*), *-еч* (*купеческий*), *-ч* (*творческий*). Два алломорфа словоизменительного суффикса (окончания) выступают в творительном падеже единственного числа у существительных женского рода – *-ой, -ей* (*межой, пропажей*), у существительных мужского рода – *-ом, -ем* (*врачом, учителем*).

В русском языке различия в фонемном составе алломорфов могут охватывать несколько звуков и характеризоваться разной степенью регулярности и предсказуемости: *вод-* /*вод'-* /*вож-* /*ве-* /*вё-* /*вед-* /*вед'-* /*вес-* /*вожд'-* (*вывод, водить, возу, вела, вёл, веду, ведешь, вести, вождение*); *ид-* /*ид'-* /*йд-* /*йд'-* / *й-* /*д-* /*д'-* (*иду,*

идеешь, выйду, выйдешь, выйти, приду, придешь); сон / *сн-* / *сп-* (*сон, сна, спать*).

Приведенные примеры свидетельствуют, что фонемный состав морфемы, ее означающее, варьируется в довольно широком диапазоне – от минимального различия, например, по твердости / мягкости согласных, до полного различия, отсутствия хотя бы одного общего звука. При этом означаемое – смысл морфемы во всех алломорфах сохраняется без изменений.

Алломорфы, которые полностью различаются между собой звуковым составом, как *человек – люди* или *хороший – лучше*, называются супплетивными. Из приведенных примеров видно, что супплетивные алломорфы образованы от этимологически разных корней. Супплетивными могут быть и алломорфы, образованные от общей морфемы, но в результате фонетических процессов полностью изменившие свой звуковой состав. При этом необходимо, чтобы возникшие таким образом алломорфы были *фонетически не выводимыми*. Другими словами, различия между означающими таких алломорфов нельзя объяснить фонетическими чередованиями, свойственными современному языку. Так, *быть* и *буду* по происхождению связаны с общеславянским корнем **bhū-*. Но так как в современном русском языке нет других слов, которые отличались бы друг от друга звуками *ы* и *у*, т.е. в других словах нет таких чередований, то корни *бы-* и *буд-* следует считать супплетивными алломорфами.

Различия между такими алломорфами, как *вод-* / *вод'*- / *вож-* или *сон-* / *сн-*, вполне объяснимы с точки зрения современного русского языка. Чередование *д* / *д'* позиционно обусловлено: *д* перед гласным переднего ряда и всегда чередуется с *д'*. Для объяснения чередований *д* или *д'* / *ж* достаточно привести аналогичный пример *ход-* / *ход'* / *хожу*, чтобы убедиться, что сравниваемые алломорфы не супплетивные, а нормальные. К нормальным относятся алломорфы *сон-* / *сн-* (*сон, сна*) – в отличие от *сон-* / *сп-*. Чередование беглого *о* с нулём звука широко распространено в русском языке: *мох – мха, погоня – гнать, молоток – молотка*. Что касается чередования согласных *н* / *п* в составе алломорфов *сон-* / *сп-*, то это чередование уникальное, единственное в своем роде, не свойственное русскому языку. Значит, алломорфы *сон-* / *сп-* фонетически не выводимы, и поэтому они образуют супплетивные формы.

Варьирование морфем тесно связано с особенностями морфологического строя языка. Поэтому в языках, располагающих разветвленной системой морфологических средств, как, например, русский или немецкий, варьирование представлено значительно шире, чем в языках с менее разветвленной системой морфологических средств, как, например, английский или персидский. Если в русском языке варьированию подвергаются не только основы глаголов, но и существительных, то в английском и особенно в персидском – прежде всего основы глаголов.

§ 40. Классификация морфем

Морфемы отличаются большим разнообразием как с формальной, так и со смысловой стороны. При помощи морфем выражаются все возможные языковые значения – лексические, словообразовательные, грамматические. Каждая морфема, входящая в состав того или иного слова, может быть охарактеризована тремя типами признаков, указывающих на ее функцию, положение или место в слове, способ соединения с другими морфемами.

А. Типы морфем по функции. Классифицировать морфемы по функции – значит выделить их разновидности, определить их назначение в составе слова и ответить на вопрос, с какой целью они используются в языке. С функциональной точки зрения все морфемы делятся на четыре типа: *корневые, словообразовательные, словоизменятельные и соединительные.*

Корень принадлежит к числу самых распространенных морфем в языке. В состав любого слова обязательно входит корневая морфема. В русских грамматиках корень определяют как общую смысловую часть родственных слов, полностью или хотя бы частично совпадающую по своему звуковому составу: *дом, домовый, домашний; брат, выбирать, соберу, выбор.*

В словах первой группы корень представлен одним вариантом – *дом*, а в словах второй группы – четырьмя вариантами – *бр- / бир- / бер- / бор.*

В русском языке, как и во многих других языках – индоевропейских, тюркских, финно-угорских, корень слова состоит из сочетания в определенной последовательности рядом расположенных

звуков, образующих единое целое. Однако есть языки, как, например, арабский, в которых представлены так называемые *прерывистые корни* в отличие от русского языка, корни которого можно назвать *непрерывистыми*. В арабском языке корень состоит из звуков, как правило, из трех согласных, между которыми возможна вставка гласных, не являющихся частью корня, но служащих для выражения разных грамматических значений. Так, арабский корень *К-Т-Б* имеет общее значение «писание». От него могут быть образованы такие формы: *КаТаБа* «он писал», *КаТуБ(ун)* «пишущий, писец», *маКТуБ(ун)* «бюро, кабинет», *КиТаБат(ун)* «писание», *КиТаБ(ун)* «книга». Общее значение корня *К-Т-Б* – указание на лицо или предмет, имеющий отношение к процессу письма. Приведенный способ выражения грамматических значений при помощи внутренней флексии в арабском языке относится к числу наиболее продуктивных.

В русском, как и в других славянских языках, выделяются свободные и связанные корни.

Свободные – такие корни, которые могут употребляться без словообразовательных морфем: *дом, стол, день, ночь, утро, человек* и т.д. *Связанные* корни употребляются только со словообразовательными морфемами – суффиксами или приставками: *обуть – разуть, ехидна – ехидство – ехидный*. В первых двух примерах корень *-у* связан приставками *об-* и *раз-*. В остальных корень *ехид-* связан суффиксами *-н, -ств*.

В отличие от корней остальные морфемы являются только связанными.

В корне слова заключен основной элемент его лексического значения, которое может конкретизироваться, если к корню присоединяются приставки или словообразовательные суффиксы.

Словообразовательные морфемы служат для образования отдельных слов, лексем. Как минимум, они могут выполнять одну из следующих трех функций.

1. При помощи словообразовательных морфем (суффиксов, аффиксов) образуется слово с другим лексическим значением. Например, от слов *градус, двор, работа* при помощи суффикса *-ник* образуются слова *градусник, дворник, работник*, обладающие другими лексическими значениями и имеющие свою систему словоформ. Меняют лексическое значение разных частей речи пристав-

ки: *бежать* – *перебежать*, *ехать* – *уехать*, *ценный* – *бесценный*, *красивый* – *некрасивый*, *последний* – *предпоследний*.

2. При помощи словообразовательных суффиксов от одной части речи образуется другая часть речи. Например, от существительных *зима*, *ночь*, *день* при помощи суффикса *-ова/-ева* образуются глаголы *зимовать*, *ночевать*, *дnevать*; от прилагательного *белый* при помощи суффиксов *-и* и *-е* образуются разные глаголы – *белишь* «покрывать мелом, известью; красить белым» и *белеть* «становиться белым; виднеться».

3. При помощи словообразовательных суффиксов образуется отдельное слово, лексема. При этом необязательно, чтобы производное слово меняло лексическое значение. Так, у слов *табурет* – *табуретка*, *лиса* – *лисица* лексические значения совпадают. Но суффиксы, при помощи которых образованы эти слова, – словообразовательные. Каждый из этих суффиксов – *-к*, *-иц* – участвует в образовании соответствующей лексемы – автономной языковой единицы, обладающей своей парадигмой, системой словоформ. Все эти языковые единицы фиксируются в орфографических и толковых словарях, чего нельзя сказать о языковых единицах, образованных при помощи словоизменяющих суффиксов.

Словоизменяющие морфемы (формообразовательные, формообразующие, окончания) меняют грамматическое значение слова, не меняя его лексического значения. К словоизменяющим суффиксам относятся окончания склоняемых частей речи, окончания изменяемых по родам и числам прилагательных, причастий, некоторых разрядов местоимений, личные окончания глаголов, аффиксы, при помощи которых образуются формы причастий, деепричастий, а также инфинитив и прошедшее время глагола.

В некоторых словах может быть несколько словоизменяющих морфем (или, по-другому, окончаний). В словоформах *была*, *знала* или *идуший*, *встретивший* по два словоизменяющих суффикса: *л*, *а* и *-ущ*, *-вш*, *-ий*. В словоформе *строилась* – три словоизменяющих суффикса: *-л*, *-а*, *-сь*. Первый указывает на прошедшее время, второй – на женский род, а третий – на страдательный залог.

В некоторых случаях словоизменяющие морфемы образуют отдельные слова, т.е. выполняют словообразовательную функцию. При этом следует иметь в виду, что такую функцию выполняет не

отдельная словоизменительная морфема, а совокупность словоизменительных морфем, входящих в парадигму производного слова. От существительного *золото* образовано прилагательное *золотой*. Образование другой части речи произошло не при помощи окончания *-ой*, как это может показаться с первого взгляда, а путем замены парадигмы – системы словоформ имени существительного системой словоформ имени прилагательного. Таким же способом образованы женские собственные имена от соответствующих мужских имен: *Валентин – Валентина, Валерий – Валерия, Ярослав – Ярослава*, в которых система окончаний мужского рода 2-го склонения заменена системой окончаний женского рода 1-го склонения.

Такой способ словообразования называется *безаффиксным, морфолого-синтаксическим*, или *конверсией* (от лат. *conversio* «изменение, превращение»). Конверсия как словообразовательный способ для русского языка не характерна. Она широко распространена в английском и немецком языках: англ. *to work* «работать, действовать» – *a work* «работа, дело», *to answer* «отвечать» – *an answer* «ответ», *to jump* «прыгать» – *a jump* «прыжок»; нем. *leben* «жить» – *das Leben* «жизнь», *leiden* «страдать» – *das Leiden* «страдание».

Соединительные морфемы служат для связи нескольких основ в одно сложное слово: *языкознание, мышеловка, пятицэтажный, двухярусный.*

К соединительным морфемам относят и так называемые *интерфиксы*, употребляющиеся в качестве своеобразной прокладки для устранения несвойственных данному языку сочетаний звуков, как правило, на стыке корня и словообразовательного суффикса. Примером интерфиксов могут служить: *-л* – в слове *жилелц*, *-ин* – в слове *ялтиннский*, *-ан* – в слове *африканнский*.

Б. Типы морфем по положению в слове. Точкой отсчета для выделения типов морфем по положению в слове является корень слова. Разновидность морфемы, ее лингвистический тип, определяется ее положением в слове относительно корня, находится ли она перед корнем, после или в середине корня. Кроме того, есть еще два типа морфем, представляющие собой особую разновидность морфем, – *конфиксы* и *трансфиксы*.

Морфемы, находящиеся в слове перед корнем, называются приставками, или *префиксами* (от лат. *prae* «вперед», *fixus* «при-

крепленный»); морфемы, находящиеся после корня, называются суффиксами, или *постфиксами* (от лат. *post* «после» и *fixus*); морфемы, находящиеся внутри корня, называются *инфиксами* (от лат. *infixus* «вставленный»). Префиксы, постфиксы и инфиксы по-другому называют *аффиксами* (от лат. *affixus* «прикрепленный»).

Префиксы свойственны многим, но далеко не всем языкам. В русском языке они используются при образовании глаголов, существительных, прилагательных, наречий и некоторых местоимений. Так, глаголы, образуемые при помощи приставок *в-/во-*, *до-*, *на-*, *с-/со-*, *из-/изо-/ис-*, *у-* и т.д. (*входить* – *войти*, *договорить* – *наговорить*, *сходить* – *сойти*, *издать* – *изорвать* – *исписать*, *убежать*), обычно меняют лексическое значение производного слова. Правда, некоторые из приставок могут использоваться для выражения чисто грамматических значений: *рвать* – *порвать*, *писать* – *написать*, *читать* – *прочитать*. В этих примерах при помощи приставок выражено грамматическое значение совершенного вида.

Инфиксы в современном русском языке не употребляются. Они были свойственны некоторым древним индоевропейским языкам – латинскому, древнегреческому, санскриту. В латинском языке некоторые немногочисленные глаголы при образовании настоящего времени использовали инфикс *n-*: *vici* «победил» – *vincio* «побеждаю», *fidi* «раскалывал» – *findo* «раскалываю», *reliqui* «оставлял» – *relinquo* «оставляю».

Инфиксы существовали в праславянском языке. Об этом свидетельствуют косвенные данные современных славянских языков, в том числе и русского языка. В алломорфах корня глагола *сесть* представлено уникальное чередование гласных *э/а*: *сесть* – *сяду*. Такое чередование повторяется еще в глаголах *лечь* – *лягу* и в их производных: *прилечь* – *прилягу*. Больше ни в каких других словах такое чередование нами не отмечено. В связи с этим возникает необходимость ответить на вопрос, в чем причина такого необычного чередования гласных.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к истории русского языка или к данным других родственных языков, например польского языка. Именно в польском языке сохранились некоторые особенности, отражающие более древнее состояние его фонетики по сравнению с русским языком.

В польском языке в этимологически родственных словах отмечается тоже уникальность чередования гласных – чистого гласного *e* с носовым гласным *a* (*siedzieć – usiąść* «сидеть – сесть») или с носовым гласным *ę* (*leżeć – leżnąć* «родить, появиться на свет, вылупиться из яйца, высиживать цыплят»).

Известно, что носовые гласные возникли в праславянском языке как следствие закона открытого слога на месте сочетаний гласных *i, e, o* с согласным *n* или *m*. Исходя из этого развитие алломорфов корней *sed-* / *сяд-*, *leg-* / *ляг-* ретроспективно, т.е. от современного состояния к более древнему, можно реконструировать таким образом: *sed-* / *сяд-* < **sed-* / **sęd-* < *sed / *send; *leg-* / *ляг-* < **leg-* / **leg-* < **leg-* / **leng-*.

Как видно из приведенных примеров, алломорфы рассматриваемых глаголов различались в самый древний период сонорным согласным *-n*. Такое же соотношение между алломорфами корня и в латинских словах *vici – vinco, fidi – findo* и т.п.

Сходство между праславянскими и латинскими алломорфами дает полное право сделать вывод о том, что и в латинских, и в праславянских алломорфах использовано одно средство – инфиксы.

Данные современного польского языка, равно как и данные истории русского языка, позволяют высказать предположение о том, что уникальность чередований гласных в русских глаголах *сесть, лечь*, как и в эквивалентных им польских, объясняется их историей, в конечном счете – особенностями фонетической и морфологической структуры праславянского языка.

Постфиксы в русском языке представлены значительно шире, чем префиксы. Если количество префиксов исчисляется несколькими десятками, то количество постфиксов – несколькими сотнями.

По своей функции постфиксы могут быть как словообразовательными, так и словоизменятельными.

Кроме префиксов, инфиксов и постфиксов выделяются конфиксы (от латин. *con* «вместе», *fixus*) и трансфиксы (от лат. *trans* «через», *fixus*).

Конфиксы – сочетания префиксов и постфиксов, функционирующих совместно при образовании лексем: *прибрежный, подземный, наземный, приземлиться*. Приведенные лексемы образованы от соответствующих слов – *берег, земля* – при помощи и приставок, и суффиксов одновременно, при этом использованы такие конфик-

сы: *при... н, под... н, на... н, при... и*. Такой способ образования производных слов часто называют *префиксально-суффиксальным*.

Трансфиксы, употребляемые в арабском и в других семитских языках, представляют собой сочетания гласных, вставляемых между корневыми согласными («разрывающих» корень из согласных). Наряду с другими средствами служат для выражения разных значений. Употребление трансфиксов в составе слова или его словоформы можно показать на примере рассмотренного выше арабского корня *К-Т-Б* «писание; лицо или предмет, имеющий отношение к процессу письма» и образованных от него разных форм: *КаТаБа* «он писал», *КаТиБ(ун)* «пишущий, писец», *маКТуБ(ун)* «кабинет», *КиТаБ(ун)* «книга».

Разные сочетания гласных в корне выражают соответственно разные значения: *а-а-а* – так называемая внутренняя флексия в словоформе *КаТаБа* «он писал»; *а-и-(ун)* – внутренняя флексия *а-и* в сочетании с внешней *-ун*: *КаТиБ(ун)* «пишущий, писец»; *ма-Ø-у-(ун)* – сочетание префикса с внутренней флексией (нулевой и материально выраженной *-у*) и с внешней флексией: *маКТуБун* «бюро, кабинет»; *и-а-(ун)* – внутренняя и внешняя флексия: *КиТаБ(ун)* «книга». В приведенных примерах трансфиксы участвуют в выражении таких значений, как «глагол прошедшего времени в 3-м лице», «причастие; лицо, имеющее отношение к процессу письма», «место, где пишут», «результат действия; то, что написано».

В. Типы морфем по способу соединения. Понятие способа соединения морфем предполагает характер связи между ними. Эта связь может быть тесной или слабой. Тесная связь свойственна морфемам в том случае, если выполняются следующие условия: 1) на стыке морфем возможны чередования звуков; 2) между соприкасающимися морфемами нельзя вставить третью морфему.

По способу соединения выделяется три типа языковых единиц: служебные слова, агглютинативные морфемы, флективные морфемы.

К *служебным словам* относятся предлоги, частицы, артикли, которые служат для выражения разных грамматических значений. Кроме того, есть частицы, которые выражают *прагматические* смыслы, указывающие на отношение говорящего к содержанию высказывания или к действительности, его сомнение, неуверенность, отстраненность – *разве, неужели, якобы*.

По своему фонетическому составу предлоги, особенно те, которые принято называть первообразными, или непроизводными, соотносятся с созвучными приставками: *без-* / *безо-*, *в-* / *во-*, *до-*, *за*, *из-* / *изо-*, *к-* / *ко-*, *меж-*, *между-*, *над-* / *надо-*, *о-* / *об-* / *обо-*, *от-* / *ото-*, *по-*, *под-* / *подо-*, *про-*, *с-* / *со-*, *у-*, *через* / *чрез*. Такая симметрия не является случайной. Она свидетельствует об общности происхождения этих языковых единиц – приставки как единицы более низкого языкового уровня образовались от предлогов – единиц более высокого языкового уровня.

Будучи производными от предлогов, приставки тесно с ними связаны по смыслу. Но в отличие от предлогов, сочетающихся только с именами существительными, приставки сочетаются и с другими частями речи – глаголами, прилагательными, местоимениями, наречиями.

Агглютинативные морфемы (от лат. *agglutinare* «приклеивать») однозначны, т.е. одна морфема служит для выражения одного грамматического значения; обладают относительной свободой соединения друг с другом, т.е. между морфемами данного типа существуют четко определяемые границы. На стыке между ними отсутствуют, как правило, чередования, и как следствие свободного соединения между агглютинативными морфемами возможна вставка другой морфемы такого же типа – в зависимости от значения, выражаемого той или иной словоформой.

Агглютинативные морфемы широко используются при образовании грамматических форм слова в тюркских, финно-угорских, монгольских языках. Так, в узбекском языке существительное *kitab* «книга» образует такие словоформы: *kitabda* «в книге», *kitoblarda* «в книгах», *kitoblar* «книги». Это агглютинативные морфемы: они однозначны (*-da* обозначает предложный падеж, *-lar* – множественное число), связь между ними свободная, на границе между морфемами нет чередований.

В русском языке агглютинативные морфемы немногочисленны: возвратная частица *-ся*, местоименные частицы *-то*, *-либо*, *-нибудь* и глагольная частица *-ка*. Агглютинативный характер этих морфем проявляется в том, что они присоединяются не к основе слова, а к словоформе и занимают в слове позицию после окончания.

Флективные морфемы (от лат. *flexio* «сгибание, переход») являются своего рода антиподами по отношению к морфемам агглю-

тинативного типа. Они многозначны, т.е. одна морфема, как правило, выражает несколько значений. На стыке морфем флективного типа с корнем часто происходят чередования звуков. Иногда эти чередования затрагивают обе соседние морфемы. Такое явление Э. Сепир назвал *фузией* (от лат. *fusio* «сплавление»), подчеркивая этим сугубо техническим термином исключительность описываемого явления, когда сплавливаются «корневые элементы и аффиксы самым искусным и запутаннейшим образом» [Сепир, с. 125].

Во многих случаях основа слова без флективной морфемы (окончания) не употребляется. Ср.: *поле* – ⁺*пол'*-, *дерево* – ⁺*дерев*-, *земля* – ⁺*земл'*-, *белизна* – ⁺*белизн*-, *синева* – ⁺*синев*-, *ухо* – ⁺*ух*- и т.д. Следует заметить, что наряду с такими примерами есть многочисленные случаи, когда словоформа существительного представлена его основой в чистом виде, без окончания (точнее, нулевым окончанием). Обычно это существительные мужского рода, у которых, по крайней мере, именительный падеж представляет чистую основу с нулевым окончанием. Такие же совпадения возможны и у существительных женского и среднего рода: *книга* – *книг*, *страна* – *стран*, *знание* – *знаний*.

Приведенные примеры свидетельствуют о тесной связи флективных морфем с другими морфемами. При их соединении с корнем слова часто происходят чередования звуков: *г / ж, к / ч, д / д'*, *л / л', н / н' / пл' и т.д.* (*бегу* – *бежишь*, *пеку* – *печешь*, *иду* – *идешь*, *стол* – *на столе*, *спать* – *спишь* – *сплю*). Наглядным примером фузии согласных на стыке морфем могут служить такие образования, как *взяться* – *взя/ца/*, *пишется* – *пише/ца/*, *заводской* – *заво/ц/кой*, *калмык* – *калмы/ц/кий*. В них согласные соседних морфем – глагольных словоизменительных морфем *-ть*, *-ет* и агглютинативной частицы *-ся*, существительных, оканчивающихся на *-д*, *-к*, и словообразовательного суффикса *-ск*, говоря словами Сепира, «сплавливаются между собой самым запутанным образом». В результате такого процесса стираются границы между морфемами, так как происходит поглощение одних морфем другими. В приведенных примерах исчезает суффикс инфинитива *-ть*, в большей или меньшей мере видоизменяются и другие морфемы.

Флективные морфемы многозначны: окончания существительных в единственном числе, как правило, выражают три грамматических значения – рода, числа и падежа; окончания глаголов в настоящем и будущем времени – два значения (лица и числа).

Грамматические значения, заключенные в одной флективной морфеме, в языках, использующих агглютинативные средства, передаются несколькими морфемами. Для того чтобы выразить значение винительного падежа множественного числа, в русском языке используется окончание *-и* (или *-ы*) для существительных мужского и женского рода. В узбекском языке значение того же падежа и числа (грамматический род в узбекском языке отсутствует) передается двумя морфемами: *-ni* и *-lar* – *kitoblarni*, где суффикс *-lar* выражает значение множественного числа, а *-ni* – значение родительного падежа.

Все морфемы делятся на две группы – служебные и корневые. Служебные морфемы характеризуются тремя типами признаков, каждый из которых включает три или четыре разновидности. Например, морфема *-ся / -сь*, используемая в словоформах *мылся, мылась*, по функции – словообразовательный суффикс, по положению в слове – постфикс, по способу соединения – агглютинативная морфема. Морфема *-а* в словоформе *мылась* по функции – словоизменяющий суффикс, выражающий два грамматических значения – женский род, единственное число; по положению в слове – постфикс; по способу соединения – флективная морфема. Наконец, языковая единица *за-* в словоформе *запел* по функции – словообразовательная морфема, выражающая значение «начало действия», по положению в слове – приставка, по способу соединения – агглютинативная морфема.

Корень в отличие от служебных морфем описывается в другой системе признаков. Корни могут быть прерывистыми и непрерывистыми, свободными и связанными. Такое редкое явление в общезыковом плане, как прерывистые корни, в русском языке отсутствует. Поэтому все корни, входящие в состав русских слов, независимо от их происхождения, относятся к числу непрерывистых.

§ 41. Нулевые морфемы

Языковые значения выражаются при помощи отдельных звуков, их сочетаний, образующих разные языковые единицы. Но значения, например, морфем, могут воплощаться в скрытую, нематериальную форму. Это так называемые *нулевые морфемы*, которые

не имеют фонетического выражения, но обладают определенным значением. Их значение устанавливается только в составе системы – именной или глагольной парадигмы – в соотношении с другими, формально выраженными морфемами.

Примером нулевых морфем являются окончания именительного падежа единственного числа существительных мужского рода (*дом, стол, день*) или женского рода (*ночь, рожь*) именно потому, что словоформы именительного падежа, не имеющего фонетического выражения, противопоставлены формам косвенных падежей, у которых значение тех же грамматических категорий – рода, числа и падежа – фонетически выражено. Две нулевые морфемы включают глагольные словоформы *нес, вез*: 1) мужской род, единственное число, потому что есть словоформы, в которых значение рода и числа передается фонетически выраженными морфемами: *несла, везла, несло, везло и несли, везли*; 2) прошедшее время, потому что есть *знал, несла, везла*, где значение прошедшего времени передано фонетически значимой морфемой *-л*.

Нулевые морфемы возможны, если они соотносятся по значению с формально выраженными морфемами, отличающимися высокой продуктивностью. В этом случае они легко предсказуемы, и даже при отсутствии формального выражения их значение в составе слова легко осознается говорящими.

Менее предсказуемыми и, соответственно, менее осознаваемыми являются словообразовательные нулевые морфемы, которые по сравнению со словоизменительными морфемами характеризуются низкой продуктивностью.

Можно предположить, что в составе имени существительного *синь*, которое образовано от прилагательного *синий* (Ср. у С. Есенина: *О Русь – малиновое поле / И синь, упавшая в реку <...>*), присутствует не имеющий звукового выражения суффикс со значением отвлеченности. Наличие нулевого суффикса в этом слове подтверждают такие производные существительные, как *краснота, желтизна, голубизна* и, наконец, *синева*, образованные от качественных прилагательных. Существительные *синева* и *синь* не различаются между собой по смыслу – они различаются функционально. Первое общеупотребительное, узуальное слово, второе – окказиональное.

§ 42. Морфемный анализ

Выделение в слове морфем и определение их типов называется морфемным, или морфологическим анализом.

В составе слова морфемы выделяются с разной степенью отчетливости, и это зависит от многих причин. При выделении в слове морфемы следует исходить из основного ее свойства – значения. Выделенный отрезок слова является морфемой только в том случае, если он обладает значением и с тем же значением повторяется в других словах. Слово *беззаботный* состоит из четырех морфем: *без-* – приставка, указывающая на отсутствие качества или предмета, названного в корне слова, и повторяющаяся в таких словах, как *безземельный* «не имеющий земли», *безработный* «не имеющий работы»; *забот-* – корень, обозначающий «беспокойство, опасение; хлопоты», встречается в таких словах, как *заботиться*, *заботливый* и т.д.; *-н* – словообразовательный суффикс, указывающий на признак, названный в корне этого слова, служит для образования прилагательных (*сильный*, *крайний*); *-ый* – словоизменятельный суффикс, выражающий три грамматических значения – мужской род, единственное число, именительный падеж.

В словах *гранит* и *малахит* есть общий компонент *-ит*. Можно предположить, что это суффикс, обозначающий минерал вообще. Но такое предположение ошибочно, так как оставшиеся части – «корни» *гран-* и *малах-* – в составе этих слов не имеют никакого значения и с другими морфемами не сочетаются. Поэтому выделение суффикса в словах *гранит* и *малахит* произведено неверно. Эти слова нечленимы и непроеизводны.

Причины, препятствующие выделению морфем в составе русского слова, можно свести к следующим четырем типам – написание слова, варьирование морфем в составе слова, осознаваемость морфемы говорящим / слушающим и фактор времени.

1. Написание слова. При морфемном анализе учащийся имеет дело с письменным представлением языка. Поэтому одна из причин, влияющих на выделение значимых частей слова, связана с особенностями русского письма. Между буквами русского алфавита и звуками, произносимыми в потоке речи, нет полного соответствия. Кроме букв, обозначающих один звук, есть буквы, обозначающие два звука или не обозначающие никакого звука, а толь-

ко уточняющие значение предыдущей буквы или выполняющие символическую функцию (см. § 24). Сравнительно часто граница между морфемами проходит через букву, обозначающую два звука: *лилия, края, Сергея, лисьего, Мария, ему, поёт*.

Чтобы правильно разделить на морфемы эти слова, их нужно сначала записать в упрощенной транскрипции, раскрыв звуковой состав букв, обозначающих два звука. В такой вспомогательной записи морфемы выделяются сравнительно легко: *лилий-а, край-а, Сергеј-а, лис'-ј-эго, Мариј-а, ј-эму, пој-от*. Следует обратить внимание на то, что морфема *-а* в приведенных словах выражает разные грамматические значения: женский род, единственное число, именительный падеж в словоформах *лилия, Мария*; множественное число, именительный (или винительный) падеж – *края*; мужской род, единственное число, родительный падеж – *Сергея*.

Звук /j/ в этих словах является или частью корня, или словообразовательным суффиксом (в слове *лисьего*), или корнем слова (*ему*). Окончания в приведенных примерах соответственно: *-а, -эго, -эму* (не *-я, -его, -му*). Точно так же следует представить в сокращенной транскрипции слова, в которых буквы *е, ё, ю, я* указывают на мягкость предыдущего согласного: *поле, земля, коню*, т. е. *пол'-э, земл'-а, кон'-у*. Наряду с этим есть примеры, в которых при произношении морфемный состав слов затемняется: *городской /гър^цкѡј/*, *братский /брацк'иј/*, где /ц/ оказалось одновременно в составе корня и словообразовательного суффикса. При морфемном анализе таких слов удобнее всего пользоваться их обычной записью.

2. Варьирование морфем. Варьирование морфем, часто очень значительное, существенно влияет на правильность их выделения в составе слова. Благодаря этому свойству морфем стирается четкость границ между ними, особенно в тех случаях, когда алломорфы отличаются друг от друга не только отдельными звуками (*ход'-* и *хож-*, *нес-* и *нош-*), но и количеством звуков: *ве-* и *вожд'-* (*вела, вождение*), *се-* и *сяд-* (*сел, сяду*). У каждой пары приведенных алломорфов, несмотря на их звуковые различия, есть общее значение: и *ве-* и *вожд'-* обозначают «помогая идти, направлять движение кого-нибудь или чего-нибудь», *се-* и *сяд-* – «принять сидячее положение».

Важнейшим условием принадлежности алломорфов к определенной морфеме является не идентичность их звукового состава,

который в зависимости от окружающих морфем может меняться, а их значение. Поэтому наличие общего значения для алломорфов одной морфемы обязательно.

Общность звукового состава хотя и свойственна очень многим алломорфам русского языка, но не является строго обязательной: различия между алломорфами могут затрагивать большинство звуков, входящих в состав морфемы, как, например, *леж-ляг-* (*лежать – лягу*), *сп- / сон* (*спать – сон*), а в некоторых случаях алломорфы различаются полностью: *-ец/-ч* (*купец – купчий*), *-ок/-к/-оч* (*кружок – кружка – кружочек*) и многие другие примеры алломорфов разной степени их сходства (см. § 39).

Но в любом случае при варьировании необходимо принимать во внимание *фонетическую выводимость* алломорфов. Фонетическая выводимость значит, что звуковую форму того или иного алломорфа можно объяснить действием законов фонетических чередований, потому что такого рода чередования встречаются в других словах: *круг – кружок, кружить; рука – ручной, ручка; ухо – ушной, ушко*. Чередования *г / ж, к / ч, х / ш* встречаются в других словах: *луг – лужок, мука – мучной, воздух – воздушный*. Количество таких примеров со сходными чередованиями можно привести большое количество. Но для того чтобы говорить о фонетической выводимости той или иной морфемы, достаточно кроме сопоставляемых единиц еще хотя бы одной пары производящего и производного слова с таким же чередованием звуков. Цель такого сопоставления – убедиться в том, что различия между алломорфами являются нормальными, такими, которые существуют именно между алломорфами, а не между отдельными словами.

Таким образом, чтобы правильно выделить морфемы в составе слова, необходимо учитывать не только их значение, но и их фонетическую выводимость.

3. Степень осознаваемости значения морфемы. Правильность морфемного анализа зависит от того, насколько четко и однозначно осознается говорящим значение той или иной морфемы. А это, в свою очередь, зависит от типа морфемы и ее продуктивности. Сравнительно легко выделяются агглютинативные морфемы. В русском языке к морфемам этого типа кроме *-ся, -то, -либо, -нибудь, -ка* относятся и приставки, прежде всего – глагольные. Как и агглютинативные постфиксы, приставки осознаются говорящими

как значимые единицы в силу того, что они свободно соединяются с разными словами. Их можно включить в состав слова или, наоборот, исключить из его состава, меняя при этом значение лексемы ровно настолько, сколько его заключено в приставке.

Из флективных морфем легко выделяются окончания, так как они употребляются в большом количестве словоформ и за ними закреплён определенный набор грамматических значений.

Четкость выделения корня зависит от его семантики и характера соединения с другими морфемами в составе слова. Однозначно выделяется корень в словах *переходный*, *годовщина*, *подготовиться*, *одомашнить*, так как корни этих слов (*ход-*, *год-*, *готов-*, *дом-*) употребляются отдельно, в виде словоформ соответствующих лексем, и значение этих корней в составе слов достаточно прозрачно. Труднее выделить связанный корень, который без приставки или суффикса не употребляется, как *-ня-* и *-вет-* в словах *снять*, *ответ*, хотя приставки *с-* и *от-* можно заменить другими приставками: *поднять*, *отнять*, *привет*.

Именно возможность замены приставки в этих словах другими приставками и невозможность употребления лексемы без какой-либо приставки свидетельствуют о связанности корня с приставкой.

Словообразовательные суффиксы по своему значению могут быть конкретными и абстрактными, а между этими двумя диаметрально противоположными по способу представления семантики словообразовательными суффиксами существует множество промежуточных типов. Суффиксы с конкретным значением осознаются говорящими в большей степени как отдельные морфемы, чем суффиксы с абстрактными значениями. Подтверждением сказанного могут служить, с одной стороны, такие суффиксы, как *-ист* (*гитарист*, *велосипедист*) или *-чик/-щик* (*автоматчик*, *барабанщик*), значение которых можно охарактеризовать как «лицо по отношению к объекту, орудию действия», а с другой стороны – глагольный суффикс *-а* (*читать*, *писать*, *ощущать*). Значение этого суффикса не осознается говорящими, в лучшем случае осознается смутно. Поэтому его значение нельзя охарактеризовать так же конкретно, как значение суффиксов *-ист*, *-чик/-щик*, а можно только определить функцию этого суффикса в образовании слова. Сравнив такие примеры, как *бросать*, *брать*, *нюхать*, *показать*, *лестать*, можно сделать вывод, что этот суффикс служит для обра-

зования глаголов, входит в основу глагола: в одних случаях только в основу прошедшего времени (*братъ, показать*, основа *бра-*, *показа-*), в других случаях – и в основу настоящего времени, в сочетаниях с *j* (*бросать, нюхать, листать*, основа *бросај-*, *нюхај-*, *листај-*).

4. **Влияние фактора времени.** Однозначному выделению значимых частей слова могут препятствовать процессы, происходящие в его морфемном составе, в результате которых границы между морфемами затемняются или полностью сглаживаются. Несколько морфем могут объединяться в одну морфему или, наоборот, одна морфема может распадаться на несколько морфем. Эти изменения происходят в течение длительного времени. Пока процесс не завершился, возможны разного рода переходные случаи, т.е. на один и тот же вопрос допустимы взаимоисключающие ответы: *привет – ответ, перевести* (перевести с одного языка на другой) – *перевести* (через дорогу).

В словах *привет, ответ* корень связанный. Если эти слова рассматривать отдельно, не сопоставляя их друг с другом, то выделить в их составе корень *-вет-* невозможно: *привет – приветствие, приветливый*. В этом случае *при-* воспринимается не как приставка, а как часть корня. Сравнение со словом *завет* тоже не позволяет выделить корень *-вет-*, так как с точки зрения современного языка в значении этих слов: *привет* «обращенное к кому-нибудь выражение дружеского чувства, доброго пожелания, солидарности и т.п.; восклицание при встрече» и *завет* «наставление, советы последователям, потомкам» – нет ничего общего. Вполне резонно можно предположить, что созвучие между словами *привет* и *завет* – «игра языка», результат случайного совпадения.

Более отчетливо выделяется связанный корень при сопоставлении слов *привет – ответ*, несмотря на то, что их значения тоже полностью различаются. Но здесь важную роль играет тот факт, что оба слова часто употребляются в одинаковых контекстах, как созвучные глаголы *приветствовать – отвечать*. Иногда и в составе одного и того же предложения: *Каков **привет**, таков и **ответ***. Но в данном примере это не причина смыслового сближения двух разных по значению слов, а результат того обстоятельства, что оба слова образованы действительно от одного корня **вѣтъ**, который в древнерусском языке имел значение «совет, договор». Употребление этих слов в одном предложении приостановило процесс

забвения их общего смысла, сохранив как минимум некоторый намек на общность их происхождения.

В разных значениях слова *перевести* приставка *пере-* может выделяться (*перевести кого-либо через улицу*, т.е. «ведя, переместить на другую сторону улицы») или не выделяться (*перевести с русского языка на китайский*, т.е. «написанное на русском языке выразить средствами китайского языка»).

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что выделение в слове значимой части – процесс сложный, связанный с тем, как осмысливается говорящими семантика слова и его составных частей.

Поэтому при выделении морфем следует четко разграничивать деление слова с точки зрения современных смысловых и формальных связей между его частями и с точки зрения его истории. Если не разграничивать эти понятия, то можно получить ответы, взаимоисключающие друг друга. Следует ли, например, выделять суффикс *-ец* в слове *отец* или приставку *не-* в слове *нельзя*? Теоретически здесь возможны два решения: 1) в слове *отец* выделяется суффикс *-ец*, в слове *нельзя* выделяется приставка *не-*; 2) эти слова нечленимы, и указанные морфемы не выделяются.

Если же в соответствии с первым решением выделить отрезок *-ец* в качестве суффикса, приписав ему значение лица (как в словах *делец*, *творец*, *купец*), и приставку *не-* со значением отрицания (как в словах *нехорошо*, *невозможно*, *непонятно*), то полученные в остатке «корни» в современном языке лишены какого-либо значения. Следовательно, деление этих слов произведено неправильно. С точки зрения истории языка в слове *отец* действительно выделялся корень *-от-* и словообразовательный суффикс *-ец*. Об этом свидетельствует древнерусское прилагательное *отии* «отцовский, отчий», образованное при помощи суффикса *-ии* (как и другие притяжательные прилагательные: *лисии*, *волчии*, в современном русском языке: *волчий*, *лисий*) от корня *-от-*, который уже в древнерусском языке употреблялся в связанном виде.

Точно так же с точки зрения истории русского языка выделяется приставка *за-* в слове *закон* и корень *-кон-*. Такой же корень выделяется в словах *конец*, *искони*, *начало*, *зачин*, которые образованы от древнерусского слова *конь* «предел, начало, ряд, порядок».

Таким образом, результаты морфемного анализа зависят от того, учитываются ли современные, живые связи в составе слова

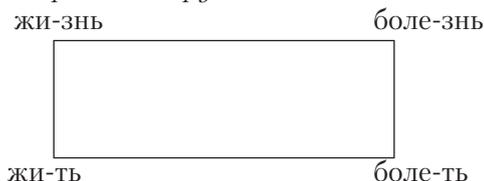
или связи, которые существовали в более древний период истории языка. Оба подхода не отрицают, а взаимодополняют друг друга, находят применение при решении разных задач. Первый подход обычно используют в школьной практике. Второй – при решении вопросов, связанных с происхождением слова, изменением его значения и звучания в процессе развития языка.

§ 43. «Квадрат Гринберга»

Одним из способов морфемного анализа, учитывающего данные современного состояния языка, является прием, разработанный американским языковедом Джозефом Гринбергом, получивший название «квадрат Гринберга».

При выделении морфем анализируемое слово рассматривается в сопоставлении с другими словами. Если слово состоит из двух морфем, например корня и словообразовательного суффикса, то необходимо сопоставить две группы слов: 1) слова с тем же корнем, но с другим словообразовательным суффиксом (или вообще без суффикса); 2) слова с тем же суффиксом, но с другими корнями. Например, нужно разделить на морфемы слово *жизнь*. Выделяем корень и словообразовательный суффикс: *жи-знь*. Чтобы доказать правильность такого деления, подбираем соответственно две группы слов: 1) *жить, житель, живший, живой*; 2) *болезнь, боязнь*. На основании этого сопоставления можно сделать вывод, что деление произведено правильно (в приведенных примерах корень употребляется в двух разновидностях: *-жи-* и *-жив-*, второй алломорф представлен в слове *живой*).

Сказанное о выделении морфем схематически можно представить в виде прямоугольника или квадрата. Основной смысл предложенной схемы можно выразить таким образом: *выделяемые морфемы должны повторяться в других словах*.

Это же можно представить в виде пропорции: *жи-знь* : *жи-ть* = *боле-знь* : *бол-е-ть*; *стрель-б-а* : *стрел-я-ть* = *гуль-б-а* : *гул-я-ть*.

Если слово состоит из нескольких морфем, то сопоставляемых групп больше – столько, сколько выделяется в слове морфем. Так, в слове *учительский*, состоящем из пяти морфем – *уч-и-тель-ск-ий*, для доказательства правильности такого деления нужно привести в качестве примера слова, содержащие все выделенные морфемы: корень *-уч-* в составе родственных слов – *учить*, *наука*, *ученый*; суффикс *-и* в составе соответствующих глаголов – *носить*, *ловить*; суффикс *-тель* с существительными, в которых он употребляется, – *водитель*, *получатель*; суффикс *-ск* – с прилагательными с этим же суффиксом – *братский*, *сельский*; окончание *-ий* в именах прилагательных – *мягкий*, *легкий*, *белый* и т.д.

В практике морфемного анализа встречаются случаи, когда квадрат заполнен только частично, с одной стороны. Слова для заполнения другой стороны квадрата отсутствуют, т.е. продлить пропорцию нельзя. Здесь может быть два случая. Во-первых, слово не делится на морфемы: *графин* : *граф* = ?, *позвонок* : *звонок* = ?, *пахан* : *хан* = ? Во-вторых, обе морфемы осознаются, корневая морфема повторяется в других словах, а служебная морфема не повторяется в составе других слов, но вполне четко осознается ее смысл. Ср.: *поп* – *попадья* /поп-ад'j-а/, *женить* – *жених*, *хвалиться* – *бахва*. Такие морфемы, как словообразовательные суффиксы *-ад'j-*, *-их*, префикс *ба-*, представленные единичными морфемами, называются *уникальными* суффиксами или приставками, *унификсами*.

Между морфемами, как и между отдельными словами, существуют синонимические, антонимические и омонимические отношения. Морфемы могут быть однозначными или многозначными. Поэтому при членении слова необходимо сопоставлять слова, в которых выделяемые морфемы употребляются в одном и том же значении. Так, для того чтобы доказать правильность выделения суффикса *-к* в слове *читка*, следует привести примеры типа *чистка*, *рубка*, *пытка*, в которых суффикс *-к* выполняет одинаковую функцию, – служит для образования существительных со значением отвлеченного действия. Но нельзя использовать такие внешне похожие слова, как *машинка*, *минутка*, *украинка*. Суффикс *-к* в этих словах выполняет другую функцию: в первых двух примерах

у него значение уменьшительности, в последнем – «национальная принадлежность, женский род».

Четкость выделения морфем зависит от четкости и однозначности смысловых отношений между анализируемым словом и словом, от которого оно образовано, а также от количества соотносительных слов с выделяемыми морфемами. Легче выделить значимые части таких слов, как *стол**ик*, *учитель*, чем, например, *проулок* или *западня*.

Во-первых, потому что у слов *стол**ик*, *учитель* существуют четкие смысловые отношения с родственными словами, от которых они образованы (*стол*, *учить*). Этого нельзя сказать о словах *проулок*, *западня*. Их связь с однокоренными словами *улица*, *падать* осознается менее отчетливо.

Во-вторых, суффиксы *-ик*, *-тель* образуют большое количество слов с аналогичным словообразовательным значением в отличие от приставки *про-* и суффикса *-ок* в слове *проулок* и приставки *за-* и суффикса *-н'* в слове *западня*.

§ 44. Морфологические изменения

Изменения, в результате которых переоформляется первоначальный состав слова, называются *морфологическими изменениями* (*морфологическими процессами*). К наиболее распространенным морфологическим изменениям относятся: *опрощение*, *усложнение*, *переразложение*, *агглютинация*.

Чтобы определить тип морфологического процесса, нужно сравнить состав слова в современном языке с составом того же слова в более ранний период, например, в древнерусском языке. Если морфологический состав слова в современном языке проще (морфем меньше), чем состав слова в более ранний период, то в слове произошло *опрощение*. Если же, наоборот, состав слова сложнее (количество морфем больше), то произошло *усложнение*. Если же, наконец, морфологический состав слова не изменился (количество морфем осталось одинаковым), то при сопутствующих других условиях возможно или переразложение, или агглютинация. При *переразложении* меняются границы между морфемами, при этом количество морфем сохраняется неизменным, а при *агглютинации*

границы между морфемами не меняются, количество морфем остается прежним – меняются функции морфем, т.е. отдельное слово, например предлог, становится приставкой, существительное – морфемой в составе сложного слова, местоимение – постфиксом.

Изменения в морфемном строении слова обусловлены изменениями, происходящими в его значении, в переосмыслении его связей с другими словами.

В словах *красный* и *красивый* в современном русском языке выделяются разные корни *-красн-* и *-крас'-*. Эти слова не связаны между собой по смыслу, так как они выражают разные понятия. Хотя этимологически связь между ними самая непосредственная: оба слова образованы от существительного *краса*. Прилагательное *красный* первоначально обозначало «красивый», о чем свидетельствуют такие застывшие языковые единицы, как *красна девица*, *Красная площадь*, *прекрасный*, сохранившие в своей семантике реликты первоначального смысла прилагательного *красный*. С течением времени смысл этого слова изменился, оно перестало восприниматься как образованное от существительного *краса*. Изменился и морфемный состав слова: суффикс *-н* стал частью корня – произошло опрощение.

В зависимости от смысла в слове *прекрасный* приставка *пре-* выделяется, если это слово обозначает «очень красный» (ср.: *желтый-прежелтый*), и не выделяется, если оно обозначает «очень красивый», «очень хороший» (ср.: *прекрасный вид*, *прекрасный человек*). В последнем случае произошло опрощение.

Членимость слова зависит от словообразовательных связей между словами. Если выходит из употребления слово, связанное словообразовательными отношениями с другими словами, то это отражается на морфемном составе производных слов. Так, в современном русском языке в слове *прачка* выделяется корень и окончание. Основа слова не членима, хотя в древнерусском языке в составе основы выделялось четыре морфемы: *пр-а-ч-ьк-*. Такое членение соответствовало фактам языка до тех пор, пока употреблялся соотносительный глагол *прати* «стирать», от которого образовано существительное *прачка*. После того как глагол *прати* вышел из употребления, производное от него существительное стало нечленимым – в основе этого слова произошло опрощение.

По результатам изменения формальной и смысловой структуры слова опрощение может быть *полным* или *частичным*.

В первом случае границы между морфемами полностью стираются, о чем свидетельствуют данные толковых словарей. Так, в значении созвучных слов: *черепица* «кровельный материал, обычно в виде цементных пластинок», *череп* «скелет головы у человека и позвоночных животных» и *черепаха* «медленнодвигающееся на коротких конечностях пресмыкающееся, покрытое костным панцирем» – нет ничего общего. Из приведенных примеров вполне естественно вытекает вывод: эти слова не являются однокоренными. Поэтому созвучную часть слов *черепица*, *черепаха* и *череп* нельзя считать корнем. Но этимологически они являются родственными, т.е. однокоренными. Все три лексемы образованы от общеславянского корня *čerъ, означавшего «черепок, обломок глиняной посуды, череп». В процессе развития языка многозначный корень послужил базой для образования трех самостоятельных лексем. С течением времени суффиксы, при помощи которых образовались соответствующие лексемы, вошли в состав корня и перестали восприниматься как отдельные морфемы. Произошел процесс полного опрощения.

Полное опрощение произошло в словах *прачка*, *победа*, *образ*, *облако* и т.д. В этих словах, кроме первого *прачка*, этимологически выделяются приставки *по-* и *об-*. Но в современном языке они не осознаются как отдельные морфемы, а входят в состав корня.

Примером частичного, неполного опрощения может служить слово *нельзя*, этимологически родственное слову *польза*. Исторически в этом слове выделяется корень *-льз-* < *-льг-*. Ср. в белорусском языке *нельга* «нельзя». Значение элемента *не-* выделяется в достаточной степени четко. Но оставшаяся часть *льзя* в русском языке не встречается в сочетании с другими морфемами. Поэтому следует считать, что в составе слова *нельзя* произошло опрощение. Но опрощение неполное, так как только морфема *не-* обладает вполне конкретным значением, а вторая морфема может быть выделена только по «остаточному принципу».

Опрощение иногда называют *деэтимологизацией* (т.е. «разрушением, потерей первоначального смысла слова»), обращая таким образом внимание на семантику лексемы, ее переосмысление.

Причиной морфологических процессов могут быть фонетические изменения, происходящие в слове. Так, от древнего предлога *кън* в результате фонетических изменений отделился согласный *-н* и присоединился к местоимению в таких сочетаниях, как *к нему*, *к ним*. При этом согласный *-н* слился с корнем местоимения *ј-*, после чего и образовалось *н'-*, которое в словоформах *к нему*, *к ним* и выступает как корень слова, а по отношению к *ј* – как его алломорф.

Морфемный состав этих сочетаний первоначально был таков: *кън-/ј/-эму*, *кън-/ј/-имъ*, т.е. предлог *кън*, корень */ј/* и окончания *-эму*, *-им*.

Как видно из этих примеров, количество морфем не изменилось, а изменились границы между ними. Следовательно, произошло *переразложение*.

Необходимо отметить, что в сочетаниях предлога с последующим местоимением этот морфологический процесс распространяется только на те предлоги, которые в более древний период заканчивались на *-н*, а таких предлогов было три: *кън*, *вън*, *сън*. Но в современном языке согласный *-н* употребляется в сочетании с местоимениями и после других предлогов, в составе которых никогда не было согласного *н*: *у него*, *у нее*, *перед ним*, *между ними*, *за ней* и т.д. В приведенных примерах никакого переразложения не могло произойти из-за отсутствия в составе предлогов согласного *н*. Звук *-н* в начале этих местоимений появился по сходству с местоимениями, употребляющимися после предлогов *вън*, *кън*, *сън*. Такие изменения, которые произошли по сходству с другими словами, т.е. по готовому, уже существующему образцу, называются изменениями по *аналогии* (от греч. *ἀναλογία / analogia* «пропорция; соответствие»).

Возможны случаи, когда по внешнему сходству часть корня может отождествляться с какой-либо морфемой, в результате чего этой части приписывается значение созвучной морфемы. Заимствованное из греческого языка слово *ехидна* (*ἑχίδνα / ehidna*) «змея» состоит из корня и окончания. Но на русской почве в словосочетании *ехидный человек* последний согласный корня *-н* стал восприниматься как суффикс прилагательного (ср.: *вредный*, *медный*). Об этом свидетельствует возможность его замены суффиксом *-ств* – *ехидство*. Корень слова таким образом разделится на две морфемы – произошло *усложнение*.

Агглютинация – слияние нескольких слов без каких-либо существенных фонетических преобразований в одно сложное слово: *вышеупомянутый, сумасшедший, двадцатипятилетний, Превышеколоколенходящий*. Такой способ производства этих слов, образованных на базе словосочетаний, можно назвать механическим: *вышеупомянутый* < *выше упомянутый, сумасшедший* < *с ума сшедший* (= *сошедший*), *ничегонеделание* < *ничего не делать, двадцатипятилетний* < *двадцати пяти лет*.

В образовании приведенных сложных слов участвуют словоформы, обычно в косвенных падежах, вместе с относящимися к ним предлогами. В словосочетании, как видно из приведенных примеров, допустимы перестановки его элементов, т.е. слов, образующих это словосочетание. При этом иногда может меняться смысл преобразуемой языковой единицы. В составе сложного слова перестановки тех же элементов невозможны. Правда, есть словосочетания с устоявшимся порядком слов, в которых перестановки образующих их элементов недопустимы.

Собственное имя *Превышеколоколенходящий*, придуманное А. Чеховым, образовано на базе словосочетания, состоящего из наречия в превосходной степени, существительного в родительном падеже множественного числа и действительного причастия в форме мужского рода единственного числа.

Как и другие языковые единицы, возникшие в результате действия агглютинации, это собственное имя обладает прозрачной внутренней формой, т.е. «тот, кто ходит выше всех колоколен». Правда, в действительности едва ли можно указать на человека, обладающего названными свойствами. Тем не менее в словосочетании, от которого образовано это пародийное имя, вполне возможно поменять порядок слов.

От агглютинации следует отличать *словосложение*, т.е. образование сложных слов при помощи разных словообразовательных средств. При словосложении участвуют корни или основы двух или нескольких слов, которые связываются друг с другом при помощи соединительных гласных: *мореход, мореплаватель, старшеклассник, местожительство*. При агглютинации, наоборот, участвуют словоформы, т.е. все слово целиком, со всеми его грамматическими значениями, и в таком виде входят в состав сложного образования. Если же образуется другая часть речи, например, на

базе глагольного словосочетания образуется имя существительное, то последняя часть агглютинативной конструкции оформляется по законам словообразования данной части речи, при помощи соответствующих словообразовательных средств: *ничего не делать* > *ничегонеделание*; от числительного *двадцать пять лет* образуется прилагательное *двадцатипятилетний*. В первом случае используется суффикс *-ниѝ*, во втором – *-н*.

Кроме того, при агглютинации в процессе образования сложных слов участвуют не только знаменательные части речи, но и служебные слова, как, например, предлоги. В результате этого образуются конструкции, состоящие из знаменательных и служебных частей речи.

Литература

1. Виноградов В.А., Крылов С.А., Поливанова А.К. Морфема // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 2002. С. 312–313.
2. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
3. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967, 2-е изд. 2002.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта: Наука, 2007.
5. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979.
6. Мельчук И.А. О некоторых типах языковых значений // О.С. Ахманова, И.А. Мельчук, Е.В. Падучева. О точных методах исследования языка. М.: МГУ, 1961. С. 33–39.
7. Мельчук И.А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М.: Наука, 1973. С. 396–438.
8. Сепир Э. Язык // Э. Сепир Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Универс, 1993. С. 23–203.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: АСТ: Астрель, 2004. Т. I–IV.
10. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Ф.Ф. Фортунатов. Избранные труды. М.: Госучпедгиз, 1956. Т. 1. С. 21–197.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 2001. Т. I–II.
12. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1997.

13. Яхонтов С.Е. О значении термина «слово» // Морфологическая структура слова в языках разных типов. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 165–173.

14. Hockett Ch.F. A Course in Modern Linguistics. New York: The Macmillan Comp., 1958.

Задания

№ 1. Прочитайте отрывок из статьи И.А. Мельчука «О некоторых типах языковых значений» и ответьте на приведенные ниже вопросы.

Те конкретные значения, которые в данном языке выражаются обязательно, мы будем называть *грамматическими* значениями данного языка. Те значения, каждое из которых в отдельности в данном языке выражается не обязательно, будем называть *неграмматическими* значениями данного языка. Выражение «грамматическое значение данного языка обязательно выражается в данном языке» означает следующее. Для этого значения имеется ряд показателей, один из которых обязательно появляется в любом высказывании, где есть такой элемент, значение которого может сочетаться (по смыслу) с данным грамматическим значением. Таким образом, в данном языке слово некоторого класса не может быть употреблено без показателей соответствующих грамматических значений. При этом среди показателей может быть и нулевой; тогда физическое отсутствие показателя воспринимается именно как нулевой показатель. Так, в английском языке значение числа является грамматическим и всякое существительное обязательно сопровождается показателем числа (ноль – единственное, -s -множественное). В китайском языке значение числа является неграмматическим; поэтому, хотя существительное может сопровождаться показателями числа («иге» и другие нумеративы для единственного, «мынь» для множественного), это не обязательно: отсутствие показателя не воспринимается как нулевой показатель, и если при китайском существительном физически отсутствует показатель числа, то значение числа для этого существительного остается невыраженным.

Вопрос о том, является ли данное значение грамматическим, сводится зачастую к вопросу о наличии нулевого показателя среди показателей этого значения.

1. Почему значения времени и лица у глаголов, падежа и числа у существительных следует считать грамматическими?

2. К каким значениям – грамматическим или неграмматическим – можно отнести в русском языке категорию глагольного вида, сравнительную и превосходную степень качественных прилагательных, значение уничижительности (например, в именах существительных, образованных при помощи суффиксов *-ишк*, *-онк*: *купчишка*, *домишко*, *книжонка* и др.) или увеличительности (образованных при помощи суффикса *-ищ*: *домище*, *носище* и др.)?

3. Приведите примеры нулевых показателей, используемых в русском языке для выражения разных грамматических значений.

4. Как по-другому могут быть названы те значения, которые в приведенном отрывке определяются как неграмматические?

№ 2. Определите, при помощи каких формальных средств выражены грамматические значения в приведенном ниже тексте. Перечислите эти значения. Какие способы выражения грамматических значений не нашли отражения в анализируемом тексте?

Ученые-лингвисты, этнографы, антропологи пытаются найти ответы на вопросы: почему баски не похожи ни на один народ, среди которых живут? Когда и как они появились на Пиренеях? Каким образом, несмотря на процесс романизации, сохранили свой язык?

Были ученые, считавшие басков выходцами из легендарной Атлантиды. Были и есть ученые, убежденные в том, что баски древнейшие обитатели Пиренейского полуострова, что когда-то их горный край – Иберия – дал свое имя всей обширной земле, простиравшейся от берегов Средиземного моря и до берегов Бискайского залива (А. Кикнадзе).

№ 3. В каком смысле употребляется термин *слово* в каждом из приведенных отрывков? Какие свойства слова имеют в виду авторы перечисленных ниже описаний этого понятия? В какой

степени они соответствуют современному пониманию слова как системы грамматических форм?

1. С научной точки зрения *иду, идешь, идет* или *стол, стола, столу* – безусловно, разные слова. Но ради практических удобств приходится нередко называть ту или иную группу таких слов одним словом... Когда мы говорим «глагол», мы имеем в виду группу из семидесяти слов, условно называемых словом (А.М. Пешковский).

2. Термин «словоизменение» дает повод рассматривать, например, *руки, руку, рукой* как видоизменения одного слова, тогда как в действительности – это о т д е л ь н ы е слова...

Различными словами являются также, например, *рука, руку, руки, пишу, пишешь, писать*, так как различные формальные принадлежности внесли в значение основы различные видоизменения (Д.Н. Ушаков).

3. ...Под словами следует понимать знаки отдельных понятий. <...> В слове всегда наличествует двоякое единство – звука и понятия. Посредством этого слова превращаются в подлинные элементы речи... (В. Гумбольдт).

4. Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения (А.А. Потебня).

№ 4. Перечислите важнейшие префиксы и постфиксы русского языка и определите их тип по способу соединения. Как связана агглютинация или фузия с типом морфем по способу соединения? К флективным или агглютинативным морфемам относятся словоизменятельные суффиксы имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов? К флективным или агглютинативным морфемам относятся префиксы? Все ли приставки и окончания следует однозначно относить к какому-то определенному типу? Возможны ли промежуточные явления между агглютинацией и фузией? Приведите примеры, подтверждающие ваши предположения.

№ 5. Звуки /а/, /б/, /в/, /ж/, /и/, /к/, /л'/, /о/, /с/, /у/, являющиеся в русском языке отдельными фонемами, могут выступать и в качестве морфем, отдельных слов – союзов, предлогов, частиц.

Определите для каждого из этих случаев варианты перечисленных звуков (аллофоны, алломорфы). Чем отличаются одни и те же звуки, выступающие в качестве фонем или в качестве морфем?

Теоретически приведенные выше звуки можно разделить на четыре группы: 1) есть аллофоны и есть алломорфы; 2) есть аллофоны, но нет алломорфов; 3) есть алломорфы, но нет аллофонов; 4) нет аллофонов и нет алломорфов.

Все ли названные возможности реализуются в употреблении перечисленных звуков в качестве фонемы или морфемы?

№ 6. В глагольных формах единственного числа прошедшего времени употребляется словоизменятельный суффикс *-л*, а во множественном числе – *-л'*. Можно ли считать *-л* и *-л'* двумя отдельными суффиксами на том основании, что звуки *-л* и *-л'* – отдельные фонемы, а не варианты одной фонемы?

№ 7. Сравните приведенные ниже отрывки из работ, посвященных морфемному анализу. Определите, в чем различие между исходными положениями, применяемыми разными авторами, в подходе к решению вопроса о выделении морфем в составе слова. Какое из этих решений вам представляется наиболее приемлемым? Как решается этот вопрос в вузовских учебниках, например в книге Е.А. Земской «Современный русский язык. Словообразование» [4], в учебниках для средней школы?

I. «...Если по выделении из состава какой-нибудь основы известного звукового комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звукосочетание, то выделение произведено неправильно, то есть не отразило реального факта языка. В известном смысле может показаться «естественным» в словах вроде *малина*, *смородина* выделить звукосочетание *ин* и приписать ему функцию обозначения ягоды. Но так как остающиеся после такого выделения звукосочетания *мал*, *смород* сами по себе лишены функции, ссылкой на которую можно было бы объяснить разницу между ягодами малиной и смородиной, то суффикса *-ин* в данных словах

не существует. Ясно, что разница между названными ягодами, как известными предметами действительности, передана в языке разницей цельных слов *малина*, *смородина*, а не разницей комплексов *мал*, *смород*, которые сами по себе ничего не значат» (Г.О. Винокур) [2].

II. Чтобы определить, из каких морфем состоит предложение или слово, нужно из них вырезать отрывок и «...поставить к нему следующие вопросы:

1. Употребляется ли этот отрывок в разных высказываниях всегда хотя бы приблизительно с одним и тем же значением? Если ответ отрицательный, значит, мы выбрали отрывок неправильно, поэтому всю операцию повторяем на другом отрывке. Если ответ утвердительный, можно предположить, что отрывок этот является грамматической формой (или формой), но необязательно – отдельной морфемой...

2. Можно ли эту форму разбить на более мелкие отрывки, из которых каждый в других высказываниях выступает приблизительно с одним и тем же значением, так что значение всей формы остается в определенных отношениях к значению меньших отрывков? Если ответ утвердительный, то мы имеем дело с формой, большей чем отдельная морфема (со сложной формой) и должны подвергнуть по очереди каждый из отрывков тому же самому двухступенчатому анализу. Если ответ отрицательный, то мы имеем дело с отдельной морфемой...

Слово *cranberry* «клюква» как будто «содержит элемент *-berry*, выступающий также в *strawberry* «клубника», *raspberry* «малина», *gooseberry* «крыжовник», *blackberry* «ежевика», *blueberry* «черника» и т.д. Но что делать с *cran*? Напрасно мы будем искать примеры, в которых выступал бы *cran-* с таким же значением, как и в *cranberry*... Значением *cran-* является то, что отличает клюкву (*cranberry*) от других видов ягод (*berries*). Трудно описать это значение, но его можно легко продемонстрировать во фруктовом магазине» (Ч. Хоккет).

№ 8. Определите корень слова с точки зрения современного языка и с точки зрения этимологии. Как изменилось значение слов в каждой из приведенных пар? В каких случаях фонетиче-

ские изменения сопровождаются морфологическими изменениями?

Коса – чесать, народ – народиться, снять – взять, желтый – зеленый, закончить – начать, справа – справедливый, прав – правда, колено – челядь.

№ 9. Охарактеризуйте морфологические изменения в приведенных ниже примерах. Все ли типы морфологических изменений представлены? Как связаны между собой морфологические и смысловые изменения в семантике слова?

Используя толковые и этимологические словари русского языка, определите лексические значения анализируемых слов в современном русском и в древнерусском языке.

При анализе слов воспользуйтесь табл. 4.

Таблица 4

Морфологический состав слова в современном языке	Морфологический состав слова с точки зрения этимологии	Морфологический процесс
взя/ть/ся	вз/я/ть/ся	Опрошение

Повесть, теплый, отрицать, пожалуйста, обуза, образ, ведьма, граница, ехидна, внятный, снять, снимать, существительное, покровитель, изумляться, умалишенный, сегодня, дотла, товарищ, фляжка, карандаш, крупный, правда, точный, дотошный, драка, сегодня.

№ 10. В книге К. Чуковского «От двух до пяти» приведены примеры осмысления значения слов ребенком: *лодырь* «тот, кто делает лодки», *финик* «маленький финн, сын финна», *секретарша* «девочка, которая говорит секреты», *деревня* «где деревьев много», *казак* «муж козы», *мельница* «жена мельника». Проанализируйте приведенные примеры по предложенной ниже схеме (табл. 5). Как влияет переосмысление значения слова на его членимость? Какие морфологические процессы происходят при этом?

Таблица 5

Анализируемое слово	Его значение в литературном языке	Его морфемный состав в литературном языке	Его значение в речи ребенка	Его морфемный состав в речи ребенка	Морфологический процесс
Лодырь	«лентяй, бездельник»	лодыр' /	«тот, кто делает лодки»	лод/ыр'	усложнение
Деревня		дерев/н'/а			

№ 11. В русском языке есть редкие непродуктивные чередования гласных, объяснимые с точки зрения истории языка. Например, *сесть* – *сяду*, *лечь* – *лягу*. При помощи данных лингвистической реконструкции можно восстановить более древние формы этих слов: для *сесть* такой формой является *sedti (корень *-sed-), для *сяду* – *sendom (корень *-send-), для *лечь* – *legti, а для *лягу* – *lengom (корни *-leg- и *-leng-).

Какой тип морфем по положению в слове использовался в общеславянском языке при образовании форм будущего времени глаголов *сесть*, *лечь*?

№ 12. В школьной практике постфиксы обычно делят на две группы – суффиксы и окончания. К суффиксам относят, например, *-ец*, *-лив*, *-ость*, *-ик*, *-еньк* (*борец*, *крикливый*, *радость*, *столлик*, *маленький*) – с одной стороны, *-ть*, *-л*, *-в*, *-вш*, *-ущ*, *-нн* (*читать*, *читал*, *прочитав*, *прочитавший*, *идушим*, *прочитанный*) – с другой стороны. К окончаниям относят морфемы, выражающие у существительных или прилагательных грамматические значения рода, числа и падежа, а у глаголов – лица, числа и рода.

В чем непоследовательность такой классификации постфиксов? Действительно ли все приведенные выше морфемы, названные суффиксами, выполняют в слове одинаковые функции? Образуют только отдельные слова? Только грамматические формы слов?

№ 13. Все слова текста проанализируйте по предлагаемой ниже схеме. Выпишите из текста все слова (словоформы), в составе которых произошли морфологические изменения. Определите типы морфологических изменений. Охарактеризуйте трудности, связанные с выделением морфем в составе слова.

Таблица 6

Слово в тексте (словоформа)	О с н о в а			Слово-измени-тельный суффикс	Агглюти-нативная частица
	Пре-фикс	Ко-рень	Словообра-зовательный суффикс		
Научиться	на-	уч-	-и	-ть	-ся
названия	на-	зв-	-а, ниј-	-а	

Для того чтобы научиться читать, необходимо прежде всего выучить азбуку, то есть названия отдельных букв алфавита... Это, так сказать, обязательное условие, без которого никакое человеческое знание на современном уровне недоступно. Азбуку же обычно начинают изучать в детстве, когда человек мал и недостаточно смыслит. Некоторые родители, желая, чтобы их дитя явилось в школу подготовленным, усаживают его за букварь (Н. Носов).

№ 14. На вопрос о лексическом значении многозначных слов можно ответить по-разному. Проанализируйте приведенные ниже ответы и определите степень их научной аргументации. Назовите достоинства и недостатки каждого из приведенных ответов. Какой из них наиболее полно соответствует общепринятому пониманию лексического значения слова?

1. Лексическое значение многозначных слов включает в себя все их смыслы. Таким образом, сумма смыслов многозначного слова составляет его лексическое значение.

2. В многозначном слове столько лексических значений, сколько заключено в нем смыслов. Например, в глаголе *считать* можно

выделить как минимум три смысла: 1) называть числа в последовательном порядке; 2) определять количество предметов или сумму: *считать деревья в саду; считать деньги*; 3) оценивать, думать: *считать всех своих друзей полезными прагматиками; считать недоказуемой эту гипотезу*. Каждый из выделенных смыслов связан с понятиями, отличающими его от других понятий. Поэтому каждый смысл обладает своим лексическим значением. В многозначном слове количество его смыслов предопределяет количество его лексических значений.

3. В многозначных словах есть близкие по значению смыслы и смыслы совершенно разные. Так, в глаголе *считать* первые два смысла можно определить как близкие по значению, а третий смысл, ничего общего не имеющий с ними. Поэтому в данном конкретном случае глагол обладает двумя лексическими значениями.

№ 15. Проиллюстрируйте примерами из изучаемого вами иностранного (или родного) языка приведенную ниже выдержку из предисловия к «Русско-французскому словарю» Л.В. Щербы.

Всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно в контексте выражать все новые и новые смысловые оттенки, что надо большое искусство, чтобы правильно и точно выражать свою мысль, не вызывая никаких кривотолков...

Эта многозначность слова особенно ярко выступает при сравнении разных языков друг с другом, так как благодаря различиям исторических условий их развития она никогда в них не совпадает... Слова одного языка в большинстве случаев не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных или многообразных отношениях.

№ 16. Сравните парадигмы существительных, прилагательных, местоимений и глаголов в русском и английском (немецком, французском) языках. Определите, на основе каких грамматических категорий формируются парадигмы разных частей речи в сравниваемых языках. В чем сходство и в чем различие между парадигмами указанных частей речи русского языка и соответствующими парадигмами других языков?

СЛОВСОЧЕТАНИЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 45. Синтаксические связи

Словосочетание и предложение относятся к языковым единицам, образующим соответственно два уровня языковой системы – уровень словосочетаний и уровень предложений. Эти уровни изучаются в разделе науки о языке, называемом *синтаксисом*.

Основопологающим понятием, которое объединяет словосочетание и предложение, является понятие *синтаксической связи*. Синтаксическую связь определяют как «формальное выражение отношений между синтаксическими единицами или их компонентами» [Касаткин и др. 1995, с. 332].

Синтаксическая связь как способ соединения слов выполняет конструктивную функцию. Благодаря синтаксической связи словосочетание и предложение становятся полноправными языковыми единицами, обладающими формальной и смысловой законченностью.

Синтаксические связи выражаются при помощи разных грамматических средств – форм слов и предложно-именных сочетаний – в составе простого предложения, союзов и союзных слов – в составе сложного предложения. Кроме того, в составе и простого, и сложного предложения используются такие средства, как интонация и порядок слов.

Существует два типа синтаксической связи – сочинительная и подчинительная. Сочинительная связь в большей степени характерна для сложного предложения. В словосочетании она представлена только в составе однородных членов предложения.

Подчинительная связь, как и сочинительная, по-разному реализуется в словосочетании и в сложном предложении. В первом случае она представлена в русском языке такими типами, как согласование, управление, примыкание, а во втором – разными типами сложноподчиненных предложений.

§ 46. Простые и сложные словосочетания: их структура и варьирование

Словосочетание – такая синтаксическая конструкция, которая образована на основе подчинительных связей между несколь-

кими знаменательными словами. Словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, называются *простыми*, а словосочетания, состоящие из трех и более знаменательных слов, называются *сложными*. Обычно простые словосочетания состоят из существительного и прилагательного, глагола и существительного, глагола и наречия и др., объединенных друг с другом подчинительными связями. Подчинительные связи однонаправленны – от главного (стержневого) слова к зависимому. Главное слово в словосочетании определяет грамматическую форму зависимого слова.

Как другие языковые единицы, словосочетание может быть охарактеризовано с двух сторон – с формальной и смысловой.

Формальные отношения в составе словосочетания существуют между словами, принадлежащими только к определенным частям речи: между существительным и прилагательным устанавливается согласование; между существительным и существительным, глаголом и существительным – управление; между глаголом и наречием – примыкание.

Со *смысловой* стороны словосочетание может быть охарактеризовано как объединение слов, обладающих в каком-либо отношении смысловой общностью. В одних случаях эта смысловая общность более очевидна, наглядна, в других случаях – менее очевидна и совсем не наглядна. Любому владеющему русским языком понятен смысл таких, например, словосочетаний, как *крайнее дерево*, *душевный трепет*. Это значит, что в компонентах словосочетания можно выделить общий «семантический знаменатель», ту их смысловую часть, благодаря которой оба компонента словосочетания сочетаются друг с другом.

Первое словосочетание, несмотря на некоторую его смысловую неполноту, можно объяснить таким образом: это дерево, которое стоит на краю леса, сада, аллеи, в ряду других деревьев. В определенных условиях можно указать на дерево или какой-либо другой предмет (денотат), занимающий в пространстве такое же положение.

Труднее объяснить смысл второго словосочетания. Так как содержание его связано с какими-то эмоциональными, *душевными* переживаниями, по всей вероятности, сугубо личными, то назвать денотат представляется едва ли возможным. Но даже в этом случае возможно установить смысловую общность между компонентами словосочетания.

Слова, лишенные такой общности, образуют бессмысленный набор слов, даже если они связаны между собой синтаксически: *зеленые идеи, выпить треугольник, бешено спать*.

Словосочетание в зависимости от его синтаксической позиции может менять свою грамматическую форму, т.е. подвергаться варьированию. Способность того или иного словосочетания к варьированию обусловлена грамматическими свойствами стержневого слова: словосочетания образуют столько форм (вариантов), сколько словоформ образует стержневое слово. Так, именные словосочетания с синтаксической связью согласованием образуют от шести до 12 вариантов: *весенний мед, весеннего меда...* (в данном случае шесть вариантов – нет множественного числа); *весенний день, весенние дни, весеннего дня, весенних дней...* – 12 вариантов. Глагольные словосочетания с управлением или примыканием образуют от 50 до 70 вариантов.

Таким образом, парадигма словосочетания – количество образуемых им форм – соответствует количеству словоформ, образуемых стержневым словом. Такое совпадение парадигм слова и словосочетания свидетельствует о сходстве между этими языковыми единицами как в формальном, так и в смысловом отношении. Слово и словосочетание – номинативные языковые единицы, служащие для наименования явлений и предметов действительности, в отличие от предложения – коммуникативной единицы, выполняющей функцию общения. Номинативная функция проявляется в том, что в слове выражается единое, нерасчлененное понятие, а в словосочетании, поскольку оно состоит из нескольких слов, выражается сложное, расчлененное понятие.

§ 47. Подчинительные синтаксические связи в составе словосочетания

Синтаксические связи, и прежде всего подчинительные, обусловлены грамматическими особенностями языка, его возможностями выражать тот или иной тип синтаксических отношений. Так, в языках с разветвленной системой словоизменения, как русский или латинский, типы синтаксических связей отличаются от синтаксических связей в языках со слабо развитой системой словоизменения, как, например, английский или китайский.

1. **Согласование** устанавливается между словами, обладающими общими грамматическими значениями, как, например, в русском языке согласование в роде, числе и падеже между существительными с одной стороны и прилагательными, порядковыми числительными, притяжательными, определительными, указательными местоимениями – с другой стороны: *жаркое лето, холодная зима – жаркого лета, холодной зимы* и т.д. Формальным средством выражения согласования в русском языке являются окончания.

Согласование между существительным и порядковым числительным или прилагательным возможно потому, что, во-первых, эти части речи обладают одинаковыми грамматическими значениями и, во-вторых, у одного слова эти значения постоянны, как у существительных, а у другого – переменны, как у прилагательных, порядковых числительных, местоимений. Именно это и делает возможной синтаксическую связь согласование, т.е. приспособление грамматической формы зависимого слова к грамматической форме главного слова. Поэтому при изменении грамматической формы главного слова соответствующим образом меняется форма зависимого слова: *белый снег, белого снега, белому снегу* и т.д.

2. При **управлении** грамматическая форма зависимого слова предопределена грамматическими свойствами стержневого слова: сильноуправляющий глагол требует винительного падежа зависимого слова (*читать книгу, встречать друга*); существительное, управляющее другим существительным, требует, как правило, родительного падежа (*страница книги, страна детства, чувство ответственности*).

В отличие от согласования при управлении между главным и зависимым словом нет совпадения в грамматических значениях: в составе одного словосочетания объединяются слова с разными грамматическими значениями: *начало дня* (различия в роде и падеже), *встреча друзей* (различия в роде, числе и падеже). Если же какие-либо значения стержневого и зависимого слова оказываются одинаковыми, то это результат чисто случайного совпадения, как, например, в словосочетаниях *край стола, глава книги, начало повествования* совпадают род и число. Но во всех этих примерах возможна замена как стержневого, так и зависимого слова существительными с другими грамматическими значениями при со-

хранении синтаксической связи управления: *начало рассказа* (или *рассказов*), *глава романа* (*романов*).

В русском языке значения, присущие управлению – прямого или косвенного объекта, адресата, орудия действия, – выражаются грамматическими формами зависимого слова в сочетании с соответствующими предлогами: *встречать гостя*, *знакомиться с гостем*, *писать сестре*, *переписываться с сестрой*, *писать карандашом*.

Обычно стержневое слово управляет одним зависимым словом. Но наряду с этим могут быть словосочетания, в которых одно стержневое слово управляет несколькими зависимыми словами. При этом каждое зависимое слово употребляется в определенной грамматической форме. Такая связь характерна для глагола: глаголы *дать* и *вручить* управляют дательным и винительным падежом (*дать ученику задание*, *вручить пакет адресату*); *считать* и *сделать* – винительным и творительным падежом (*считать себя героем*, *сделать (поставить) новичка руководителем*); *просить* и *требовать* – родительным с предлогом и без предлога (*просить у товарища сочувствия*, *требовать от подчиненных повиновения*) и т.д.

Управление широко представлено в языках разных типов. Способы его выражения зависят от грамматических возможностей языка. В русском языке эта связь выражается при помощи окончаний и предлогов, как и в латинском, литовском, немецком и в других языках, располагающих развитой системой словоизменения. В языках, в которых грамматические значения выражаются аналитическим способом, как, например, в английском, болгарском, показателем управления являются только предлоги.

3. При **примыкании** грамматическая форма зависимого слова не обусловлена грамматической формой стержневого слова, как это свойственно согласованию. Примыкают неизменяемые слова – наречия, деепричастия, инфинитив и компаратив (сравнительная степень прилагательных или наречий). Главное слово может менять свою грамматическую форму, а зависимое слово остается неизменным: *говорить тихо*, *говорю тихо*, *говорят тихо*.

В качестве средства выражения примыкания в русском языке используется порядок слов и интонация.

4. Кроме названных выше возможны и другие способы связи слов в словосочетании. Один из типов синтаксической связи, называемый **изафетом** (от араб. *аль-идāфату* «добавление»), служит

для выражения определительных отношений в составе словосочетания. Типологически это сравнительно редкое явление. Из индоевропейских языков оно встречается в нескольких иранских языках – таджикском, персидском и курдском.

Показателем изафета в таджикском языке является безударная морфема *-и*, присоединяемая к определяемому существительному, за которым следует определяющее слово – прилагательное: *дарахти сабз* «зеленое дерево» (*дарахт* «дерево», *сабз* «зеленый»). Если к существительному относится несколько определений, то показатель изафета присоединяется к каждому определению за исключением последнего: *дарахти сабзи баланд* «высокое зеленое дерево».

Изафет также оформляет конструкции, которым в русском языке соответствуют сочетания существительного в любом падеже с существительным в родительном падеже: *миёнаи зимистон* «середина зимы» (*зимистон* «зима», *миёна* «середина, центр»), *дафтари талаба* «тетрадь ученика» (*дафтар* «тетрадь», *талаба* «ученик»), *вохури бародар* «встреча брата» (*вохури* «встреча», *бародар* «брат»).

Словосочетание с изафетом в одних случаях соответствует в русском языке словосочетанию с согласованием *дарахти сабз* – *зеленое дерево*, а в других случаях – словосочетанию с беспредложным управлением: *вохури бародар* – *встреча брата*, *китоби талаба* – *книга ученика*. Таким образом, изафетные конструкции таджикского языка соотносимы со всеми типами словосочетаний с согласованием и беспредложным управлением русского языка.

Разница в особенностях синтаксических связей между сопоставляемыми языками обусловлена их грамматическим устройством. В русском языке развита система падежных окончаний для выражения разных значений, в том числе и синтаксических, в отличие от таджикского языка, в котором имена существительные не имеют форм словоизменения. Поэтому для выражения, например, обстоятельственных значений используются предлоги, для выражения объектных значений – послелог *-ро* и некоторые предлоги, а для выражения определительных значений – изафет. Синтаксические связи русского языка отличаются большей конкретностью и разнообразием по способам выражения, а таджикского – большей абстрактностью их значений и обобщенностью способов выражения, что находится в прямой зависимости от грамматического строя этих языков.

§ 48. Предложение как единица языка

Предложение является грамматически оформленной коммуникативной единицей, при помощи которой выражаются наши знания об окружающем мире и в таком виде могут быть переданы другим членам языкового коллектива.

Предложение или высказывание один из способов не только выражения и передачи мыслей от адресанта (говорящего, пишущего) к адресату, но и хранения человеческих знаний, а также формулирования научных гипотез и теорий. Заметим, что знания, воплощенные в языковую форму, могут храниться практически неограниченное количество времени.

Предложение принято описывать с двух точек зрения – как единицу языка и как единицу речи.

Как единица языка предложение строится по определенному синтаксическому образцу, или модели. Модель включает в себя элементы, образующие предложение, и отношения, указывающие на связь между ними. По одной и той же модели могут строиться предложения, заключающие разный смысл: *Ученик пишет письмо левой рукой. Киномеханик заводит двигатель гаечным ключом. Ученик отвечает урок неуверенным голосом.*

Эти предложения, если учитывать только их формальные связи, построены по одной модели: $N_1 V_{fin} N_4 Adj_5 N_5$, где буквы N, V, Adj соответственно обозначают существительное, глагол, прилагательное; цифры указывают на падежи: 1 – именительный, 4 – винительный, 5 – творительный; V_{fin} = *verbum finitum* – спрягаемая форма глагола. Кроме того, в предложениях другого типа могут употребляться такие обозначения, как Inf – инфинитив, Praed – предикатив, Adv – наречие, Pron – местоимение, D – детерминант, Interj – междометие, Neg – отрицание, Cop – связка, V_{fin3s} – спрягаемая форма глагола в 3-м лице единственного числа, V_{fin3pl} – спрягаемая форма глагола в 3-м лице множественного числа.

В приведенной модели ее компоненты указывают не только на морфологические средства – части речи, но и на характер отношений между ними. В нашем примере согласование в сочетании $Adj_5 N_5$, а управление – в сочетании $V_{fin} N_5$.

Количество предложений в языке бесконечно, а количество моделей, по которым строятся эти предложения, сравнительно не-

велико. Одна и та же модель может быть заполнена разным лексическим материалом.

Модель простого двусоставного предложения включает в себя подлежащее и сказуемое, модель односоставного предложения – один главный член, соответствующий или подлежащему, или сказуемому в двусоставном предложении. Такую модель называют *структурной схемой* (или *предикативной основой*) простого предложения.

Структурной схеме простого предложения присуща грамматическая категория *предикативности*, выражающая при помощи формальных средств значение *реальности* события (событие мыслится как осуществляемое в настоящем, прошедшем или будущем времени) или его *ирреальности* (событие мыслится как возможное, желаемое, должное, требуемое).

В тексте структурная схема предложения в зависимости от значения предикативности – реальности описываемого события или, наоборот, его ирреальности, во всех ее возможных смыслах может быть реализована в разных вариантах. Эти реализации, варианты предложения образуют определенную систему его грамматических форм – *синтаксическую парадигму*. При изменении парадигмы ее общее значение сохраняется. Такое понимание парадигмы представлено в работах Н.Ю. Шведовой, особенно в академической «Русской грамматике» (1980).

Между морфологической (см. § 38) и синтаксической парадигмами есть определенное сходство. Обе парадигмы образуют систему вариантов: первая – морфологических словоформ и вторая – синтаксических словоформ.

В основу синтаксической парадигмы простого предложения положены такие понятия, как *синтаксический индикатив*, включающий настоящее, прошедшее и будущее время, и *синтаксические ирреальные наклонения*, включающие сослагательное, условное, долженствовательное, желательное и повелительное наклонения.

Парадигма двусоставного предложения *Петя читает* и односоставного предложения *Вечереет* представлена тремя формами глагольных времен и формами синтаксических наклонений – пятью для первого предложения и четырьмя для второго:

- 1) Настоящее время: *Петя читает*.
Вечереет;

- 2) Прошедшее время: *Петя читал.*
Вечерело;
- 3) Будущее время: *Петя будет читать.*
Будет вечереть;
- 4) Сослагательное наклонение: *Петя читал бы.*
Вечерело бы;
- 5) Условное наклонение, употребляемое только в составе сложноподчиненных предложений:
Если бы Петя читал, то... Если бы вечерело / хотя бы на час позже /, то...;
- 6) Желательное наклонение:
Читал бы Петя! / Хоть бы читал Петя! Вечерело бы! / Хоть бы вечерело!;
- 7) Побудительное наклонение:
Пусть Петя читает!
Пусть вечереет!;
- 8) Долженствовательное наклонение:
/ Все играют, а / Петя читай, т.е. «Все играют, а Петя должен читать».

Безличный глагол *вечереть* не образует морфологической формы долженствовательного наклонения типа *+вечерей*.

Приведенные предложения соответствуют разным синтаксическим моделям. Первое предложение построено по схеме $N_1 V_{\text{fin}}$, т.е. существительное в именительном падеже + спрягаемая форма глагола. Второе предложение построено по другой модели: безличный глагол в 3-м лице единственного числа. Парадигмы этих предложений состоят из разного количества форм.

Простое предложение может быть распространено другими словами (членами предложения), связанными синтаксически и по смыслу с компонентами структурной схемы и относящимися к одному слову или ко всему предложению в целом. Предложение *Петя читает* можно распространить таким образом: *Петя читает книгу – Петя читает интересную книгу – Пятилетний Петя читает интересную книгу – Уже целых два часа пятилетний Петя читает с неослабевающим интересом интересную книгу* и т.д.

В приведенных примерах простое предложение распространяется такими членами предложения, каждый из которых относится к одному слову. Но это не единственный способ распространения

простого предложения. Другой способ – использование распространителей, которые относятся к предложению в целом. Такие распространители предложения называются *детерминантами* (от лат. *determinans, determinantis* «определяющий»). В качестве детерминантов выступают обычно слова с субъектными, обстоятельственными – пространственными или временными значениями: *У моего шефа возникла блестящая идея. В театре царило предпраздничное настроение. В семь часов утра поезд прибыл на конечную станцию.*

Свойство предложения расширять свои рамки за счет распространителей его структурной схемы, а возможность распространителей реализовать это свойство позволяет «пользователю языка» создать неограниченное число предложений для выражения самых разнообразных смыслов – начиная от так называемых второстепенных, уточняющих и кончая смыслами, играющими существенную роль в понимании содержания высказывания.

§ 49. Предложение как единица речи

Как единица речи предложение представляет собой коммуникативную единицу – высказывание, т.е. такую языковую форму, которая может использоваться в качестве средства общения между членами человеческого коллектива. Предложение с точки зрения языка можно определить как своего рода сценарий, в котором предписано говорящему, какими именно словами он должен обозначить зашифрованную в нем информацию.

Функцию общения выполняет не только сочетание слов, соответствующее определенной синтаксической модели. В качестве предложения может использоваться словоформа, словосочетание, сочетание служебного и знаменательного слова, как, например, *сказку, пешком, через переводчика*. Вне контекста и в отрыве от речевой ситуации эти языковые единицы не являются предложениями. Статус предложения они получают в том случае, если каждая из этих форм соотнесена с действительностью, будучи ответом на соответствующий вопрос: – *Что вам сегодня читали на уроке?* – *Сказку.* – *Мы ждем тебя уже целый час. Как ты добирался?* – *Пешком.* – *Как ты общался с Джоном? Ведь Джон не знает русского, а ты английского.* – *Через переводчика.*

Из приведенных примеров видно, что в речи могут употребляться предложения, которые нельзя свести к установленным в языке моделям. Количество моделей в речи в отличие от количества моделей, представленных в языке, практически безгранично.

§ 50. Формально-грамматический анализ предложения

В истории синтаксической науки сложилось два подхода к анализу предложения – формально-грамматическое и смысловое членение.

Формально-грамматический анализ предложения предполагает выделение в его составе главных и второстепенных членов. К главным членам предложения относятся подлежащее и сказуемое, а к второстепенным – дополнение, определение и обстоятельство.

На восприятие смысла терминов «главные члены предложения», «второстепенные члены предложения» часто оказывают влияние значения прилагательных *главный* и *второстепенный*, свойственные общеупотребительному языку: *главный* «самый важный, основной», *второстепенный* «не главный, заурядный». В результате этого сложился определенный стереотип, основанный на смысловом противопоставлении главных и второстепенных членов предложения. Такого рода противопоставление приводит к искаженному пониманию смысла предложения в целом.

В научном смысле противопоставление главных и второстепенных членов предложения следует понимать таким образом: главные члены образуют конструктивную основу предложения, его предикативный минимум, а второстепенные члены не образуют грамматической основы предложения. Второстепенные члены являются распространителями предложения, они уточняют в каком-либо отношении или одно слово, или предложение в целом. В первом случае второстепенные члены называются присловными, как, например, определения. Грамматическая форма присловных членов зависит от другого слова. Во втором случае второстепенные члены называются детерминантами – их грамматическая форма не зависит от какого-либо конкретного слова, и относятся они не к одному слову, а к предложению в целом (см. § 48).

Формально-грамматический анализ предложения не сводится только к определению главных и второстепенных членов. Составной частью этого анализа является также определение синтаксических связей между словами.

§ 51. Смысловой анализ предложения

Существует несколько способов смыслового, или семантического, анализа предложения. Одним из таких способов является *актуальное членение предложения* (этот термин введен чешским языковедом В. Матезиусом). Сущность актуального членения состоит в том, что в предложении, точнее в высказывании, выделяется две части – часть, содержание которой известно не только говорящему, но и его собеседнику, и часть, в которой заключено основное содержание высказывания, то, что говорящий считает нужным сообщить своему слушателю, собеседнику, читателю. Первую часть высказывания, являющуюся исходной частью сообщения, называют *дан-ным*, или *темой* высказывания, вторую часть – *новым*, или *ремой*.

Основное отличие актуального членения от традиционного разбора по членам предложения – в содержании самой процедуры анализа и в его результатах. Разбор по членам предложения – это в высшей степени формальный анализ, который никак не связан с содержанием предложения. Наглядно это было показано в свое время Л.В. Щербой на примере сочетания слов, лишенных какого-либо смысла, хотя и связанных синтаксически: *Глокая кудра итеко будланула бокра и курдячит бокренка*. В этом «предложении» все слова придуманы его автором (кроме союза *и*). Несмотря на это, оно легко поддается разбору по членам предложения и по частям речи. Но о чем и о ком говорится – сказать нельзя. Нельзя в этом quasi-предложении выделить тему и ремю.

Рассмотрим другое предложение: *Этому мальчику пошел третий год*. С известной долей уверенности можно предположить, что в предыдущем предложении речь шла о мальчике. Это подтверждается местоимением, указывающим на лицо, известное и говорящему, и его собеседнику. Значит, словосочетание *этому мальчику* – тема, остальная часть, в которой говорится о возрасте мальчика, – рема.

Формально в приведенном предложении выделяются главные и второстепенные члены предложения. Главные члены образуют основу предложения – *год пошел*, т.е. N_1V_{fin} . Второстепенные члены являются распространителями или предложения в целом – *мальчику* или отдельных его лексем – *этому, третий*. Модель предложения, отражающую его формальную структуру, можно представить следующим образом: $PronN_3V_{fin}AdjN_1$.

Смысловая структура предложения зависит от порядка слов. В нейтральных высказываниях, которые строятся по принципу «от известного к неизвестному», тема предшествует реме. В экспрессивных, стилистически отмеченных высказываниях, наоборот, рема предшествует теме. Граница между темой и ремой отмечается самой большой паузой. В высказывании *Петр / учится в университете* тема сообщения – *Петр*, если раньше говорилось о Петре или если это высказывание представляет собой ответ на вопрос: «Чем занимается Петр?» Но слово *Петр* может быть и ремой, если в предыдущей части текста говорилось об университете. Ремой оно может быть и в том случае, если это высказывание является ответом на вопрос: «Кто учится в университете?» Тогда естественно такое построение высказывания: *В университете / учится Петр* или *В университете учится / Петр*.

Как видно из материала, проанализированного в этом разделе, смысловое и формальное членение предложения не совпадают. Это вполне естественно, так как в основе каждого из этих подходов лежат разные научные принципы.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс. М.: Академия, 2004.
2. Георгиев Вл., Дуриданов Ив. Езикознание. София: Наука и изкуство, 1965.
3. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа, 1995.
4. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Высшая школа, 1976.
5. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.

6. Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс. М.: Флинта: Наука, 2004.

7. Русская грамматика: Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2.

Задания

№ 1. Сравните типы синтаксических связей, представленных в тексте на русском языке, с аналогичными синтаксическими связями в болгарском языке. Определите способы выражения синтаксических связей в сопоставляемых языках. В чем сходство и в чем их различие?

Историята на езика стои в най-тясна връзка с историята на народа, който го говори. В историята на народите е често явление големи групи от хора, дори цели народи да започнат да си служат повече или по-малко освен с родния език и с някой втори език. Такова частично или пълно двуезичие оказва силно влияние върху развоя на нашия език. Това явление се нарича взаимодействие на езици, езиков контакт или езикова интерференция (Вл. Георгиев, Ив. Дуриданов, с. 258).

История языка находится в самой тесной связи с историей народа, который разговаривает на нем. В истории народов часто происходит так, что большие группы людей, даже целые народы, начинают пользоваться в большей или меньшей степени наряду с родным также каким-либо вторым языком. Такого рода полное или частичное двуязычие оказало сильное влияние на развитие нашего языка. Это явление называют взаимодействием языков, языковым контактом или языковой интерференцией.

№ 2. Определите парадигму приведенных ниже предложений. Какие из этих предложений образуют полную парадигму, а какие – неполную? Как это связано с количеством компонентов, образующих структурную схему предложения? Со значениями предикативности, присущими каждому члену синтаксической парадигмы?

1. Рассветает. Алеет восток. Тишина. На улице ни души. 2. В доме натоплено. Народу прибывает. Приходят новые посетители. Открывают двери настежь. В комнату хлынул поток морозного воздуха.

№ 3. Определите тему и рему. Как зависит актуальное членение предложения от смысла высказывания, интонации и порядка слов? Как соотносится актуальное членение предложения с формально-грамматическим?

А. Тамань – самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить. Я приехал на перекладной тележке поздно ночью. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «Кто идет?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казенной надобности (Лермонтов).

Б. Речь наша не всегда одинакова: она изменяется в зависимости от того, к кому мы обращаемся, в каких условиях мы говорим и с какой целью. Я буду иначе говорить с ребенком, иначе со взрослым; иначе в беседе с одним человеком, иначе в аудитории, обращаясь сразу к нескольким сотням лиц; одно дело – делиться впечатлениями с товарищами, другое – убеждать малознакомых людей (Л.В. Щерба).

№ 4. Проанализируйте приведенный текст на так называемом офенском языке – условном языке бродячих торговцев-разносчиков. Разберите текст по членам предложения; определите синтаксические связи; укажите, сколько простых предложений входит в его состав. Можно ли в приведенном тексте, если не обращаться к переводу, выделить тему и рему предложения?

Мисовской курехой стремыжный бендюх прохандырили трущи; лохи биряли колыги и гомза, кубы биряли бряеть и в устреку кундюков и ягреньт; аламонные карюки курщали курески, ласые мещаты грошались.

Правильность разбора проверьте по переводу этого текста на русский язык, приведенному в словаре В. Даля (Т. 1, раздел «О языках искусственных», с. LXXVII).

IV. МЕТОДЫ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

---

§ 52. Научный метод как совокупность исследовательских приемов

В зависимости от задач, которые ставит исследователь, и от материала, который подвергается исследованию, применяются разные способы научного описания, называемые **методами** (от греч. *μέθοδος* / *methodos* «путь исследования / познания; метод; теория, учение; прием, уловка»).

Слово *метод* употребляется в терминологическом и в нетерминологическом смысле. В терминологическом смысле *метод* обозначает систему приемов, используемых в научном описании.

В нетерминологическом, или общепотребительном, смысле значение слова *метод* можно охарактеризовать при помощи таких слов, как *прием*, *способ* или *образ действия*. Ср.: *В современном русском языке различаются следующие семь основных методов* [т.е. способов. – А.Г.] *образования форм слов* [В.В. Виноградов]; *[На суде] я не признавал себя виновным ни в чем и до конца держался своего метода, как можно меньше говорить со своими врагами* [МАС, т. II, с. 261]. *Я не знаю, когда смогу быть в Переделкине и когда будете там Вы. Поэтому использую с Вашего разрешения заочный метод* [А.И. Солженицын /Из письма В.А. Каверину/].

В последних двух фрагментах вместо слова *метод* можно употребить слово *метбда*. Правда, в современном языке оно воспринимается как устаревшее: *Я до конца держался своей метбды, как можно меньше говорить со своими врагами*. Замена слов придает предложению в данном контексте несколько необычное звучание, которое можно охарактеризовать как самоиронию. Но, тем не менее, предложение остается семантически правильным. Если же слово *метод* употребляется в терминологическом смысле, такая замена оказывается совершенно недопустимой: ⁺*сравнительно-историческая метбда*, ⁺*структурные метбды*, ⁺*сопоставительная метбда*.

В терминологическом смысле метод – это *система* приемов, действий, простых операций, в совокупности своей направленных на решение научной проблемы. Использование научного метода предполагает наличие соответствующих знаний и умений в области научной теории, например, умения определить круг вопросов, решение которых предполагает использование того или иного научного метода.

В нетерминологическом употреблении смысл слова *метод* сводится к простому, рутинному действию, не требующему особых умений и знаний, кроме самых элементарных. Так, в выражениях «метод сплошной выборки», «метод наблюдения» слово «метод» употреблено в нетерминологическом смысле. Для того чтобы произвести из текста «сплошную выборку», достаточно располагать знаниями «технического свойства»: во-первых, о том, что именно мы извлекаем из текста – глагол, существительное или фразему; во-вторых, нужно уметь отличить их от аналогичных языковых единиц. Точно так же рутинным процессом следует считать наблюдение, суть которого сводится к тому, чтобы наблюдатель (не обязательно исследователь) заметил соответствующий факт и зафиксировал его. Письменная фиксация необходима для дальнейшего анализа собранного материала.

О том, что метод как научный термин включает в свою смысловую структуру несколько более простых компонентов, пишут такие известные представители разных гуманитарных наук, как Ю.С. Степанов, Б.А. Серебренников, А.А. Зиновьев.

Понимание смысла анализируемого слова Ю.С. Степанов формулирует следующим образом: метод представляет собой «обобщенные совокупности теоретических установок, приемов, методик исследования языка» [Степанов 1990, с. 298].

Более подробно характеризует это понятие Б.А. Серебренников, отмечая, что «метод всегда является системой. Единичный прием не может представлять метод исследования в целом...», что метод – это сумма «специфических научно-исследовательских приемов и методика их применения на практике» [Серебренников, с. 258, 261].

Приведенные высказывания принадлежат авторитетным лингвистам. Похожее мнение высказывает А.А. Зиновьев – философ, специалист в области научной методологии: «Словом «метод» я

называю не отдельный прием познания, а совокупность таких приемов, объединенных в единое целое. В это целое могут входить самые разнообразные приемы, употребляемые и сами по себе, независимо от этого целого, а также входящие и в другие объединения приемов, образующие другой метод» [Зиновьев, с. 148].

Метод предназначен для решения определенных задач и получения новых знаний. Его результативность проверяется на конкретном эмпирическом *материале*. Для лингвиста таким материалом служит язык во всем его неисчерпаемом многообразии. Без этого материала, рассматриваемого в определенном аспекте, любой лингвистический метод теряет свое прямое предназначение. Только сочетание материала и метода, соответствующего поставленным задачам, образует необходимое условие научного описания.

Метод как общее определение исследовательского способа познания мира необходимо отличать от отдельных приемов или частных методик, представляющих собой простые однотипные действия. Так, описание значений слов нельзя характеризовать как «метод лексических толкований» или «метод словарных дефиниций». Этот «метод», как было показано выше (§ 3), сводится к простой логической дефиниции – к определению видового понятия через родовое.

Есть определенная трудность, связанная с отграничением научного метода от общетеоретических установок, называемых по-другому подходами. Часто эти понятия смешивают.

Метод – понятие более узкое и более конкретное, чем подход. Терминологическое сочетание *системный подход* предполагает, что материал, подлежащий анализу, образует определенную систему, и именно это заранее, до проведения научного анализа, известно исследователю – в противном случае системный подход потерял бы свой смысл. Что касается метода, то его основная цель – поиск новой информации. Применение любого метода предполагает выполнение определенных действий, предусмотренных его логической структурой. Если метод представляет процесс получения новых знаний, то подход опирается на уже сложившуюся систему знаний, являющихся для исследователя аксиомой, не требующей, естественно, никаких доказательств.

В научном поиске существует строгая последовательность: сначала выбор подхода – общетеоретической установки, а затем на

основе этого использование соответствующих методов. Таким образом, подход предшествует методу и предопределяет его. Другими словами, *подход – это выбор объекта и предмета исследования, а метод – план процесса исследования.*

На базе того или иного подхода для решения вполне конкретных задач создаются и соответствующие методы. Так, в рамках системного подхода разработано несколько исследовательских приемов – дескриптивный метод, компонентный анализ, дистрибутивный метод, анализ по непосредственно составляющим.

Конечная цель научного описания – способствовать поиску истины или хотя бы приближению к ней. Поиск научной истины приобретает самые разнообразные формы. Важнейшие из них – установление причин и взаимосвязей между исследуемыми явлениями; обнаружение системных отношений между объектами, построение модели анализируемого материала [См.: Шелякин, с. 20–25].

§ 53. Логическая структура научного метода

Научные методы не только различаются своими «индивидуальными» признаками, но вместе с тем они обладают и признаками, которые их объединяют. В структуре научного метода выделяются три логические операции, составляющие его содержание и смысл, – анализ, классифицирование и синтез.

Анализ (от греч. *ἀνάλυσις / analysis* «разложение, расчленение») состоит в том, что сложный объект, например язык, расчленяется на составные части, существенные для данного объекта. Один и тот же объект можно расчленить по-разному в зависимости от того, на основе каких критериев производится эта операция. Так, поток речи можно разделить на звуки, фонемы, если учитывать мельчайшие его элементы. При другом подходе, учитывающем значение в потоке речи ее составных элементов, можно выделить разные типы морфем, слова, наконец, предложения.

При *классифицировании* (от лат. *classis* «разряд, класс», *facio, facere, factum* «делать, совершать, изготовлять») элементы, выделенные в результате анализа, распределяются по тем или иным группам на основе общих признаков. Такими группами в грамма-

тике являются части речи, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие группы и подгруппы.

Необходимым условием объективного, непротиворечивого разделения анализируемых понятий на группы является соблюдение *принципа единства логического основания*. Обычно этот принцип нарушается, когда пишущий смешивает разные классификации одних и тех же языковых единиц, опирающиеся на разную теоретическую базу. Так, в учебниках для средней школы, а иногда и для высшей, оказываются в одном ряду такие признаки согласного *н*, как звонкий, твердый, переднеязычный, сонорный. В этом перечне названы признаки из разных классификаций, один из которых избыточен. Для артикуляционной классификации избыточным является признак сонорный, а для акустической – переднеязычный.

Нарушение принципа единства классифицирующего признака приводит к ошибочным обобщениям.

Синтез (от греч. *σύνθεσις* / *synthesis* «соединение, составление, связывание») предполагает объединение полученных в результате классифицирования групп в некое единство, в составе которого эти группы были бы тесно взаимосвязаны. Конечная цель синтеза – дать по возможности полное и целостное описание рассматриваемого объекта.

Вместо «синтез» иногда употребляют другой термин – *интерпретация* (от лат. *interpretation* «разъяснение, истолкование; перевод»). Синтез опирается прежде всего на результаты, полученные при анализе конкретного материала. Интерпретация, опираясь на тот же конкретный материал, направлена на более широкие обобщения. Она выходит за рамки анализируемого материала и ставит общетеоретические вопросы, касающиеся применения полученных результатов в других сферах знаний.

Названные три логические операции составляют смысловое ядро метода. Но на практике возможны отступления от указанной схемы, объясняемые спецификой анализируемого материала или задачами, поставленными исследователем. При анализе простого материала, состоящего из однотипных элементов, избыточной может оказаться операция классифицирования. Возможно отсутствие в общей схеме и синтеза при условии, что сам материал, его анализ и классифицирование представляют значительный научный интерес или в работе решаются чисто дидактические задачи, как это

имело место в первых грамматических описаниях санскрита, древнегреческого, латинского или арабского языков.

В современном языкознании применяются такие методы, как описательный, сопоставительный, сравнительно-исторический, структурные методы, а также методы и другие приемы научного анализа, связанные с идеями *когнитивной лингвистики*.

Методы различаются между собой материалом, предметом анализа и задачами, которые решает исследователь. Объединяют их рассмотренные выше три операции – анализ, классифицирование, синтез.

Развитие науки ставит перед исследователем все новые и новые задачи. Решение этих задач может осуществляться при помощи уже существующих методов, но соответствующим образом адаптированных к новому материалу.

В случае невозможности применения существующих методов, их неэффективности в изменившихся условиях прибегают к разработке новых приемов научного исследования. Эта тенденция характерна для современного языкознания, отмеченного разработкой разных направлений семантики – лексической, грамматической, словообразовательной. Особое место занимает когнитивная семантика, учитывающая субъективные факторы в восприятии значения языковой единицы.

§ 54. Описательный метод и его применение в истории науки о языке

Применение этого метода означает возникновение языкознания как самостоятельной науки. Это один из наиболее распространенных методов в истории науки о языке и самый старый «долгожитель»: другие методы возникли значительно позже. Широко применяется в современных лингвистических описаниях, а также и в других науках – гуманитарных, естественных.

Первыми лингвистическими работами, в которых использовался этот метод, были описания грамматической системы древних языков – санскрита, греческого и латинского.

В разных лингвистических традициях выработались свои способы применения описательного метода, обусловленные особенностями описываемых языков.

В индийской традиции самым известным описанием была грамматика санскрита, созданная Панини (V в. до н.э.), в которой с исчерпывающей полнотой сформулированы правила чередования звуков, а также словоизменения и словообразования. Таких правил в грамматике Панини около четырех тысяч. Они лаконичны, изложены языком, напоминающим формализованный язык, используемый в точных науках.

В грамматике Панини анализ языкового материала опирается на характеристику *сочетаемости языковых единиц*. С этой точки зрения все звуки санскрита разделены на 14 классов. Рассматривается только сочетаемость звуков, которые входят в разные классы. По правилам сочетаемости элементов может быть образовано несколько сот новых классов (подклассов). Но в грамматике Панини используется лишь 41 подкласс звуков, и этого количества достаточно, чтобы описать все чередования звуков в санскрите.

При классификации морфологического материала учитывается то, как соединяются корни с суффиксами при образовании отдельных слов и их форм, какие изменения происходят при этом в составе сочетающихся морфем. Выделяются два типа корней – именные и глагольные.

Другой вариант описательного метода разработан в грамматиках, созданных в Древней Греции и Риме. В Древней Греции вопросами грамматики занимались представители Александрийской школы. Самый известный из них Дионисий Фракийский (170–90 гг. до н.э.) – автор труда «Грамматическое искусство». Это первая и самая полная грамматика древнегреческого языка. Исходным понятием, на которое опираются грамматические описания античных авторов, является *слово*, определяемое в грамматике Дионисия как «наименьшая часть связного предложения».

В результате анализа Дионисий устанавливает разные формальные свойства слов, на основе которых и производится классификация материала на восемь частей речи: имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие, союз.

По образцу грамматики Дионисия Фракийского, с учетом особенностей латинского языка создавались грамматические описания в Древнем Риме. В «Грамматическом искусстве» Палемона (10–75 гг. н.э.) выделяются такие части речи, как имя, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, местоимение и междометие. В этом

перечне отсутствует артикль, потому что в латинском языке в отличие от греческого нет этой части речи. В самостоятельную часть речи выделено междометие, тогда как в грамматике Дионисия междометия включались в разряд наречий.

В римской традиции использовались и другие принципы классификации слов. Крупнейший ученый-энциклопедист Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.), автор трактата «О латинском языке», все слова разделил на изменяемые и неизменяемые. Изменяемые слова по наличию или отсутствию грамматических признаков падежа и времени он делил на четыре группы, называемые частями речи: 1) имена – слова, которые изменяются по падежам, но не изменяются по временам; 2) глаголы – слова, которые изменяются по временам, но не изменяются по падежам; 3) причастия – слова, которые изменяются и по падежам, и по временам; 4) наречия – слова, которые не изменяются ни по падежам, ни по временам, но образуют степени сравнения.

Грамматики древнегреческих и римских авторов явились образцом для языковедов последующих эпох. В этих грамматиках была выработана не только схема научного описания языка, но и создана научная терминология, используемая в современных грамматических описаниях, в том числе и в русском языке.

Описательный метод применяется не только при характеристике всей языковой системы. При помощи этого метода можно также представить описание и отдельных ее фрагментов. В качестве примера применения описательного метода на материале русского языка приведем небольшой его фрагмент – числительные от 1 до 10. Материал сравнительно легко обозримый: он включает 320 словоформ (количественное числительное *один* образует 24 словоформы, *два* → 8, остальные, *три* – *десять* → по 6, все порядковые числительные от *первого* по *десятый* образуют по 24 словоформы). После того как собран материал в полном объеме, можно приступить к его описанию.

1. Анализ материала. Представленный материал позволяет анализировать его с двух точек зрения – семантической и формальной.

Семантический анализ заключается в том, что выделяются общие смыслы, или семы, охватывающие весь описываемый материал.

Формальный анализ основывается на особенностях словоизменения числительных по падежам, числам и родам с учетом использования соответствующих грамматических показателей.

2. Классифицирование. Рассматриваемый материал *семантически* распадается на две неравные по объему группы: 1) слова, обозначающие ‘количество’, в сумме образуют 80 словоформ; 2) слова, обозначающие ‘порядок при счете’ – 240 словоформ.

Формально материал делится на пять групп (условно назовем их словоизменительными парадигмами числительных, обозначив их соответственно римскими цифрами: I, II, III, IV, V).

К I группе относится количественное числительное *один*, которое изменяется по падежам, родам и числам. Отличительная особенность этого числительного – изменение по родам и числам в именительном падеже, как у кратких прилагательных, а в косвенных падежах – как у полных прилагательных. Именно способом словоизменения в именительном падеже оно отличается от склонения V группы, представленной порядковыми числительными.

Ко II группе относится количественное числительное *два / две*, изменяемое по падежам и образующее формы мужского и женского рода в именительном и винительном падежах. В косвенных падежах используются уникальные окончания, которые свойственны только этому числительному – *-ух, -ум, -умя*.

В состав III группы входит два числительных – *три* и *четыре*, которые изменяются только по падежам. Окончания в большинстве падежей совпадают. Различаются окончания именительного и винительного падежей (синтаксически связанных с одушевленными существительными): *-и (три)* и *-э (четыре)* – и творительного падежа: *-эмя, -мя*. В последнем случае это аллофоны, а не отдельные окончания. В косвенных падежах, кроме винительного, используются, как и у числительного *два*, уникальные окончания.

IV группа включает лексемы *пять – десять*, которые склоняются по образцу существительных 3-го склонения в единственном числе: *осень, степь*.

Самая многочисленная группа – V, в которую включаются все порядковые числительные. Словоизменение отличается высокой степенью регулярности. Некоторые окончания представлены алломорфами.

3. Синтез. Эта операция характеризуется двусторонней направленностью: во-первых, на выявление общих особенностей материала, вытекающих из его внутренних свойств; во-вторых, на возможные связи результатов, полученных при исследовании данного конкретного материала, с общелингвистической проблематикой.

А. К общим признакам анализируемого материала относятся следующие особенности.

1) Более однородными и более бедными по содержанию являются семантические признаки – выделено всего два признака.

2) Более разнообразно представлены формальные признаки – их выделено пять.

3) При словоизменении количественных числительных используются как уникальные, так и узуальные окончания.

4) В образовании порядковых числительных участвуют регулярные и супплетивные формы. Супплетивные формы образуют числительные *один – первый, два – второй*. Регулярные формы, т.е. не супплетивные, образуют остальные числительные: *три – третий, четыре – четвертый, пять – пятый*.

5) Степень регулярности образования порядковых числительных неодинакова. Самая высокая регулярность у числительных: *пять – пятый, шесть – шестой, девять – девятый, десять – десятый*, при образовании которых происходит чередование конечных твердых и мягких согласных в основе. Несколько ниже регулярность у числительного *восемь – восьмой*; к нерегулярным, приближающимся к супплетивным формам, относятся числительные *третий, четвертый, седьмой*, которые образованы при помощи уникальных способов словообразования. Полное отсутствие регулярности и предсказуемости отмечается у супплетивных форм.

6) В качестве грамматических средств при образовании порядковых числительных используются чередования звуков в основах производных слов, уникальные суффиксы (*тр’-этий*), уникальный суффикс и усечение производящей основы (*чет/ыр/е – чет-вертый*), уникальный инфикс *д-*: *семь – седьмой*.

7) Степень регулярности при образовании грамматических форм количественных числительных возрастает от *двух* до *пяти*. Словоизменение порядковых числительных регулярно: все теоретически предсказуемые словоформы соответствуют реально существующим.

Б. Синтез, а в данном случае эту логическую операцию точнее назвать интерпретацией, может быть направлен на выявление связей между результатами, полученными исследователем, и общетеоретическими проблемами, с помощью которых обычно объясняются те или иные отступления от теоретически ожидаемых результатов. В частности, при образовании словоформ количественных числительных вполне логично ожидать, что все они должны склоняться по одному типу. Расхождение между предполагаемым результатом и действительным положением вещей объясняют, как правило, данными истории. Правда, эти данные не всегда обладают достаточной надежностью, поскольку часто опираются не на конкретные факты, а на более или менее достоверные гипотезы.

Можно предположить, что названные расхождения коренятся в истории образования количественных числительных. Естественно, что сначала возникли числительные *один, два, три, четыре*, регулярность словоизменения которых от *двух* до *четырех* возрастает, пока их регулярность, начиная с *пяти*, «не приходит в норму», т.е. становится полностью предсказуемой и теоретически ожидаемой.

Правда, на пути такого предположения, имеющего свои традиции (чем слово древнее, тем больше в его образовании нерегулярных форм), возникает препятствие в виде числительного *один*, словоизменение которого полностью предсказуемо, а в системе его окончаний отсутствуют уникальные морфемы. Один из способов устранить возникшее противоречие – предложить еще одну гипотезу, т.е. предположить, что первоначально слово *один* было не числительным, а кратким прилагательным.

Следует также ответить на вопрос, чем вызваны супплетивные формы в образовании первых двух порядковых числительных. Характерно, что такая особенность образования числительных с этим же значением отмечена во многих языках. При этом не отмечены супплетивные формы при образовании порядковых числительных, например, от таких слов, как *пять, десять* или *семьдесят, сто* и т.д.

Вполне обоснованно можно предположить, что *первый* и *второй* первоначально выражали понятия, не связанные непосредственно с числительными *один* и *два*. Об этом свидетельствуют данные древних языков. Первое из них обозначало «передний, прежний», второе – «врозь, далеко друг от друга; дальше ведущий, дальнейший». На первых этапах образования порядковых чис-

лительных происходило их сближение с количественными числительными при условии, если те и другие обладали хотя бы потенциально общими смыслами. В дальнейшем для образования порядковых числительных были выработаны соответствующие словообразовательные средства.

Различия между собственно синтезом (п. А) и интерпретацией (п. Б) сводятся, по сути, к одному положению – возможности проверки другими исследователями описания полученных результатов и высказанных гипотез относительно этих результатов.

Описание полученных результатов – в силу их полной очевидности – в проверке не нуждается. Если описание неполное, то оно может быть дополнено и скорректировано.

При проверке результаты интерпретации, опирающейся на мнения и гипотезы, могут быть подтверждены или опровергнуты, но не с позиции абсолютной истинности или ложности, а с позиции возможной истинности или ложности.

§ 55. Сравнительно-исторический метод

Этот метод применяется при решении вопроса о родстве языков, а также при определении эволюции языковых систем.

Основы его были заложены в первой четверти XIX в. в работах Ф. Боппа, Р. Раска, Я. Гримма, А.Х. Востокова. На разном материале эти языковеды пришли к аналогичным выводам относительно сходства между многими языками Европы и Азии, разработали основные принципы сравнительно-исторического языкознания, в рамках которого был создан сравнительно-исторический метод.

В основе этого метода лежит понятие **языкового родства**, определяемого при помощи соответствующих процедур. Сходство между языками объясняется общностью их происхождения от единого источника, называемого **праязыком**.

Сравнительно-исторический метод предполагает сравнение языков в их современном состоянии и в историческом развитии в разные периоды их существования. Для такого сравнения необходимо наличие письменных памятников на языках, которые подвергаются исследованию. Важная роль принадлежит древним письменным памятникам, позволяющим проникнуть в более далекое прошлое языка.

В случае отсутствия или недостаточного количества письменных памятников используют *лингвистическую реконструкцию* – восстановление картины более древнего состояния языка при помощи данных того же языка или других языков. Правда, в этом случае полученные результаты менее достоверны, чем при наличии письменных памятников.

В сравнительно-историческом языкознании разработана подробная методика определения родства языков. Языки сравнивают с точки зрения трех типов соответствий – *лексических, грамматических* и *фонетических*. В случае наличия регулярных соответствий указанных типов сравниваемые языки следует считать родственными. Если же отсутствуют регулярные соответствия, то такие языки не относятся к числу родственных, даже если и обнаруживается между ними определенное сходство. Сходство может объясняться не только общностью происхождения, но и другими причинами – случайным совпадением или длительным взаимодействием этих языков.

1. Для установления **лексических соответствий** между языками выбирают слова жизненно необходимые, отличающиеся высокой частотностью и относящиеся к древнейшему слою лексики:

1) термины родства: *отец, мать, брат, сестра, тесть, свекор, зять*;

2) названия частей тела: *голова, зуб, нос, глаз, ухо*;

3) названия животных: *корова, овца, бык, волк*;

4) явления и предметы природы: *земля, солнце, снег, ночь, день*;

5) числительные: *1 – 10, 20, 30, 40..., 100*;

6) некоторые глаголы: *быть, пить, есть, сидеть, брать, расти*;

7) местоимения: *я – меня, мне..., ты – тебя, тебе..., мы – нас..., кто, что*.

К сравнению при доказательстве родства языков могут привлекаться и другие слова. Важно, чтобы это были слова, сохраняющиеся в языке в течение многих столетий и в меньшей степени, чем другие, подвергающиеся разного рода изменениям и заменам.

Далеко не все похожие по звучанию слова в разных языках могут служить доказательством их родства. Во многих современных языках употребляются, например, такие слова, как *академия, атом, кризис, капитал, футбол, лингвистика, музыка, риторика, машина, фабрика, демократия, тезис* и т.п.

Приведенные слова заимствованы многими языками, и только этим, а не общностью происхождения из праязыка объясняется их сходство в разных языках – начиная от русского и немецкого и кончая финским и турецким. Такие совпадения не могут быть аргументом в пользу происхождения из одного источника всех языков, в которых употребляются эти слова.

В качестве примеров, которые используются при доказательстве родства языков, приводятся такие слова: рус. *мать, брат, ты, два, десять*; болг. *майка, брат, ти, два, десет*; нем. *Mutter, Bruder, du, zwei, zehn*; англ. *mother, brother, two, ten*; лат. *mater, frater, tū, duo, decem*; тадж. *модар, бародар, ту, ду, дах*.

Во всех перечисленных языках приведенные слова обладают разной степенью фонетического сходства. На основании сравнения звучания и значения приведенных слов можно предположить, что все перечисленные языки находятся в родственных отношениях. Окончательный вывод можно сделать только после тщательного сравнения лексики, грамматики и фонетики этих языков.

2. В родственных языках наблюдается также **сходство в грамматике** – в окончаниях изменяемых слов, в формах их изменения, в использовании служебных слов, в особенностях грамматического типа языка. Известно, что окончания, суффиксы, грамматические категории, как правило, не заимствуются в отличие от лексических средств. Есть языки, в которых заимствованные слова составляют более половины лексического запаса. Но грамматика при этом сохраняется в основном исконная. Поэтому грамматические соответствия при определении родства языков более надежны, чем лексические. В этом смысле показательно спряжение вспомогательного глагола «быть» в индоевропейских языках – как в древних, так и в современных.

Таблица 7

	Болгар.	Чешск.	Латин.	Готск.	Санскр.	Таджик.
1 л. ед. ч.	сьм	jsem	sum	im	asmi	ҳастам
2 л.	си	jsi	es	is	asi	ҳастū
3 л.	е	je	est	ist	asthi	ҳаст
1 л. мн. ч.	сме	jsme	sumus	sijum	smas	ҳастем
2 л.	сте	jste	estis	sijuþ	stha	ҳастед
3 л.	са	jsou	sunt	sind	santi	ҳастанд

Сходство в спряжении вспомогательного глагола в трех древних (латинский, готский и санскрит) и трех современных языках (болгарский, чешский и таджикский) заключается в том, что: 1) используется общий корень: его более древняя форма **es-*; 2) употребляемые окончания в большинстве случаев по своему звуковому составу совпадают. В тех случаях, где нет такого совпадения, различия объясняются фонетическими законами, специфическими для того или иного языка. Так, в болгарском и чешском в 3-м лице единственного и множественного числа настоящего времени отпало окончание *-t*. Эта особенность свойственна и остальным глаголам болгарского и чешского языков в отличие, например, от русского, где *-t* сохраняется в этих же грамматических формах.

3. Между родственными языками существуют регулярные **фонетические соответствия**, которые заключаются в том, что звуки одного из родственных языков всегда соответствуют одним и тем же звукам другого родственного языка, если эти звуки находятся в одинаковых фонетических условиях. Так, русское *б* соответствует латинскому *f* в начале слова (*frater* – *брат*, *fūi* – *был*) и *b* – в остальных позициях (*скребу* – *scribo* «пишу», *небо* – *nebula* «туман»). При определении фонетических соответствий сравнивают слова со сходным значением, этимологически родственные.

Регулярные фонетические соответствия особенно четко проявляются в близкородственных языках, как, например, в славянских, где количество примеров для каждого звука в сравниваемом языке исчисляется многими сотнями или тысячами слов: русским /д'/ и /т'/ в белорусском соответствуют /дз'/ и /ц'/: *тень* – *цень*, *теперь* – *цяпер*, *ветер* – *вецер*, *тёмный* – *цёмны*, *день* – *дзень*, *деление* – *дзяленне*, *дятел* – *дзяцел*.

Только при наличии названных трех типов соответствий между языками – лексических, грамматических и фонетических – можно говорить о родстве языков, об их происхождении от одного праязыка.

По-другому применяется сравнительно-исторический метод при определении *эволюции языковой системы*. Процесс изменения языка происходит постепенно, незаметно для рядового «пользователя языка». Изменение языка становится заметным только тогда, когда разные поколения, самое старшее и самое молодое, начинают испытывать трудности в понимании друг друга.

Выявить заметные изменения языка можно только на значительном временном отрезке, который объединяет три-четыре и более поколений. Изучая эволюцию языка в целом или отдельных его частей, обычно выбирают несколько его временных срезов – наиболее заметных этапов в его истории. Так, для русского языка обычно выделяют такие периоды, как X–XI, XIV, XVI, XVIII, XX вв., по которым устанавливаются хронологические срезы – своего рода ориентиры, фиксирующие языковые изменения.

С помощью сравнительно-исторического метода получены результаты, обогатившие науку о языке новыми знаниями. Во-первых, выделены языковые семьи и их подгруппы, и для большинства языков Земного шара определено их место в системе, называемой генеалогической классификацией языков; во-вторых, проанализирован огромный материал, касающийся эволюции тех языков, письменные памятники которых сохранились в достаточном количестве.

§ 56. Сопоставительный метод

Сопоставительный метод, разрабатываемый в рамках *сопоставительного* (= контрастивного, сравнительного, сравнительно-сопоставительного) языкознания, ставит своей целью выявить на основе сравнения общие и специфические черты разных языков независимо от их происхождения. При помощи этого метода решаются два типа задач – собственно лингвистические и методические. Решение лингвистических задач предполагает выявление в разных языках того скрытого механизма, который управляет функционированием языка. Сопоставление позволяет более рельефно выделить в каждом из сопоставляемых языков наиболее характерные его особенности.

Не всякое сопоставление является методом. Чтобы сопоставление приобрело статус метода, необходимо соблюдение некоторых условий, вытекающих из определения понятия «метод» в терминологическом смысле. С учетом этих условий за сопоставлением разных языков (межсистемное, или межъязыковое сопоставление) закрепилось понятие «метод». Если же сопоставляются факты одного языка (внутриязыковое сопоставление) в их современном

состоянии или в их историческом развитии, то такое сопоставление представляет собой один из *приемов* научного анализа. Методом такое сопоставление можно назвать только в метафорическом, т.е. в нетерминологическом, смысле [Ср.: Барнет, 9].

В самом общем виде принципы сопоставительного изучения языков, на базе которого сформировался сопоставительный метод, были определены в XIX в. в работах В. фон Гумбольдта и И.А. Бодуэна де Куртенэ. В дальнейшем сопоставлением языков занимались Е.Д. Поливанов (русский и японский, русский и китайский, русский и узбекский), Ш. Балли (французский и немецкий), В.А. Богородицкий (русский и татарский), Л.В. Щерба (русский и французский).

В лингвистических работах В. Гумбольдта широко используются результаты сопоставления (по Гумбольдту, сравнения) языков. Некоторые из них посвящены разработке принципов сопоставительного метода. Наиболее полно изложены взгляды Гумбольдта на проблематику сопоставления языков в работах «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1820), «Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков» (1801 – 1802), «Характер языка и характер народа» (1822).

В первой из названных работ ставится вопрос о необходимости создания особой дисциплины, посвященной сопоставительному изучению языков. Отдельный язык, по мнению Гумбольдта, обладает качествами, трудноуловимыми для научного обобщения. Он складывается «из множества подробностей, которые кажутся совершенно незначительными», от которых, по сути, и зависит влияние одного языка на другой [Гумбольдт 1984, с. 307]. Именно эти подробности, в действительности, как показывает практика, играют в жизни языков чрезвычайно важную роль.

Выявить такого рода особенности можно, по мнению Гумбольдта, при условии, если будут описаны, расклассифицированы и сопоставлены все языки. При этом необходимо учитывать, что в любом языке «нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого» [Гумбольдт 1984, с. 313–314].

Считая необходимым условием использовать данные всех языков, Гумбольдт следовал предписаниям логического принципа

полной индукции. Суть этого принципа состоит в том, что исследователь должен делать выводы только в том случае, если проанализированы все без исключения факты рассматриваемого явления. Такая практика, во-первых, в то время была широко распространенной в некоторых науках, а во-вторых, она свидетельствовала об отсутствии научной теории, которая могла бы заменить этот громоздкий, малоинформативный способ описания языка более содержательным и более экономным.

Теорию сопоставительного исследования языков Гумбольдт разрабатывал в рамках созданной им философской антропологии, в соответствии с которой развитие языка и развитие человека – это два взаимосвязанных друг с другом процесса. Разные языки не образуют непроходимой пропасти между их носителями, потому что человечество едино в своей духовной сущности. Эту мысль Гумбольдт выразил таким образом: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее <...>» [Гумбольдт 1985, с. 349].

Язык для Гумбольдта представляет собой один из основных, самых доступных и надежных источников познания о человеке. «Изучение языков мира, – пишет он в одной из своих ранних работ, – это также всемирная история мыслей и чувств человечества. Она должна описывать людей всех стран и всех степеней культурного развития; в нее должно входить все, что касается человека» [Гумбольдт 1985, с. 349].

Сопоставление языков для Гумбольдта было одним из способов получения ответа на вопрос о том, «как все многообразие языков вообще связано с процессом формирования человеческого рода» [Гумбольдт 1984, с. 316], а также с превращением «языкознания в систематическую науку» [Гумбольдт 1985, с. 347]. Другие задачи, которые решали филологи XVIII века при сопоставлении языков, Гумбольдт рассматривал как вспомогательные. Не признавал он сопоставления, которое преследовало цель обоснования «химических представлений о языке» [Гумбольдт 1985, с. 346].

Идеи Гумбольдта о сопоставительном языкознании не получили дальнейшего развития не только из-за сложности, точнее, необъятности самого материала. Объем материала – причина технического свойства, и все трудности, с ней связанные, в конечном счете преодолимы. Причина в другом, в отсутствии в начале XIX в.

действительно значимых работ в области теоретического языкознания. Это хорошо видно на примере И.А. Бодуэна де Куртенэ, который разрабатывал принципы сопоставительного метода во второй половине XIX в., когда теоретическое языкознание благодаря деятельности многих языковедов, в том числе и Гумбольдта и самого Бодуэна де Куртенэ, достигло высокого научного уровня.

И.А. Бодуэн де Куртенэ рассматривал сопоставительный метод как один из способов исследования языка, наравне со сравнительно-историческим. Но если применение сравнительно-исторического метода ограничено только родственными языками, то сопоставительный метод таких ограничений не знает. Он применим в одинаковой степени как к исследованию неродственных, так и родственных языков.

Основу такого взгляда составляют два теоретических положения: во-первых, мысль о единстве человеческого языка и единстве науки, изучающей язык; во-вторых, о смешанном характере всех языков [Бодуэн де Куртенэ, т. II, с. 30 – 32; т. I, с. 362 – 372].

Единство человеческих языков проявляется в сходстве, однонаправленности языковых процессов, происходящих в совершенно разных языках, не связанных между собой ни исторически, ни географически. По этой причине можно сопоставлять языки друг с другом в любой последовательности и в любой сочетаемости – романские с индийскими, славянские с афразийскими, русский с коптским и т.д.

Результаты сопоставления неродственных языков представляют серьезный научный интерес для понимания эволюции языка в целом, а также и отдельных составляющих его частей – фонетики, грамматики, семантики [Бодуэн де Куртенэ, т. I, с. 371].

Правомерность сопоставления разных языков обусловлена общетеоретическими научными критериями. Обосновывая этот тезис, Бодуэн де Куртенэ вынужден был попутно опровергать некоторые устоявшиеся предубеждения, основанные на субъективистских взглядах современных ему языковедов.

Первое из них связано с успехами сравнительно-исторического языкознания. Смысл его сводится к тому, что научный интерес представляет только сопоставление родственных языков. Бодуэн де Куртенэ обращает внимание на то, что научный интерес представляет также и сопоставление неродственных языков: языки, не

зависимо от их происхождения, едины в своей биологической и социальной сути.

Второе предубеждение основано на стереотипе неоспоримости европейской, особенно немецкой, науки. Бесспорно, что немецкие языковеды внесли большой вклад в науку о языке. Но это не означает их монополии на истину. Наука не ограничена национальными рамками. «Нет ни европейской, ни американской, ни французской, ни английской, ни немецкой, ни русской, ни польской науки, а есть только одна наука, наука общечеловеческая» [Бодуэн де Куртенэ, т. I, с. 363].

Обосновывая необходимость сопоставительного изучения разных по своему происхождению языков, Бодуэн де Куртенэ тем самым разрушал некоторые сложившиеся стереотипы, препятствовавшие разработке проблем теоретического языкознания. Дальнейшее развитие науки о языке показало, насколько важны для типологического языкознания, устанавливающего универсальные свойства человеческого языка, сопоставления неродственных языков.

Новым этапом в разработке рассматриваемой проблемы, с учетом достижений языкознания XX в., является статья А.А. Реформатского «О сопоставительном методе», опубликованная в 1962 г.

Прежде всего автор считает необходимым различать сравнительно-исторический и сопоставительный методы. Первый из них направлен на поиск в языках схожего и отсеивание различного. «Его цель – реконструкция бывшего через преодоление существующего» [Реформатский 1987, с. 40].

Сопоставительный метод, наоборот, направлен на выявление различного, присущего каждому языку в отдельности. Он «должен опасаться любого схожего, так как оно толкает на нивелировку индивидуального и провоцирует подмену чужого своим. Только последовательное определение контрастов и различий своего и чужого может и должно быть законной целью сопоставительного исследования языков» [Реформатский 1987, с. 41].

Сравнительно-исторический метод опирается на данные современных языков и на их историю. Сопоставительный метод исследует языки только в их современном состоянии.

Основное содержание сопоставительного метода Реформатский сводит к трем положениям, которые представляют собой аз-

буку этого метода и должны учитываться как при сопоставительном исследовании языков, так и при переводе с одного языка на другой.

1. Язык идиоматичен как по форме, так и по содержанию. Его индивидуальное своеобразие проявляется на всех уровнях языковой системы. Так, на уровне фонем идиоматичность заключается в том, что нет двух языков, которые совпадали бы между собой в количестве и качестве фонем, их аллофонов и в правилах их сочетаемости друг с другом. Те же критерии можно применить и к другим языковым единицам – и получить такой же результат.

Идиоматичность языков зависит от многих факторов. Даже близкородственные языки, обладая высокой степенью фонетического, грамматического и лексического сходства, как русский и белорусский, чешский и словацкий, болгарский и македонский, таджикский и персидский, тем не менее характеризуются своей неповторимой индивидуальностью.

Наличие или, наоборот, отсутствие той или иной лексической или грамматической категории в языке не является достоинством или недостатком языка, а свидетельствует о специфике, т.е. идиоматичности его формальной и смысловой структуры.

2. Системность языка так же, как и свойство идиоматичности, охватывает все его уровни. Любая языковая единица получает свое значение, а точнее, *значимость* только в составе определенной системы. Большинство мягких согласных в русском языке относится к числу отдельных фонем, а в английском языке мягкость – различительный признак только аллофонов.

Следствием системности языковых единиц, в том числе и научных терминов, в частности лингвистических, является такое их свойство, как несовпадение смыслового содержания в разных языках. Например, термины *глагол*, *прилагательное*, *прошедшее время*, *надеж* в русском и немецком или в русском и английском, немецком и английском языках обладают разным смысловым содержанием. В русском языке глаголу свойственна грамматическая категория вида, отсутствующая в немецком и английском языках. В русском и немецком языках прилагательное изменяется по родам и числам, в английском языке у прилагательного нет формы словоизменения, так как отсутствуют соответствующие грамматические категории. По-разному представлена категория глагольного време-

ни. Смысловое содержание этой категории в русском языке включает три времени, в немецком – пять, а в английском – 14. Разной смысловой наполненностью характеризуется категория падежа в сопоставляемых языках. В английском языке эта морфологическая категория отсутствует, в немецком представлена четырьмя падежами, а в русском – шестью.

Даже беглая, далеко не полная характеристика содержания приведенных выше грамматических терминов свидетельствует о семантической неоднозначности аналогичных терминов в разных языках.

Особый интерес для сопоставительного метода, как считает Реформатский, представляют близкородственные языки по причине «соблазна отождествления своего и чужого» [Реформатский 1987, с. 42]. Примером такого отождествления в лексике могут служить межъязыковые омонимы, или «ложные друзья переводчика»: рус. *скоро*, польск. *skoro* «если», рус. *подражать*, польск. *podrażać* «повышать цену», рус. *живот*, чеш. *život* «жизнь», рус. *красный*, чеш. *krásný* «красивый».

Такого же рода «ложные друзья переводчика» свойственны некоторым грамматическим формам близкородственных языков. Так, словоформа *мислел* в болгарском языке обозначает не прошедшее время глагола со значением «думал» или «мыслил», как можно предположить по его созвучию с соответствующим русским глаголом, а настоящее время, 3-е лицо, пересказывательное наклонение. На русский язык эта словоформа переводится таким образом: «Наверно, он думает / Мне известно (из каких-то косвенных источников), что он думает».

3. Результаты сопоставительного исследования языков образуют ту теоретическую базу, на которой должна строиться методика преподавания неродного языка. Только сопоставительное языкознание может представить аргументированное и убедительное объяснение многих, казалось бы, совершенно непонятных с позиции здравого смысла фактов, связанных с усвоением неродного языка. Известный востоковед Е.Д. Поливанов вспоминал о своем разговоре с японцем во время языковой практики. Услышав фамилию языковеда, японец произнес ее *Пориванофу*. Поливанов попытался его поправить: мол, моя фамилия – *По-ли-ва-нов*. – Да, да, – ответил японец, – я понял. Ваша фамилия – *Пориванофу*. Этот пример

свидетельствует о том, насколько глубоко влияние родного языка, и оно проявляется наиболее отчетливо при усвоении иноязычных элементов, образующих, естественно, другую систему.

Известно, что трудности усвоения одного и того же языка носителями разных языков неодинаковы, и «они выявляются лишь в двустороннем (бинарном) сопоставлении» [Реформатский 1987, с. 45].

Поэтому только сопоставление фонетических возможностей русского и японского языков позволяет объяснить причину необычного произношения японцем русской фамилии. Замена *л* на *р* объясняется отсутствием в фонетической системе японского языка звука, аналогичного русскому *л*. Конечный согласный /*л*/, в силу особенностей слоговой структуры японского слова, воспринимается его носителем с призвуком гласного, в результате чего русский суффикс *-оф* в произношении превратился в *-офу*.

Существенной предпосылкой сопоставительного исследования являются понятия *языка-эталона*, или *метаязыка*, а также *эквивалента*.

Эти понятия характеризуются разной сферой их применения. Понятие языка-эталона используется при сопоставлении языковых систем в целом или их подсистем – отдельных уровней, семантических полей, лексико-семантических групп, словообразовательных гнезд и т.д. В этих случаях создается особый язык для описания сопоставляемых явлений – система терминов, обозначающих языковые единицы и отношения между ними. Возможно использование уже существующих терминов, но адаптированных к решению новых задач.

Такой язык, включающий термины сопоставительного языкознания, специально созданные для решения конкретных задач, поставленных исследователем, называется метаязыком (от греч. *μετά* / *metá* «вместо; вместе, между, среди, в числе»). Метаязык, таким образом, можно определить как искусственную знаковую систему, которая используется для описания других знаковых систем.

По своему строению метаязык представляет собой сокращенный вариант сопоставляемых языков, тот общий знаменатель, к которому приводятся эти языки.

Эквиваленты (от лат. *aequus* «равный, одинаковый», *valens, valentis* «сильный, прочный; здоровый»), таким образом, обозначают

две или несколько языковых единиц одного, двух, нескольких языков, которые в каком-либо отношении являются равноценными друг другу, а в метафорическом смысле, в соответствии с этимологией, их можно назвать равносильными друг другу.

Эквиваленты могут быть внутриязыковыми и межъязыковыми, полными и неполными. Примером внутриязыковых эквивалентов являются синонимы. К межъязыковым относятся, например, словарные эквиваленты, приводимые в двуязычных словарях.

Так, понятия «сын тех же родителей по отношению к другим детям» и «дочь тех же родителей по отношению к другим детям» в русском языке выражаются словами *брат* и *сестра*, в немецком – *Bruder, Schwester*, в английском – *brother, sister*, в итальянском – *fratello, sorella*.

Слова со значением «брат» и «сестра» в приведенных примерах из разных языков совпадают в основных смыслах. Поэтому лексемы *брат* – *brother*, *брат* – *Bruder*, *брат* – *fratello*, *сестра* – *Schwester*, *сестра* – *sister*, *сестра* – *sorella* являются полными эквивалентами.

Между приведенными выше лексемами в русском, немецком, английском и итальянском, с одной стороны, и соответствующими китайскими лексемами существуют отношения неполной, или частичной, эквивалентности. Двум лексемам индоевропейских языков в китайском соответствует шесть лексем – по три для лексемы *брат* и *сестра*: *диди* / *гэгэ* / *чжансюн* – «младший брат» / «старший брат» / «самый старший брат» и *мэймэй* / *цзецзе* / *чжаницзы* – «младшая сестра» / «старшая сестра» / «самая старшая сестра».

В китайском языке приведенные лексемы различаются по полу и по возрасту. Различие по полу свойственно также приведенным индоевропейским языкам, а по возрасту – не свойственно. Есть языки, в которых сравниваемые лексемы не дифференцируются ни по возрасту, ни по полу. Таким языком является индонезийский, в котором значения «брат» и «сестра» выражаются одним словом – *saudara*.

Существует мнение, что любое сопоставление языков предполагает, как минимум, интуитивное использование некоего сложившегося в представлении исследователя языка-эталона, с которым и сравнивается описываемый им язык. Чаще всего таким эталоном выступает его родной язык. Это связано с некоторой привычкой,

психологической предрасположенностью сравнивать «чужое» со «своим», в конечном счете – с некоторым удобством как в теоретическом, так и в практическом плане.

Целенаправленное использование понятий языка-эталона, или языкового эквивалента, позволяет выявить некоторые общие принципы, лежащие в основе сопоставляемых языков, и тем самым найти тот «общий знаменатель», который объединяет описываемый язык и язык, используемый в качестве инструмента описания.

§ 57. Методы структурной лингвистики

Структурализм представлен несколькими направлениями – Пражской функциональной лингвистикой, Американской дескриптивной лингвистикой и Копенгагенской глоссематикой. Эти направления, возникшие на одной теоретической базе – учении Ф. де Соссюра, объединены общим пониманием задач исследования, при котором проводится четкое разграничение языка и речи, синхронии и диахронии, синтагматики и парадигматики. Определяющим понятием, характеризующим разные направления структурализма, является положение о системности структуры языка.

Однако, несмотря на общность принципов, разработанных в структурной лингвистике, каждое из этих направлений по-своему понимало предмет научного исследования, по-своему формулировало задачи и цели научного анализа и выработало свои специфические приемы исследования языка. Отличительная особенность методов и приемов, созданных в рамках структурной лингвистики, заключается в их тесной связи с понятием системности. Понятие системности характеризует не только язык в целом. Системность пронизывает все части языковой структуры. Благодаря этому свойству удалось обнаружить в структуре языка новые качества, не замеченные предшествующими поколениями лингвистов, удалось увидеть, что «в *кажущемся* беспорядке языковых фактов скрыт таинственный и *удивительный* порядок» [Гийом, с. 7. Курсив автора цитаты. – А.Г.].

В разных направлениях структурной лингвистики созданы свои исследовательские приемы.

Рассмотрим наиболее распространенные – дескриптивный метод, а также компонентный, трансформационный и оппозитивный анализы. Дескриптивный метод используется как для решения общетеоретических, так и частных вопросов. Созданный первоначально для описания языков американских индейцев, не имеющих письменности, в дальнейшем он получил широкое применение при описании языков с многовековой письменностью, как, например, английский или русский.

Компонентный, трансформационный и оппозитивный анализы применяются при решении частных вопросов. В определении статуса названных научных приемов нет единства. В одних работах их называют методами, в других – анализами.

Так, в специальной литературе компонентный анализ иногда называют *компонентным методом*, или *методом компонентного анализа*. Первое название свидетельствует о том, что границы между научными приемами не являются незыблемыми. Вполне можно предположить, что научный прием может стать полноценным научным методом. Но для этого необходимо соблюдение тех условий, которые вытекают из определения понятия «метод» (См.: § 52). Второе название включает в свое значение скрытую тавтологию. В составе семантики термина *метод* по определению предполагается логическая операция «анализ» (наряду с классифицированием и синтезом). Поэтому название «метод компонентного анализа» представляется неудачным.

Были попытки расширить возможности трансформационного анализа. Показать, что трансформация является чем-то вроде всеобщего закона, действию которого подчиняются все механизмы языковой системы. Но пока что всеобщий закон трансформации не обнаружен. Известны только определенные проявления этой категории, которые в равной мере могут свидетельствовать как о наличии, так и об отсутствии такого закона.

1. Дескриптивный метод

Содержательно дескриптивный метод (от англ. *descriptive* «описательный»), несмотря на свое название, имеет мало общего с описательным методом. Если теоретическую основу описательного метода составляет традиционная логика, то дескриптивный метод

опирается на лингвистические критерии, разработанные в рамках дескриптивной лингвистики для синхронного исследования языка.

Дескриптивный метод был создан в первые десятилетия XX в. для описания бесписьменных языков американских индейцев. Характер анализируемого материала, не зафиксированного в письменных памятниках, способствовал выработке строго синхронных приемов исследования, взаимосвязанных друг с другом. Взаимосвязанность проявляется в том, что выполнение последующего действия зависит от выполнения предыдущего действия. Эта особенность хорошо прослеживается на примере применения дескриптивного метода, включающего в себя три этапа анализа языкового материала – *сегментацию*, *идентификацию* и *аранжировку*.

На *первом этапе*, называемом сегментацией, выделяются в тексте языковые единицы. При этом используется прием *замещения*, при помощи которого выявляются идентичные сегменты. Примеры замещения – слова в синонимическом ряду или личные местоимения, употребляемые вместо имен. Сегментом может быть фонема, морфема, слово. При выделении морфем используют «квадрат Гринберга» (См.: § 43). Аналогичным способом можно сегментировать текст на фонемы или слова.

На *втором этапе* – идентификации производится разграничение самостоятельных языковых единиц и их вариантов. Для решения этой задачи используется *дистрибуция* (от лат. *distribuo / distribuere* «распределять, разделять»). Этот термин обозначает совокупность всех окружений, в которых может выступать тот или иной элемент языковой системы. При идентификации фонем учитывается их фонемное окружение, а при идентификации морфем – морфемное окружение, т.е. их сочетаемость с другими фонемами или морфемами.

Существует три типа дистрибуции:

1. *Контрастная* дистрибуция – такое распределение языковых единиц, при котором единицы, встречающиеся в одних и тех же окружениях, служат для различения смысла более крупной единицы, в состав которой они входят. Именно поэтому звуки /т/ и /д/ в словах *том* – *дом*, как и звуки /о/ и /а/ в словах *дом* – *дам*, – самостоятельные звуки (фонемы), а не варианты, хотя в некоторых случаях они могут произноситься одинаково. Разными суффиксами, а не вариантами одного суффикса следует считать суффиксы (сег-

менты) *-ен, -ан* в словах *ветренный* (человек), *ветряной* (двигатель): эти суффиксы придают словам разные значения.

2. *Дополнительная* дистрибуция – распределение одинаковых по значению языковых единиц таким образом, что они никогда не встречаются в одинаковом окружении, как, например, сегменты *-ениј* (*спасение, нападение*) и *-тиј* (*закрытие, отплытие*). Сегменты *-ениј* и *-тиј* обладают одинаковым значением – «действие, названное производящим глаголом». Точно так же не употребляются в одном и том же окружении сегменты *-ость* и *-есть*; *-есть* употребляется после шипящих и мягких согласных – *свежесть, горесть*, а в остальных случаях – *-ость* (*радость, скорость, верность*). Поэтому сегменты *-ениј, -тиј*, а также *-ость, -есть* не самостоятельные морфемы, а варианты двух морфем: *-ениј / -тиј, -ость / -есть*.

3. *Факультативная* дистрибуция (свободное варьирование) – такое распределение, когда одинаковые по значению, но разные по форме языковые единицы возможны в одном и том же окружении, как, например, окончания творительного падежа существительных, прилагательных, местоимений: *с твоей старшей сестрой – с твоєю старшею сестрою*.

На *третьем этапе* дескриптивного описания языка, называемом аранжировкой, исследователь производит упорядочение языковых единиц, полученных в результате дистрибутивного анализа. Определяются взаимоотношения между единицами разных классов, а также устанавливаются правила их сочетаемости.

Методика лингвистического исследования с помощью дескриптивного метода разработана настолько подробно, что может быть применена механически. Так применяют алгоритм или инструкцию по использованию какого-либо устройства, где всё необходимое для включения его в работу выражено с максимальной полнотой и ясностью.

Поскольку дескриптивный метод использовался при описании языков, которыми исследователь далеко не всегда владел в достаточной мере, то обстоятельства вынуждали его обращаться за помощью к *информанту*, т.е. к лицу, для которого описываемый язык является родным. От информанта он должен получить утвердительный или отрицательный ответ на вопросы, связанные с практическим употреблением языка. Используют ли говорящие данную языковую форму или не используют? Являются ли сравниваемые

формы равнозначными? На основании полученных ответов исследователь делает теоретические обобщения о статусе анализируемых языковых форм, их функции, их месте в языковой системе.

Следует отметить, что дистрибуция как исследовательский прием особенно эффективна на уровне фонем и морфем. Менее эффективна на уровне лексем и не применима на уровне предложений. Тем не менее дистрибутивный анализ (иногда его называют методом) приобрел статус самостоятельного научного приема и в период расцвета структурализма широко применялся в лингвистических исследованиях.

Как показало дальнейшее развитие науки о языке, такие понятия дескриптивной лингвистики, как *дистрибуция*, *аллофон*, *алломорф*, вошли в актив науки о языке и получили дальнейшую разработку.

2. Компонентный анализ

Компонентный анализ представляет собой исследование значимых единиц языка путем разложения их на мельчайшие, далее не членимые смысловые компоненты (от лат. *componens* «составляющий»). В отличие от морфологического анализа, формального по своему содержанию, компонентный анализ является смысловым, семантическим анализом.

Значение слова, а точнее, его семантическая структура, состоит из мельчайших смысловых компонентов – *элементарных смыслов*, *семантических множителей*. Эти мельчайшие семантические компоненты слова называются **семами** (от греч. *σημα* / *sēta* «знак, признак, отметка»), а совокупность сем, образующих значение слова, – **семемой**.

Компонентный анализ впервые был продемонстрирован на примере слов, обозначающих термины родства, в составе которых эти признаки представлены более отчетливо, чем в других семантических группах. В значении слов *брат* – *сестра* выделяются такие семы: ‘ребенок одних родителей’ и ‘мужской’ / ‘женский’. Первая сема общая: она входит в семантическую структуру обоих слов. Вторая сема – дифференциальная, семантически существенная: она различает эти слова по смыслу.

Между формальной и смысловой стороной слова есть определенная связь. В одних случаях эта связь может быть симметричной в том смысле, что каждой формальной единице соответствует смысловая единица, как, например, в словах *замочек*, *столлик*, *дверца*, помимо значений, присущих производящим основам: *замок* «приспособление для запираения чего-либо ключом», *стол* «предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на высоких опорах, ножках», *дверь* «отверстие в стене для входа и выхода», – содержится сема ‘малый’, соответствующая суффиксам с уменьшительным значением: *-ек*, *-ик*, *-ц*. В других случаях, а таких случаев большинство, никакой симметрии не наблюдается. Кроме того, сема «малый» может и не иметь формального выражения: *атом* «наименьшая частица химического элемента, которая является носителем его химических свойств», *капля* «маленькая частица жидкости, принявшая округлую форму», *рюмка* «небольшой сосуд на ножке».

При выделении сем в составе слова необходимо рассматривать его не изолированно, в отрыве от других слов, а в определенной системе. Для этого анализируемое слово сравнивают с другими словами, сходными по значению. Так, чтобы выделить семы в слове *идти*, сравниваем его со словами *ехать*, *лететь*, *ползти*, *бежать*, *ходить*. У всех этих слов общая сема – *архисема* ‘передвигаться’. Вместе с тем у каждого из этих слов есть свои специфические признаки. Глаголы *идти*, *ехать*, *лететь* различаются способом передвижения: *ехать* = ‘передвигаться при помощи наземного транспорта’, *лететь* = ‘передвигаться при помощи летательных аппаратов или при помощи крыльев’; *идти* = ‘передвигаться при помощи ног’.

Сравнение значений глаголов *идти* – *ползти* позволяет выявить еще один компонент смысла семемы «идти» – ‘передвигаться в вертикальном положении’ – в отличие от *ползти* – ‘передвигаться по поверхности всем телом, в горизонтальном положении’.

Глаголы *бежать*, *мчаться*, *идти* характеризуются разной степенью скорости: *бежать* = ‘передвигаться быстро’, *мчаться* = ‘передвигаться очень быстро’, *идти* = ‘передвигаться с нормальной скоростью’.

Наконец, сопоставление семантики глаголов *идти* и *ходить* позволяет выявить у этих слов такие семы: *идти* = ‘передвигаться

в одном направлении', *ходить* = 'передвигаться в разных направлениях'.

Таким образом, семема глагола *идти* состоит из сем: 'передвигаться', 'при помощи ног', 'в вертикальном положении', 'с нормальной скоростью', 'в одном направлении'; семантическая структура глагола *ходить*, кроме архисемы 'передвигаться', включает семы: 'при помощи ног', 'в вертикальном положении', 'с нормальной скоростью', 'в разных направлениях'. У глаголов *идти*, *ходить* три семы совпадают: 'двигаться при помощи ног', 'двигаться в вертикальном положении' и 'двигаться с нормальной скоростью'. Одна сема у этих глаголов не совпадает и служит для различения их смысла: 'двигаться в одном направлении' – 'двигаться в разных направлениях'.

Семы, выделенные для глагола *идти*, по-разному представлены в семантике других глаголов движения. Если для глагола *идти* существенна сема 'двигаться в вертикальном положении', то для глаголов *лететь* или *ехать* эта сема несущественна. Глагол *ползти* в зависимости от того, с каким подлежащим он сочетается, реализует разные семы: 'передвигаться по поверхности всем телом' (*Змея ползет*); 'двигаться, передвигаться медленно' (*Автобус ползет*).

Различия в семном составе глаголов движения можно представить в виде табл. 8. Цифрами обозначены семы: 1 – архисема 'передвигаться' и семы: 2 – 'при помощи ног', 3 – 'по поверхности всем телом', 4 – 'при помощи наземного транспорта', 5 – 'при помощи воздушного транспорта', 6 – 'в вертикальном положении', 7 – 'в горизонтальном положении', 8 – 'с нормальной скоростью', 9 – 'ускоренно', 10 – 'в одном направлении', 11 – 'в разных направлениях'.

Наличие или отсутствие семы обозначается знаками «+» или «-»; «0» обозначает, что отмеченная сема для данного слова несущественна.

Все приведенные в табл. 8 глаголы многозначны. По данным словаря В.В. и Л.Е. Лопатиных, у глагола *идти* – 23 значения, *ехать* – 4, *лететь* и *бежать* – по 5, *ползти* и *ходить* – по 8 значений. Поэтому представленный в таблице компонентный анализ охватывает не все значения приведенных глаголов, а только те, которые связаны со смыслами 'двигаться при помощи ног', 'с определенной скоростью', 'в определенном направлении'.

Таблица 8

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Идти	+	+	–	–	–	+	–	+	–	+	–
Ехать	+	–	–	+	–	0	0	+	–	+	–
Лететь	+	–	–	–	+	0	0	+	–	+	–
Бежать	+	+	–	–	–	+	–	–	+	+	–
Ползти	+	–	+	–	–	–	+	+	–	+	–
Ходить	+	+	–	–	–	+	–	+	–	–	+

Остальные значения этих глаголов, если последовательно придерживаться применения компонентного анализа, образуют другие лексемы, каждая из которых обладает своим набором элементарных смыслов и может быть подвергнута компонентному анализу. Например, в семантической структуре лексемы *идти* выделяются такие значения, как 1) «двигаться, развиваться в каком-нибудь направлении: *Идти к намеченной цели*; 2) «быть готовым, соглашаться, решаться на что-нибудь: *Они идут на наши условия*»; 3) «об атмосферных осадках: падать: *Идет снег. Дождь идет*»; 4) «Подходить, соответствовать, быть к лицу: *Шляпа тебе идет*»; 5) «о пьесе, спектакле, фильме и т.п.: исполняться, ставиться: *Этот фильм больше нигде не идет*» [Лопатины, с. 198–199].

Здесь перечислены далеко не все значения глагола *идти*, которые выделяются не в «большом», а в «среднем» словаре русского языка. Но и приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться, насколько сложна семантическая структура этого глагола, под одной фонетической оболочкой которого скрываются разные смыслы. Одни из них, близкие друг другу по своей семантике, образуют *варианты* семемы. Другие, обладая разным набором сем, представляют *разные* семемы. В первом случае лексема характеризуется многозначностью, а во втором она распадается на омонимы.

3. Трансформационный анализ

В этом же смысле употребляются также термины *трансформационный метод*, *трансформационная модель*. Трансформационный анализ / метод (от лат. *transformatio* «преобразование, превраще-

ние») – способ преобразования языковых единиц по определенным правилам с целью выявления их смысловой структуры. Эта разновидность научного исследования разрабатывалась на синтаксическом материале – словосочетаний и предложений, хотя известны попытки применить ее к анализу других языковых единиц.

Трансформационный метод исходит из того, что все многообразие синтаксических конструкций языка можно вывести из сравнительно небольшого количества простых конструкций. Эти конструкции, называемые *ядерными*, образуют центр, или ядро, синтаксической системы языка. Они представлены простыми утвердительными предложениями, сказуемое которых выражено глаголом настоящего времени изъявительного наклонения.

Ядерные предложения описывают элементарные ситуации, количество которых, в отличие от количества предложений в языке, не является бесконечным. Так, ситуация «активное воздействие субъекта на объект» может быть описана при помощи разных синтаксических конструкций. С одной стороны, это значение передается в ядерных предложениях: *Рабочие строят дом; Землетрясение разрушает коммуникации; Крестьяне собирают урожай; Сознание определяет бытие*. С другой стороны, от этих предложений по определенным трансформационным правилам можно образовать их варианты (трансформы), т.е. предложения, выражающие то же значение, но обладающие другой синтаксической структурой: *Дом строится рабочими; Коммуникации разрушаются землетрясением; Урожай собирается крестьянами; Бытие определяется сознанием*.

Так как синтаксическая конструкция, подвергнутая трансформации, меняет только свою форму, а значение сохраняет полностью, то трансформацию можно использовать для разграничения синтаксической омонимии. Так, в русском языке родительный падеж при отглагольном существительном в одних случаях выражает значение субъекта (*пение птиц, приезд тёти*), а в других – значение объекта (*чтение книги, рубка леса*). В словосочетании *приглашение Петра* мы имеем дело с синтаксической омонимией: родительный падеж *Петра* совмещает в себе одновременно и значение субъекта и значение объекта. Только замена отглагольного существительного соответствующим глаголом устраняет двусмысленность: *Пётр пригласил кого-то, кто-то пригласил Петра*.

Трансформацию следует отличать от других способов преобразования языковых единиц, например, образования прилагательных от существительных (*школа – школьный, железо – железный*), глаголов – от прилагательных (*белый – белеть, старый – стареть*), существительных – от глаголов (*читать – чтение, встречать – встреча*). Трансформация в отличие от словообразования представляет собой формальное варьирование анализируемой единицы. Поэтому лексемы, входящие в состав предложения или словосочетания, сохраняются, меняется только их грамматическая форма. Сохраняется также и содержание трансформируемой языковой единицы. Словообразование – это не варьирование, а производство отдельных языковых единиц, которые в одних случаях сохраняют лексическое значение, а в других – существенно меняют его.

4. Оппозитивный анализ

В основе этого научного приема лежит понятие фонологической оппозиции, адаптируемое соответствующим образом к исследованию материала морфологии, словообразования и лексики (см. § 21).

Всякое научное описание в скрытой или явной форме предполагает противопоставление, так как в самой языковой действительности между ее компонентами существуют такие отношения, которые с неизбежностью провоцируют их противопоставление друг другу. Оппозиции, по мнению известного французского лингвиста Андре Мартине, образуют «основу всякой языковой реальности».

Осознание оппозиции как одного из способов научного описания сформировалось благодаря теоретическому осмыслению понятий фонетики, представленному в классической работе Н.С. Трубецкого «Основы фонологии».

Из многочисленных отношений между языковыми единицами в качестве исходного выбрано противопоставление. Но противопоставляться, как известно, могут только такие единицы (равно как и предметы материального мира), у которых есть общая смысловая (или материальная) часть. Сопоставление или противопоставление, не соответствующие этому требованию, нельзя считать оппозицией.

Оппозитивный анализ, разработанный на фонетическом материале, стал эффективным средством исследования и других язы-

ковых единиц. Кроме того, оказалось, что и фонемы, и морфемы, и лексемы подчиняются действию одинаковых закономерностей.

В терминах оппозиции описываются не только отношения между разными типами слов. Понятие оппозиции может служить основой для решения общетеоретических вопросов, о чем убедительно свидетельствуют работы Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова, в которых предпринимается попытка реконструировать праславянские религиозные тексты. Авторы исходят из того, что структура древнего текста «определялась несколькими основными противопоставлениями, которые находились в отношении синонимии друг к другу или же представляли собой более конкретную символизацию одной главной оппозиции» [Иванов, Топоров, с. 63].

Основной оппозицией, объединяющей множество других оппозиций, является различие положительного и отрицательного. Внутри этой позиции существуют такие противопоставления, как *счастье / несчастье, жизнь / смерть, чёт / нечёт, правый / левый, верх / низ, небо / земля, земля / преисподняя, солнце / луна, светлый / темный, свой / чужой, белый / черный, весна / зима* и др. Характерно, что вторые слова выражают отрицательные понятия. Реконструкция праславянских текстов позволяет авторам поставить еще один теоретический вопрос – о происхождении славян и их прародине.

Понятие оппозиции получило свое дальнейшее развитие в *дихотомической теории*, разработанной Р.О. Якобсоном (от греч. *διχτομία / dichotomia* «разрубание пополам, разделение надвое»). В этой теории все типы фонологических оппозиций сводятся к *бинарным* привативным оппозициям (от лат. *binarius* «двойной, состоящий из двух частей, двоичный»). Члены таких оппозиций противопоставлены как антонимы: *звонкий / глухой, мягкий / твердый*. На базе этой теории было выявлено 12 пар различительных признаков гласных и согласных фонем, при помощи которых можно описать фонологические системы всех языков мира (ср. §18).

Оппозитивный анализ как научный прием ставит своей целью определить отношения между языковыми единицами, аналогичные тем, которые существуют между фонемами. Такой подход базируется на положении, суть которого можно сформулировать таким образом: отношения, свойственные единицам более низкого уровня, повторяются в единицах более высокого уровня.

Отношения, описываемые оппозитивным анализом, характеризуют связи между однотипными языковыми единицами в пределах одного языкового уровня. Между языковыми единицами разных уровней тоже существуют определенные отношения, называемые *иерархическими*, указывающие на формальную зависимость одних языковых единиц от других. Более сложные языковые единицы образуются от более простых по правилам сочетаемости, специфическим для каждого языкового уровня. Так, сочетания фонем в определенной последовательности образуют морфему, а сочетания морфем, лексем, словосочетаний образуют соответственно лексему, словосочетание и предложение.

§ 58. Когнитивный анализ

Научный прогресс, создание новых теорий и направлений способствуют появлению новых методов и новых приемов научного анализа. Одним из таких приемов, возникших в последние десятилетия XX в. и активно разрабатываемых в настоящее время, является *когнитивный анализ* (от латинского глагола *cōgnōscō* «познавать, постигать», причастие *cōgnitus*).

В специальной литературе существуют и другие названия: когнитивно-дискурсивный анализ, или семантико-когнитивный анализ [Попова, Стернин, с. 18, 21]. Кроме того, некоторые авторы называют когнитивный анализ методом. Такая двойственная номинация одного и того же понятия связана не только с многозначностью термина «метод», но и со стремлением к более точному обозначению используемого научного приема. Как показывает практика, этот способ описания может использоваться и как метод со всеми его компонентами и как один из компонентов метода.

Когнитивный анализ / метод разрабатывается в рамках *когнитивной лингвистики* и используется как один из ее исследовательских приемов. Когнитивная лингвистика рассматривает язык как средство формирования, обработки и передачи информации, а его развитие и функционирование – как результат действия человеческого фактора. Такой подход не противоречит традиционному взгляду на язык, но в то же время весьма существенно меняет направление исследования языка. Язык действительно образовался

благодаря осознанной, а также и неосознанной деятельности человека, и не все в языке подвластно его языкотворческой деятельности. Не зависят от влияния человека фундаментальные свойства языка, в частности его знаковость. Человек не может нарушить единство означаемого и означающего языкового знака – и не только языкового, но и любого другого знака. Не может он также нарушить принцип двойного членения языковых единиц. Но он может создать новые знаки, правда, по образцу старых знаков, сохраняя при этом единство означаемого и означающего.

Следы деятельности человека, оставленные в языке многими поколениями людей, заметнее всего в использовании переносных значений слов, метафор, способов номинации предметов и явлений окружающего мира, в образовании производных слов, идиом, в формировании лексем в синонимический ряд и др.

Называя человека лисой или бараном, говорящий приписывает упоминаемому лицу свойства, которыми якобы обладают эти животные, – хитрость или непрошибаемая тупость. Но в природе все обстоит по-другому. Лиса не умнее волка, а баран не глупее козла или лошади. Индивидуальными качествами, свойственными человеку, наделил их именно человек, а не природа, превратив тем самым вполне обычных животных в определенные символы.

Другим примером вмешательства человека в семантическую структуру языка могут служить разного рода классификации, например, растений, на основании которых в сознании носителей разных языков выделяются такие группы растений, как полезные, т.е. съедобные или целебные, вредные или ядовитые и бесполезные, т.е. несъедобные и неядовитые.

Ни в одной классификации, основанной на научных критериях, подобные группы растений не выделяются. Полезными или вредными могут быть растения не сами по себе, а только благодаря восприятию человека, их влиянию на его организм. Такой утилитарный подход, заключающий в себе оценку, не является объективным, научным в традиционном понимании этого слова. Это субъективный подход, основанный на когнитивных критериях восприятия мира.

Материал, заключающий в себе когнитивную информацию, отличается чрезвычайной сложностью: в нем зашифрован особым образом взгляд человека на окружающий мир. Поэтому сбор ма-

териала для лингвистического анализа представляет не меньшую трудность, чем сам когнитивный анализ.

Когнитивный анализ / метод, как и другие способы исследования языка, включает те же составные части, которые свойственны, например, описательному или сопоставительному методам. На каждой ступени описания, будь то анализ, классифицирование или интерпретация, выделяются формальные и семантические аспекты исследуемого материала.

Формальная сторона анализа сводится к выявлению в тексте частей речи или других формальных разрядов слов, заключающих в себе когнитивную информацию. Одним из возможных вариантов анализа когнитивной семантики может быть учет тех направлений когнитивной лингвистики, которые выделяются в настоящее время [см.: Попова, Стернин, с. 16–17] – культурологическое, лингвокультурологическое, семантико-когнитивное, философско-семиотическое, логическое. Выбрав в качестве исходного одно из перечисленных направлений, необходимо придерживаться той системы понятий, которая свойственна данному направлению. Классификация может быть проведена как на основе формальных, так и семантических признаков. Однако следует отметить, что выделение групп на основе семантических признаков при использовании когнитивного анализа предпочтительнее по определению. В когнитивных исследованиях большое внимание уделяется метафоре как одному из способов отражения в человеческом сознании концептуальной картины мира. Но это отражение, зашифрованное в метафоре, заключает в себе смыслы, не имеющие ничего общего с явлениями окружающего мира, который в воображении разных людей может представляться как дремучий лес, цветущий сад, бесплодная и безжизненная пустыня, каменный мешок и т.п. Такого рода образы говорят не столько об окружающей действительности, сколько о самом человеке, воспринимающем эту действительность. Именно поэтому они представляют научный интерес при изучении языковой картины мира, существующей в сознании людей, принадлежащих к разным языковым культурам.

Интерпретация когнитивного материала зависит от того, какое из названных выше направлений когнитивной лингвистики выбрал исследователь.

Естественно, что выводы, полученные в рамках культурологического направления, будут отличаться от выводов, полученных в логическом или семантико-когнитивном направлении. Следует заметить, что эти выводы не исключают друг друга и не противоречат друг другу. Они касаются разных сторон исследуемого явления.

§ 59. Методы и приемы: их взаимосвязь

Методы и приемы, как правило, четко разграничиваются в общетеоретических работах и специальных лексикографических описаниях. В практическом применении, в некоторых научных работах границы между этими понятиями оказываются размытыми, в результате чего приемы называются методами, а методы – приемами.

Как было показано выше (см. § 52–53), содержательно метод сложнее приема: в логической структуре любого метода заключено несколько приемов. Неодинаковы реальные и потенциальные возможности решения научных проблем при помощи методов и приемов. Чтобы эффективно использовать метод, исследователь должен обладать соответствующими знаниями, навыками и умениями. Четко осознавать цель своего исследования и уметь сформулировать его задачи. Наконец, сделать адекватные материалу обобщения, которые соответствовали бы уровню современной науки.

Прием таких действий не предполагает: он ограничен кругом простых рутинных задач, для решения которых достаточно элементарных знаний.

В применении научного метода исследователь может идти от конкретного материала к обобщениям, выводам и формулировке гипотезы. Но может быть и другой ход научного поиска: от гипотезы, предварительных обобщений, полученных дедуктивным путем, – к анализу конкретного материала, подтверждающего или опровергающего высказанную гипотезу.

Первый вариант – от конкретного материала к формулировке гипотезы, а при благоприятных условиях – и теории, был рассмотрен в предыдущих разделах, начиная с описательного метода и кончая когнитивным анализом.

Второй вариант применения научного метода можно представить таким образом [ср.: Шаумян, с. 95–96]: 1) возникает проблемная ситуация, например, необходимо определить степень системности словоизменения (= словоизменительных средств) русского языка; 2) формулируется гипотеза относительно системности словоизменения русского языка, например, такая: *словоизменительные средства русского языка образуют жесткую систему*; 3) гипотеза проверяется и уточняется на конкретном материале; 4) полученные результаты сопоставляются с высказанной гипотезой и как следствие уточняется ее формулировка.

Анализ конкретного материала позволяет уточнить выдвинутую гипотезу следующим образом:

1. Словоизменительные средства русского языка образуют четыре подсистемы – субстантивную, адъективную, глагольную и местоименную, в каждой из них наряду с системными отношениями существуют отношения, нарушающие принцип системности.

2. Нарушение системных отношений в субстантивной подсистеме проявляется в том, что а) многие существительные не образуют единственного или множественного числа; б) у многих существительных отсутствует категория рода; в) у некоторых существительных представлены неполные парадигмы; г) несколько существительных образуют множественное число супплетивным способом.

3. Нарушение системных отношений при словоизменении глаголов проявляется в следующих случаях: а) отсутствие полного соответствия в образовании глаголов совершенного и несовершенного вида – несколько глаголов образуют видовые пары супплетивным способом; б) неизменяемость безличных глаголов по лицам и числам; в) наличие дефектных парадигм и двувидовых глаголов.

4. Четвертая подсистема представлена личными и вопросительными местоимениями, в словоизменении которых отмечаются уникальность словоизменительных морфем: а) личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа и 3-го лица единственного числа женского рода; б) вопросительных местоимений в именительном падеже.

Обращает на себя внимание разная степень нарушения системных отношений в именных и глагольных подсистемах: бóльшая – в субстантивных и адъективных и меньшая – в глагольных подсистемах.

мах. Это различие между двумя подсистемами вполне объяснимо в рамках современных морфологических теорий относительно роли имени и глагола в составе предложения. Но это не имеет прямого отношения к рассматриваемой проблематике.

Итак, привлеченный к анализу конкретный материал позволил уточнить высказанную гипотезу о системном характере словоизменения русского языка. В окончательном виде эту гипотезу можно сформулировать, но уже в виде теории, следующим образом: *словоизменяемые средства русского языка образуют закрытую, сложную систему, имеющую многоступенчатое строение, не полностью жесткую, отмеченную в отдельных частях нарушениями системности.*

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта: Наука, 2005.
2. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966.
3. Барнет Вл. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М.: МГУ, 1983. С. 9–29.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. Т. I. С. 362–372.
5. Бодуэн де Куртенэ И.А. Сравнительная грамматика славянских языков // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. Т. II. С. 30–32.
6. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Опозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 348.
7. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004.
8. Гумбольдт В. фон. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков // В. фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 346–349.
9. Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 307–323.

10. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006.
11. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965.
12. Ослов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998.
13. Основы компонентного анализа / под ред. Э.М. Медниковой. М.: МГУ, 1969.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
15. Проблемы отношений эквивалентности в славянских языках / Под ред. С. Сятковского и Т.С. Тихомировой. М.: Диалог-МГУ, 1997.
16. Реформатский А.А. О сопоставительном методе // А.А. Реформатский. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 40–52.
17. Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / под ред. А.Г. Широковой. М.: МГУ, 1998.
18. Степанов Ю.С. Метод // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 298–300.
19. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.
20. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: ИЛ, 1960.
21. Шаумян С.К. Генотипический язык и формальная семантика // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М.: Наука, 1972. С. 92–165.
22. Шемякин М.А. Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта: Наука, 2005.

Задания

№ 1. Сравните тексты на белорусском (А), болгарском (Б) и польском (В) языках с их переводом на русский язык. На каком основании можно говорить о родстве между этими языками. Какая роль в определении родства языков принадлежит их лексике, грамматике, фонетике?

А. Цэлы гай старасвецкіх дубоў раскінуўся на беразе Нёмана... Такіх дубоў цяпер рэдка дзе ўбачыш. Іх не чапала рука людская, толькі даўнія часы палажылі свой след... Было тут, у дубах, адно месца, дзе Базыль любіў сядзець, пазіраць і думаць. Там, над абрывістым берагам Нёмана, стаяў стары прысадзісты тоўсты дуб (Якуб Колас).

Целая роща старосветских дубов раскинулась на берегу Немана... Такие дубы теперь редко где увидишь. Их не тронула рука

человека, только древние времена оставили свой след... Было здесь, в дубах, одно место, где Базыль любил сидеть, наблюдать и думать. Там, над крутым берегом Немана, стоял старый приземистый толстый дуб.

Б. Левски имаше среден ръст, сини очи и руса коса. Лицето му беше изпито от непрестанна мисъл, но се оживяше от една постоянна веселост. Странно! Тоя момък, който проповядваше опасната мисъл за свобода, за борба, за смърт, имаше весел нрав. Той беше голям песнопоец. Неведнаж горите на Стара планина са еквили от гласа му (Иван Вазов).

Левский был среднего роста, с синими глазами и светлыми волосами. Лицо его было измождено от непрестанной /работы/ мысли, но оживлялось постоянной веселостью. Странно! У этого молодого человека, который проповедовал опасные мысли о свободе, борьбе, смерти, был веселый нрав. Он был великим певцом. Не один раз горы Старой планины откликались на его голос.

В. Przyszli wygnańce na ziemię sybirską i obrawszy miejsce szerokie zbudowali dom drewniany, aby zamieszkać razem w zgodzie i w miłości braterskiej; było zaś ich około tysiąca ludzi różnego stanu.

A rząd dostarczył im niewiast, aby się żenili, albowiem dekret mówił, że posłani są na zaludnienie.

Przez jakiś czas był pomiędzy nimi wielki porządek i wielki smutek, albowiem nie mogli zapomnieć, że są wygnańcami i że już nie zobaczą ojczyzny; chyba Bóg zechce... (Juliusz Słowacki).

Пришли изгнанники в землю сибирскую и, выбрав широкое место, построили деревянный дом, чтобы жить вместе в согласии и братской любви; и было их тысяча человек разного звания.

А власти доставили им невест, чтобы женились, поскольку декрет гласил, что посланы они на заселение.

Какое-то время у них был порядок и большая печаль, поскольку не могли забыть, что они изгнанники и уже не увидят родины; разве что Бог пожелает...

№ 2. Определите фонетические соответствия между гласными русского и старославянского языков: а) соответствия между идентичными звуками; б) соответствия между неидентичными звуками.

Можно ли доказать, что соответствия между неидентичными звуками с точки зрения синхронии являются идентичными с точки зрения диахронии?

1) Десять – **ДЕСАТЬ**, пять – **ПАТЬ**, память – **ПАМАТЬ**, имя – **ИМА**, пламя – **ПАМА**;

2) рука – **РЖКА**, гусь – **ГЖСЬ**, путь – **ПЖТЬ**, угол – **ЖГЪЛЬ**, пеку – **ПЕКЖ**, руку – **РЖКЖ**;

1) ночь – **НОШТЬ**, мочь – **МОШТИ**, печь – **ПЕШТИ**, свеча – **СВЪШТА**, хочу – **ХОШТЖ**.

Напишите старославянские формы, соответствующие русским *иду, несу, суд, пламя, свят, печь* (глагол).

№ 3. Сочетанию каких звуков в литовском языке соответствуют старославянские носовые гласные?

ДЕСАТЬ – dešimt, **ПАМАТЬ** – atmintis, mintis, **ПАТЬ** – penki, **ЗАТЬ** – žentas, **РЖКА** – rankà, **ЖГЪЛЬ** – anglis, **ЗЖБЪ** – dantis.

№ 4. Приведенные в предыдущих заданиях соответствия «носовой гласный ≈ чистый гласный», «носовой гласный ≈ сочетание гласного с носовым согласным» отражают историю развития этих звуков в русском, старославянском и литовском языках.

Исходя из гипотезы, что в процессе развития звуки более сложной артикуляции были заменены звуками более простой артикуляции, определите хронологическую последовательность в образовании приведенных типов звуков: «чистый гласный – носовой гласный – сочетание гласного с носовым согласным». В каком из языков – русском, литовском или старославянском – сохранились исходные, т.е. наиболее древние формы, а в каких возникли инновации? Промежуточные формы?

№ 5. Определите фонетические соответствия между сочетаниями *-оло-, -оро-* в русском, болгарском, сербском и польском языках: рус. *молот, корова*, болг. *врата, влас, грах*, серб. *слама, брада*, пол. *złoto, głowa, proch*. Заполните приведенную ниже таблицу соответствующими словами славянских языков.

Таблица 9

Русское слово	Болгарское слово	Сербское слово	Польское слово
МОЛОТ	млат	млат	młot

№ 6. Определите индоевропейские языки. Сколько групп родственных языков представлено?

- 1) Брат, сестра, я, пять, сто, новый, солнце, пить;
- 2) гэгэ / диди, цзецзе / мэймэй, во, у, ибай, синь, тайян / жи, хэ;
- 3) бародар, хоҶар, ман, панч, сад, нав, офтоб, нушидан;
- 4) *fivér / bátya / öcs, növér / néne / hóg, én, öt, száz, új, nap, inni*;
- 5) адэльфос, адэльфэ, эго, пэнтэ, хэкато, нэос, хэлиос, пино;
- 6) бхаи, бахин, мэи, пач, сау, найа / нав, сурадж / сурйа, пина;
- 7) *saudara, saudara, saja, lima, seratus, baru, matahari, minum*;
- 8) вроп, хор, зъ, пиндзъ, съл, нъвай, лмар, цъшьл;
- 9) Bruder, Schwester, ich, fünf, hundert, neu, Sonne, trinken.

Примечание. Примеры на венгерском, индонезийском и немецком языках приведены в их оригинальной орфографии (латиницей), на русском и таджикском – кириллицей, на китайском, новогреческом, хинди и пушту даны в русской практической транскрипции без обозначения долготы гласных, ударения и тона.

Вторая строка: *гэгэ / диди* «старший брат / младший брат», *цзецзе / мэймэй* «старшая сестра / младшая сестра»; *тайян / жи* – обе лексемы имеют одно значение – «солнце», но различаются стилистически.

Четвертая строка: лексемы *fivér / bátya / öcs; növér / néne / hóg* обозначают соответственно «брат / старший брат / младший брат»; «сестра / старшая сестра / младшая сестра».

Шестая строка: *найа / нав* «новый», *сурадж / сурйа* «солнце» – обе пары представляют собой лексические варианты, первые слова которых являются исконными, а вторые – заимствованными из родственного языка – персидского.

Седьмая строка: понятия «брат», «сестра» обозначаются одним словом; сложное слово *matahari* состоит из двух лексем *mata* «глаз», *hari* «день», т.е. *солнце* – «глаз дня».

Восьмая строка: гласный *ь*, используемый в практической транскрипции, произносится как краткое *a*.

№ 7. Ниже приводятся парадигмы глагола со значением «делать» в форме настоящего времени единственного и множественного числа в санскрите, среднеперсидском, общеславянском и современном таджикском языках. В чем проявляется сходство в спряжении этого же глагола в названных языках, с одной стороны, и в общеславянском и русском – с другой? Есть ли в современном русском языке глаголы, имеющие в 1-м лице единственного числа настоящего или будущего времени окончания, сходные по форме с аналогичными окончаниями санскрита, среднеперсидского или таджикского языков?

Примечание. В таджикском языке *ме-* является приставкой, участвующей в образовании глаголов настоящего времени.

Таблица 10

	Санскрит	Среднеперсид.	Таджикский	Праславянский	Русский
1 л. ед. ч.	karomi	kunam	мекунам	*dělajomь	делаю
2 л.	karoši	kune(h)	мекунӯ	*dělaješi	делаешь
3 л.	karoti	kunet	мекунад	*dělajetь	делает
1 л. мн. ч.	kurmas	kunem	мекунем	*dělajemь	делаем
2 л.	kurutha	kunet	мекунед	*dělajete	делаете
3 л.	kurvanti	kunend	мекунанд	*dělajontь	делают

№ 8. Охарактеризуйте оппозиции между семемами приведенных ниже слов. Есть ли случаи нейтрализации? Приведите доказательства, подтверждающие или опровергающие правомерность поставленного вопроса.

Передвигаться – идти, передвигаться – бежать, передвигаться – плыть, идти – бежать, идти – ехать, идти – плыть, идти – ходить, бежать – бегать, лететь – летать, идти – прийти, идти – выйти, идти – подойти.

№ 9. Ниже представлена семантика слов, обозначающих эмоции, при помощи: 1) лексикографического описания, используемого в толковых словарях, например, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (А); 2) выделения элементарных смыслов (Б).

Сравните эти способы и определите: а) полноту описания значения слова; б) логическую последовательность в описании семантики анализируемых слов; в) достоинства и недостатки каждой из этих методик. Можно ли при помощи толкового словаря определить все элементарные смыслы анализируемой лексики? Все ли рассмотренные эмоции различаются хотя бы одним элементарным смыслом? Нет ли названий эмоций, элементарные смыслы которых совпадают?

А. Бешенство – крайняя степень раздражения. **Раздражение** – вызванное чем-нибудь состояние досады. **Досада** – чувство раздражения и неудовольствия вследствие неудачи, обиды. **Неудовольствие** – отсутствие чувства удовольствия, недовольство.

Обида – несправедливо причиненное огорчение, оскорбление, а также чувство, вызванное таким огорчением. **Огорчение** – неприятность, душевная боль. **Оскорбление** – см. оскорбить – тяжело обидеть, крайне унижить. **Боль** – ощущение страдания. **Страдание** – физическая или нравственная боль, мучение. **Мучение** – мука, страдание. **Мука** – сильное физическое или нравственное страдание.

Возмущение – сильный гнев, негодование. **Гнев** – чувство сильного возмущения, негодование. **Негодование** – возмущение, крайнее неудовольствие.

Б. Используя компонентный анализ, охарактеризуйте семантическую структуру существительных, обозначающих чувства, по предложенной ниже схеме, дополнив ее другими словами со значением эмоций.

Примечание к таблице. Цифры обозначают элементарные смыслы, образующие семантическую структуру приведенных в таблице слов: 1 – первичность эмоций (непосредственная реакция на внешнее раздражение); 2 – вторичность (эмоция возникает в результате предшествующих эмоций); 3 – латентность (скрытая форма, подготавливающая разрядку); 4 – эксплозивность (взрывная форма, которой предшествуют латентные эмоции); 5 – пассивность протекания эмоций; 6 – активность протекания эмоций; 7 – контролируемость эмоций сознанием; 8 – неконтролируемость эмоций сознанием; 9 – длительность протекания эмоций; 10 – кратковременное протекание эмоций [См.: Основы компонентного анализа / под ред. Э.М. Медниковой. М.: Изд. МГУ, 1969. С. 65 – 77].

Таблица 11

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бешенство	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
Раздражение	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–

№ 10. На материале личных местоимений русского языка напишите три научных работы (мини-статьи), используя три разных метода – описательный, сравнительно-исторический и сопоставительный. Объем каждой работы – 8–10 страниц машинописного текста в развернутой форме изложения и от 3 до 5 страниц в тезисной форме изложения.

Статья, как и любая научная работа, должна включать следующие компоненты:

- 1) общую характеристику материала с указанием количества языковых единиц (словоформ);
- 2) формулировку цели и задач исследования;
- 3) формальный и семантический анализ материала и его классификацию, полученную на основе формального и семантического анализа;
- 4) интерпретацию полученных результатов.

Сравнение результатов, полученных в работах, написанных с использованием разных методов.

1. В чем сходство и в чем различие между описаниями одного и того же материала при использовании названных трех методов?
2. Верно ли предположение, что объем материала (количество анализируемых словоформ) для всех работ одинаков?
3. В каких случаях необходимо привлечение данных этимологии, а в каких – избыточно?
4. Какие смысловые отношения существуют между полученными интерпретациями? Равноценные? Взаимоисключающие? Взаимодополняющие?

V. КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

---

§ 60. Многообразие языков

По данным разных источников, на Земном шаре насчитывается от 2500 до 6000 языков. Такое расхождение в определении количества живых языков объясняется вполне объективными причинами. Многие языки не описаны, не составлены словари, грамматики. Часто трудно провести границу между языком и диалектом, особенно это касается бесписьменных языков. Кроме того, сотни племен, говорящих на разных языках, обитают в малодоступных для исследователей местах Африки, Южной Азии, на многочисленных островах Индийского и Тихого океанов.

С одной стороны, есть языки, на которых говорят многие миллионы человек. К ним относятся такие языки, как китайский (более 1 млрд), английский (400 млн), испанский (300 млн), хинди (более 200 млн), бенгальский (166 млн), арабский (165 млн), русский (около 160 млн), индонезийский (более 150 млн), португальский (более 150 млн), японский (120 млн), немецкий (100 млн), французский (95 млн). Общее количество говорящих на этих языках составляет более 3 млрд человек. Это значит, что половина населения земного шара говорит всего лишь на 12 языках.

С другой стороны, известны языки, на которых говорят небольшие этносы, или языки национальных меньшинств, насчитывающие в лучшем случае сотни или несколько тысяч человек. Языками национальных меньшинств пользуются несколько тысяч разных этносов. Но количество говорящих на этих языках составляет несколько процентов от общего числа населения земного шара. Среди языков этого типа выделяются как письменные, так и бесписьменные.

В Российской Федерации таких языков насчитывается несколько десятков. К письменным языкам (письменность была создана в 70–80-е годы. XX в.) относится юкагирский – количество говорящих 250 человек, распространен в Якутии и в Магаданской

области; тофаларский – около 500 человек в Иркутской области; алеутский – 30 человек (остров Беринга). К бесписьменным языкам относится ижорский – 240 человек в Ленинградской области; энецкий – около 200 человек на Таймыре; арчинский и хиналугский в Дагестане (1000 и 3000 человек соответственно).

Языки национальных меньшинств обслуживают узкую сферу человеческой деятельности: бесписьменные языки используются в семье, в бытовом общении; письменные, кроме того, – в школе, как правило, в начальных классах. На некоторых из них печатаются газеты и книги. В делопроизводстве и в государственных учреждениях эти языки не используются.

Языки в большей или меньшей мере могут быть похожими друг на друга или полностью различаться между собой. Именно сходство и различие языков является одним из условий, на основе которого и может быть произведена их классификация.

Наиболее заметно сходство между языками проявляется в лексике, когда говорящие на разных языках и не владеющие языком своего собеседника тем не менее понимают друг друга именно благодаря лексическому сходству используемых языков. Такое сходство может быть между близкородственными языками, как русский и украинский, чешский и словацкий, башкирский и татарский.

Но есть языки, сходство которых можно определить только при помощи специальных научных приемов и методов. Без специального исследования нельзя обнаружить сходство между русским и немецким, русским и персидским. Такое сходство обусловлено общностью происхождения языков, сохранивших некоторые черты своего общего предка.

Похожими могут быть языки, не связанные общностью происхождения, как русский и арабский – языки флективные, грузинский и японский – языки агглютинативные.

Сходство между языками в лексике, как правило, сопровождается сходством между ними и в грамматике. Так, славянские языки обладают не только большим запасом слов со сходным значением и звучанием, но и определенным количеством сходных по своему звуковому составу и по значению глагольных и именных морфем – префиксов, словообразовательных и словоизменяющих суффиксов. Кроме того, в этих языках широко представлены сходные по своему значению грамматические категории.

Такого рода связь, а точнее взаимосвязь, между лексическим и грамматическим сходством свойственна родственным языкам.

§ 61. Возможные классификации языков

В зависимости от признака, выбранного в качестве исходного, языки можно классифицировать с точки зрения их функционирования в обществе, распространения на определенной территории, происхождения, устройства языковой системы.

Вопросами функционирования языка как средства общения в современном обществе занимается *социолингвистика* (от лат. *socialis* «общественный»), изучающая связь языка с обществом.

Язык как средство общения, реализуемое в человеческом коллективе, существует в нескольких вариантах, важнейшие из которых – этнические языки, международные, языки межнационального (межэтнического) общения, государственные языки, литературные языки, территориальные диалекты, социальные диалекты (арго, сленг).

Этнические языки – это языки, которые являются неотъемлемой частью того или иного народа. Каждый этнический язык представляет собой некое единство, осознаваемое носителями этого языка, хотя в действительности он может состоять из диалектов, местных говоров. Определяющим фактором включения того или иного диалекта в сферу этнического языка следует считать языковое сознание его носителей.

Формы существования этнического (или национального) языка отличаются некоторым разнообразием. Прежде всего это разговорный язык, территориальные диалекты, литературный язык, реализуемый в устной и письменной форме. Письменная форма свойственна только литературному языку в отличие от территориальных говоров и обиходно-разговорной речи. Многие этнические языки, как правило, это языки малочисленных народов, в настоящее время представлены только в устной форме.

К *международным языкам*, современный состав которых оформился во второй половине XX в., относится шесть языков – английский, испанский, французский, русский, китайский и арабский, выполняющих функцию общения между разными народами

и государствами. Эти языки являются рабочими языками Организации Объединенных Наций.

В древности и в Средние века в разных регионах роль международных языков выполняли аккадский, арамейский, шумерский (Передняя Азия), китайский (Юго-Восточная Азия), древнегреческий и латинский (Средиземноморье, Римская империя и соседние государства), арабский и персидский (Ближний Восток), старославянский (славянские страны).

Языки межнационального общения выполняют ту же функцию, что и международные языки, но в более ограниченном масштабе. Они используются как средство общения не между народами разных государств, а, как правило, между народами одного многонационального государства. Часто в качестве языка межнационального общения выступает один из государственных языков. В России такую функцию выполняет русский язык, в Индии – хинди или английский. В некоторых государствах СНГ как язык межнационального общения используется русский язык.

Государственный язык – это язык, закрепленный законодательно в качестве обязательного для изучения в школе, для использования в государственных учреждениях, в делопроизводстве. Обычно в качестве государственного языка используют национальный язык, на котором говорит большинство народа данной страны. В Российской Федерации государственным языком признан русский язык, на Украине – украинский, в Германии – немецкий, в Египте – арабский и т.д.

В некоторых странах используется несколько государственных языков: в Швейцарии – французский, немецкий, итальянский и ретороманский, в Канаде – английский и французский, в Израиле – иврит и арабский, в Южно-Африканской Республике – африкаанс, английский и несколько местных языков, наиболее известный из которых – язык зулу.

В ряде государств Африки, населенных многими этносами, в качестве государственного используется один из западноевропейских языков: в Нигерии, Гане, Замбии – английский язык, в Гвинее, Сенегале, Заире, Конго, Мали – французский, в Анголе и Мозамбике – португальский, в Камеруне – английский и французский. В то же время некоторые из африканских стран наряду с

одним из западноевропейских языков используют и местный язык: суахили в Танзании, Кении и Уганде, сеттсвана в Ботсване и др.

Уникальная лингвистическая ситуация сложилась в Индии. Государственными языками являются хинди и английский. Кроме того, 14 языков признаны официальными языками разных штатов, к официальным относятся также санскрит и урду.

Литературный язык – одна из разновидностей этнического языка, характеризующаяся такими особенностями, как осознанное влияние человека на его развитие и функционирование, а также наличие *кодификации*, т.е. закрепленных в письменной форме обязательных правил употребления в устной и письменной речи тех или иных языковых единиц, фонетических, грамматических и лексических форм.

Диалект – территориальная разновидность этнического, или национального, языка. Служит средством общения между носителями данного диалекта.

Распространением языка или его диалектов на определенной территории занимается *ареальная лингвистика* (от лат. *area* «площадь, пространство»). Несколько языков, сосуществующих на одной и той же территории, взаимодействуют друг с другом. В результате таких контактов языки сближаются между собой, образуя некоторое единство. В то же время они отрываются от близкородственных языков, но распространенных на другой территории.

Группы таких языков именуется, как правило, по географическим объектам, а не по их лингвистическим признакам – кавказские, гималайские, памирские, западноевропейские, балканские языки. Однако лингвистический аспект все-таки учитывается. Об этом свидетельствует тот факт, что не все языки, распространенные на Кавказе, Памире или в Гималаях, однозначно соотносятся с названиями регионов их распространения. Не являются кавказскими армянский и азербайджанский языки. Точно так же не относят к памирским языкам киргизский язык жителей Восточного Памира, а к гималайским – индоарийские языки данного региона и тибетский с его диалектами.

Социальные диалекты (арго, жаргон, сленг) – лингвистические образования, используемые в некоторых профессиональных или социальных группах «с целью сокрытия предмета коммуникации, а также как средство обособления группы от остальной части общества» [Шахнарович, с. 43].

§ 62. Генеалогическая классификация языков

Выделением языков в группы с учетом их происхождения занимается *генеалогическая классификация языков* (от греч. *γενεαλογία* / *genealogia* «родословная»). В основе генеалогической классификации лежит понятие языкового родства, устанавливаемого при помощи сравнительно-исторического метода. Родство языков предполагает общий источник – *праязык*, от которого образовались родственные языки в результате длительной эволюции.

Родственные языки, т.е. языки, происходящие от одного праязыка, составляют *языковые семьи*. Предполагается, что языковые семьи образовались от отдельных праязыков. Другими словами, в настоящее время существует столько языковых семей, сколько в древности было праязыков.

Языковые семьи, как правило, включают в свой состав несколько языковых *ветвей*. Языки, входящие в одну языковую ветвь, являются *близкородственными*, и сходство между ними большее, чем между языками, относящимися к разным языковым ветвям.

В течение длительного времени сходство между родственными языками может сглаживаться, в одних случаях в большей степени, а в других – в меньшей. Это видно на примере трех родственных языков – русского, немецкого и польского, относящихся к индоевропейской семье. Родство русского и польского в особых доказательствах не нуждается – видно «невооруженным глазом». Этого нельзя сказать о родстве русского и немецкого языков.

Названные три языка восходят к общему предку – индоевропейскому праязыку, но к разным его диалектам. Немецкий образовался на основе прагерманского языка, от которого впоследствии образовались германские языки, а русский и польский – на основе праславянского языка, от которого образовались славянские языки. Разная степень сходства между немецким, русским и польским языками объясняется их происхождением. Русский и польский – языки *близкородственные*, а немецкий и русский (или польский) – хотя и родственные, но не *близкородственные*.

§ 63. Важнейшие языковые семьи и языки

В разных источниках определяется несколько десятков наиболее изученных языковых семей, в составе которых насчитывается от нескольких языков до многих десятков или даже сотен. Наряду с большими семьями есть семьи, представленные одним языком, как, например, корейский, баскский (распространен в Испании, Франции, Латинской Америке). Каждый из этих языков образует отдельную языковую семью.

Индоевропейская семья относится к числу наиболее изученных и наиболее обширных – и по числу говорящих на этих языках (около половины всего населения Земли), и по количеству языков. По одним данным, в нее входит более 200 языков [Бурлак, Старостин, с. 335–336], по другим – 280, с включением в это число 40 пиджинов и креольских языков, возникших на базе разных индоевропейских языков – английского, голландского, французского, португальского, испанского и русского [Majewicz, s. 21, 38–39]. В настоящее время в составе индоевропейской семьи выделяется 12 ветвей – индоарийская, иранская, дардская, нуристанская, греческая, албанская, романская, германская, кельтская, славянская, балтийская, армянская.

1. *Индоарийская* (или *индийская*) *ветвь* включает не менее 30 языков, наиболее известные из них: хинди, бенгали, урду, панджаби, непали, маратхи, сингальский, гуджарати, раджастан, ассамский, синдхи, цыганский. Индийские языки распространены в Индии, Пакистане, Непале, Шри-Ланке, Бангладеш. Большинство языков используют письменность на основе индийского *деванагари*, письменность урду – на основе арабского алфавита. Цыгане, проживающие в РФ, пользуются русским письмом. Важнейшие мертвые языки: санскрит, ведийский, пали, пракрыты.

2. *Иранская ветвь* представлена такими языками, как персидский, дари, таджикский, хазара, татский (юго-западная подгруппа); пушту, мунджанский, памирские, среди которых – ваханский, язгулямский, ишкашимский, шугнанский, рушанский, бартангский, рошорвский (орошорский), хуфский (юго-восточная подгруппа); осетинский и ягнобский (северо-восточная подгруппа); курдский, талышский, белуджский, гилянский, парачи (северо-западная подгруппа).

Иранские языки распространены в Афганистане, Иране, Ираке, Таджикистане, Пакистане, в Российской Федерации. Письменность на основе арабского алфавита, таджикский и осетинский используют русское письмо; курды, проживающие в Сирии, – латинское письмо, в Иране и в Ираке – арабское и латинское письмо. К бесписьменным языкам относятся памирские, ягнобский, мунджанский, парачи, ормури.

Важнейшие мертвые языки: древнеперсидский, авестийский, среднеперсидский (пехлеви), мидийский, согдийский, скифский, аланский, хотаносакский, хорезмийский.

3. *Дардские языки* представляют собой промежуточную ветвь между индоарийскими и иранскими языками. Включают в свой состав не менее 20 языков: кашмири, шина, сави, кховар, калаша, гавар, шумашти, глангали и др. Распространены в горных районах Северного Афганистана, в Индии и Пакистане. Все языки бесписьменные, за исключением языка кашмири, письменность на котором с XIII–XIV вв. первоначально была на основе индийского письма, а в настоящее время используется арабское письмо. Количество говорящих на дардских языках определяется приблизительно – около 4 миллионов.

4. *Нуристанские языки* включают в свой состав семь языков: кати, вайгали, земиаки, трегами, ашкун и др. Распространены в Афганистане, в провинции Нуристан. Число говорящих – около 150 тысяч человек. Как и дардские языки, представляют переходную группу между индийскими и иранскими языками. Письменным является язык кати (на основе арабского алфавита).

5. *Греческая ветвь* включает один язык – новогреческий, существующий в двух разновидностях: кафаревуса – язык, продолжающий традиционные нормы, и димотика – язык, созданный на основе народных говоров. Письменность опирается на собственный алфавит, созданный в IX–VIII вв. до н.э. К мертвым языкам относятся: древнегреческий и среднегреческий (византийский).

6. *Албанская ветвь* представлена одним языком – албанским, используемым, кроме Албании, в Сербии, в Косово. Есть носители албанского языка в Италии, Греции, Болгарии, Румынии. Письменность – на основе латинского алфавита.

7. *Романская (италийская) ветвь* включает испанский, португальский, французский, итальянский, провансальский, ката-

ланский, ретороманский, румынский языки, распространенные в Испании, Португалии, Франции, Италии, Румынии, Швейцарии, а также на Кубе, в Канаде, в странах Латинской Америки, в некоторых государствах Африки – наряду с местными языками. Письменность – на основе латинского алфавита. Мертвый язык – латинский, от которого в результате его взаимодействия с разными местными языками, распространенными на территории Римской империи, и образовались романские языки.

8. *Германскую ветвь* образуют такие языки, как английский, немецкий, нидерландский, фризский, африкаанс, идиш (западногерманские языки), шведский, норвежский, датский, исландский, фарёрский (северногерманские языки). Эти языки используются в Англии, ФРГ, Австрии, США, Канаде, Голландии, Исландии, Южно-Африканской Республике, Швеции, Норвегии, Дании, Австралии. Английский язык наряду с местными языками используется в качестве государственного и в некоторых странах Африки, а также в Индии, Республике Бангладеш, как официальный – в Пакистане и т.д. Во всех германских языках письменность на основе латинского алфавита, за исключением языка идиш, использующего древнееврейское письмо.

Мертвые языки: готский, англосаксонский, древневерхне-немецкий.

9. *Кельтская ветвь*: ирландский, шотландский, бретонский, валлийский языки, используемые в Ирландии, частично в Англии и Франции. Письменность – на основе латинского алфавита. Мертвые языки: корнский (с нач. XIX в.) и галльский (с V в.).

10. *Славянская ветвь* состоит из следующих языков: русского, украинского, белорусского (восточнославянская ветвь); польского, чешского, словацкого, верхнелужицкого, нижнелужицкого (западнославянская ветвь); болгарского, македонского, сербскохорватского (= хорватско-сербского, сербского и хорватского), словенского (южнославянская ветвь).

Все славянские языки, кроме лужицких, распространенных в ФРГ, являются государственными.

Письменность у восточных и южных славян, за исключением хорватов и словенцев, на основе русского алфавита – кириллицы, у западных славян, а также у словенцев и у хорватов – на основе

латинского алфавита. Мертвые языки: старославянский (староболгарский), древнерусский, полабский.

Кроме того, среди славянских языков выделяются так называемые «малые литературные языки», имеющие ограниченную сферу употребления – кашубский (в Польше), русинский (в Сербии и Хорватии), карпаторусинский (в США, Западной Украине), чакавский и кайкавский (в Хорватии), ляхский (на границе Словакии и Польши), резьянский (в Италии).

11. В *балтийскую ветвь* индоевропейских языков входят: литовский, латышский и латгальский. Эти языки распространены в Литве и в Латвии. Письменность – на основе латинского алфавита. К мертвым относится прусский язык.

12. *Армянская ветвь* представлена армянским языком, получившим распространение за пределами Армении – в Грузии, Сирии, Ливане, Иране, США, Франции, России. Письменность существует с начала V в. н.э. Мертвый – древнеармянский язык (грабар).

В состав перечисленных 12 ветвей входят или только живые, или живые и мертвые языки. Последнее свидетельствует о длительной письменной традиции таких языков, как индоарийские, иранские, романские и т.д. Отсутствие мертвых языков среди дардских и нуристанских еще не значит, что в этих группах никогда не было их. Именно из-за отсутствия письменной традиции они не зафиксированы и последующим поколениям остались неизвестными. Зато известны другие языки, которые оставили письменные свидетельства об их существовании в глубокой древности. Это две ветви индоевропейских языков – анатолийская и тохарская.

13. *Анатолийская (хетто-лувийская) ветвь* в настоящее время представлена мертвыми языками: хеттским, лидийским, карийским, палайским, лувийским, которые были распространены на территории Малой Азии (в древности – Анатолии) между XIX и XII вв. до н.э. В истории индоевропейских языков хеттский язык является первым языком с письменной фиксацией. Хетто-лувийские языки пользовались разными видами письменности: клинописью, иероглифическим письмом, буквенным «малоазийским» письмом, в более позднее время – греческим письмом.

14. *Тохарская ветвь*, как и анатолийская, представлена мертвыми языками – «тохарским А» и «тохарским Б» (по-другому, ка-

рашарским и кучанским). Письменные памятники на этих языках относятся к V – VIII вв. н.э. Они были распространены на территории китайского Туркестана (в Синьдзяне). Письменность – на основе древнеиндийского алфавита.

Уральская семья (макросемья) включает две семьи – финно-угорскую и самодийскую.

Финно-угорские (угро-финские) языки делятся на пять ветвей: 1) *прибалтийско-финская ветвь*: финский, карельский, эстонский, вепсский, ижорский, водский, ливский; 2) *волжская ветвь*: два мордовских языка – эрзянский и мокшанский, а также марийский; 3) *пермская ветвь*: коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский; 4) *угорская ветвь*: венгерский, хантыйский и мансийский; 5) *саамский язык*.

Самодийская группа делится на две ветви: 1) северную, в состав которой входят ненецкий, энецкий, нганасанский языки; 2) южную, представленную одним языком, – селькупским.

Уральские языки распространены на территории, охватывающей Западную Сибирь, значительную часть Урала, Среднее Поволжье, Ленинградскую область, а также такие государства, как Финляндия, Венгрия и Эстония. Носители финно-угорских языков проживают также в Словакии, Румынии, на севере Югославии.

Письменность венгерского, финского и эстонского языков создана на основе латинского алфавита, письменность народов, проживающих в РФ, – на основе русского алфавита. Языки водский, ливский, вепсский, ижорский, мансийский бесписьменные.

Тюркская семья, по данным разных классификаций, содержит в своем составе от двух до семи языковых ветвей. В настоящем пособии принята классификация тюркских языков известного тюрколога Н.А. Баскакова, взявшего за основу связь рассматриваемых языков с исторической периодизацией их развития и формирования. С этой точки зрения тюркские языки делятся на две ветви, каждая из которых состоит из нескольких подгрупп, – на западную (западнохуннскую) и восточную (восточнохуннскую).

Западная ветвь: чувашский, туркменский, турецкий, азербайджанский, новобуйгурский, крымско-татарский, гагаузский, ногайский, каракалпакский, кумыкский, карачаево-балкарский, казахский, караимский, татарский, башкирский, узбекский языки.

Мертвые языки: болгарский, хазарский, староосманский, чагатайский, печенежский, половецкий (кыпчакский, или куманский).

Восточная ветвь: киргизский, якутский, тувинский, хакасский, сары-уйгурский, шорский языки.

Важнейшие мертвые языки: древнекиргизский, древнеугузский, древнеуйгурский.

Тюркские языки распространены на территории от Восточной Сибири до Малой Азии и Балканского полуострова. Их носители живут в Сибири (якуты, тувинцы, хакасы, шорцы), в Центральной Азии (киргизы, узбеки, казахи, туркмены, каракалпаки, уйгуры), в Поволжье (татары, чуваша, башкиры), на Кавказе и в Дагестане (азербайджанцы, кумыки, карачаево-балкарцы, ногайцы), в Крыму (крымские татары, караимы), в Молдавии (гагаузы), в Литве, Белоруссии и на Украине (литовские и белорусские татары, гагаузы). Распространены тюркские языки также в Китае, Афганистане, Иране. Носители турецкого языка кроме Турции живут в Ираке, Сирии, Греции, Румынии, Болгарии, России, на острове Кипр.

До XX в. тюркские народы пользовались арабским письмом. В конце 20-х годов XX в. арабский алфавит был заменен латиницей для турецкого языка, а также для всех тюркских языков Советского Союза, которые сначала перешли на латиницу, а в конце 30-х годов – на кириллицу. В конце прошлого века в Азербайджане, Туркмении и Узбекистане кириллица была заменена латиницей.

Уйгуры в КНР пользуются арабским алфавитом.

Монгольская семья делится на две группы – северную и южную. *Северномонгольские языки* – монгольский, бурятский и калмыцкий – кроме Монголии распространены в России – в автономных республиках Бурятия и Калмыкия, в Забайкальском крае. В Китае распространены *южномонгольские языки* – дагурский, дунсянский, баоаньский, монгорский.

Буряты и калмыки с 40-х годов пользуются русским алфавитом, до этого, как и другие монгольские народы, использовали старомонгольское письмо, созданное на основе уйгурского алфавита.

Тунгусо-маньчжурская семья распадается на две ветви – тунгусскую и маньчжурскую. К *тунгусским языкам* относятся: эвенкийский, эвенский, негидальский, солонский, нанайский, ульчский, орокский, ороцкий, удэгейский. *Маньчжурская ветвь* представлена одним языком – маньчжурским. На тунгусо-маньчжурских язы-

ках говорят народности, обитающие в Средней и Восточной Сибири, в Приамурье, а также в Китае и Монголии.

Письменность эвенкийского, эвенского и нанайского языков создана на основе русского алфавита. Маньчжурский язык с XVII в. использовал модифицированное монгольское письмо, в настоящее время существует только в устном варианте.

В некоторых классификациях тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская семьи объединяются в одну макросемью – **алтайскую**. К этой же семье относят корейский и японский языки, а иногда и финно-угорские.

Кавказская (иберийско-кавказская) семья состоит из трех ветвей – абхазо-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской.

К *языкам абхазо-адыгской группы* относятся языки: абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский (кабардинский). В *картвельскую группу* входят четыре языка – грузинский, мегрельский, лазский и сванский. *Нахско-дагестанские языки* насчитывают около 30 языков, важнейшие из которых – чеченский и ингушский (вайнахская подгруппа), лезгинский, табасаранский, даргинский, лакский (дагестанская подгруппа), аварский, андийский, каратинский, ахвахский (аваро-андо-цезская подгруппа).

Письменность кавказских языков, за исключением грузинского, основана на русском алфавите; в грузинском языке используется с V в. н.э. собственное письмо, возможно, восходящее к арамейскому. К бесписьменным языкам относится более 20 языков: бацбийский, мегрельский, лазский, сванский, андийский, ахвахский, каратинский и др.

Вопрос о родстве кавказских языков не решен окончательно. Некоторые специалисты по этим языкам высказывают сомнение о родстве между картвельскими языками, с одной стороны, и нахско-дагестанскими и абхазо-адыгскими – с другой стороны. Поэтому понятие «Кавказская семья» в известном смысле условное.

Палеоазиатские языки – этим условным термином называют языки малых народностей Сибири. Предполагают, что это остатки языков древних, коренных обитателей Сибири. К этим языкам относят **чукотско-камчатскую семью**, включающую чукотский, корякский, алюторский, керекский, ительменский языки, **эскимосско-алеутскую семью**, представленную эскимосским и алеутским

языками, и тремя генетически изолированными языками – нивхским, юкагирским и кетским.

Палеоазиатские языки распространены на территории от Чукотского полуострова (чукотский, эскимосский) до среднего течения Енисея (кетский), от Ледовитого океана (юкагирский, чукотский) до низовий Амура (нивхский). Распространены эти языки также на Сахалине, Камчатке (корякский, ительменский), на Командорских островах (алеутский), на Аляске, в Канаде и в Гренландии (эскимосский).

Палеоазиатские народы РФ – чукчи, коряки, эскимосы, алеуты – используют письменность на основе русского алфавита; эскимосы, проживающие в других странах, используют латиницу.

Афразийские (семито-хамитские, афроазиатские) языки – макросемья, охватывающая в общей сложности более 250 языков, объединенных в пять языковых групп (ветвей) – семитскую, древнеегипетскую, берберо-ливийскую, кушитскую и чадскую.

К наиболее распространенным *семитским языкам* относится арабский, представленный самостоятельными диалектами в странах Северной Африки и Передней Азии – египетским, магрибским (Тунис, Алжир, Марокко, Ливия), хасанийя (государство Западная Сахара), за пределами Африки – иракским, сирийским, а также мальтийским языком.

К семитским языкам относятся также иврит – один из двух государственных языков в Израиле, амхарский – государственный язык в Эфиопии.

Древнеегипетский язык с V в. н.э. является мертвым, древнейшие памятники датируются концом IV – началом 3-го тысячелетия до н.э. С III в. н.э. на его основе сложился коптский язык, сохранившийся в настоящее время как язык культовый.

Берберо-ливийские языки распространены небольшими островками среди других языков – в основном в оазисах Сахары, в государствах Северной Африки – Алжире, Ливии, Тунисе, Марокко, частично – Мали, Нигере, Нигерии. Важнейшими из языков этой группы являются кабийский, ташель-хитский, зенетский, туарегский.

Кушитские языки используются в восточной и юго-восточной части Африки, в Эфиопии, Судане, Сомали, Кении и Танзании. Письменность имеют только язык сомали и оромо. Язык сомали –

один из официальных (наряду с арабским) языков Сомалийской Республики, распространен также в Эфиопии, Кении, Джибути.

Чадская группа, насчитывающая более 150 языков и диалектов, сосредоточена в основном в трех государствах – в Нигерии, Камеруне и Чаде. Наиболее известный язык этой группы – язык хауса, имеющий письменность с конца XVIII в. на основе арабского алфавита, а с конца XIX в. – на основе латиницы. Носители языка хауса проживают в Северной Нигерии и в прилегающих районах Нигера, в Камеруне, Гане, Бенине, Того. Является одним из средств межэтнического общения в странах Западной Африки.

К мертвым языкам кроме древнеегипетского и коптского относятся такие языки, как аккадский, арамейский, финикийский, древнееврейский.

Китайско-тибетская семья состоит из двух ветвей – *китайской* и *тибето-бирманской*, включающих не менее 100 языков.

Первая ветвь представлена прежде всего китайским языком с его многочисленными диалектами, различия между которыми иногда настолько велики, что исключают какое-либо взаимопонимание их носителей, пользующихся устной речью. В состав этой ветви входит также и дунганский язык, распространенный не только в Китае, но и в Киргизии, Казахстане и Узбекистане.

Вторая ветвь – *тибето-бирманская* включает в себя не менее 10 языков разной степени изученности, важнейшие из которых – бирманский, тибетский, каренские языки.

Языки китайско-тибетской семьи кроме Китая и Тибета распространены в Мьянме (бывшей Бирме), на севере Индии, в Таиланде, Непале.

Народы китайско-тибетской семьи используют разные системы письма: китайцы пользуются иероглифическим письмом, дунгане, проживающие в государствах Центральной Азии, – письменностью, в основе которой лежит русский алфавит. Письменность тибетцев и бирманцев создана на базе древнеиндийской слоговой письменности. Некоторые каренские языки используют латиницу.

Кроме перечисленных языковых семей можно назвать не менее 10 языковых семей и макросемей, распространенных на разных континентах.

К таким семьям в Азии относятся следующие: **дравидийская** (не менее 20 языков в Индии, Афганистане, Шри-Ланке; важней-

шие языки: тамильский, телугу, каннада, малайялам), **австронезийская** (около 800 языков, важнейшие из них – индонезийский, малайский, мальгашский, яванский; распространены в Юго-Восточной Азии, на островах Тихого и Индийского океанов – от острова Рождества и до Мадагаскара), **аустроазиатская** (около 100 языков, из них наиболее известные – вьетнамский, кхмерский, сантали; распространены в Южной и Юго-Восточной Азии, на островах Индийского океана), **папуасская** (700 языков, острова Тихого океана и Новая Гвинея).

На Африканском континенте кроме афразийской макросемьи выделяются еще три макросемьи – **конго-кордофанская** (850 языков), **нило-сахарская** (около 130 языков) и **койсанская**, или **бушмено-готтентотская** (около 50 языков).

На Американском континенте кроме индоевропейских языков – романских и германских – представлено не менее 10 языковых семей, включающих более 700 языков американских индейцев. Так, языки **семьи на-дене**, около 30, распространены на Аляске, в Канаде, США; **юто-ацтекские**, более 40, – в Мексике и США; **майя-киче**, 28 языков, – в Мексике, Гватемале, Гондурасе.

§ 64. Языковые макросемьи: ностратические языки

Макросемья – это объединение нескольких языковых семей, возникшее на основе их общего происхождения. Ностратические языки представляют собой один из примеров макросемьи. Сам термин «ностратические языки», не очень удачный, образован от латинского местоимения *noster* «наш».

В предложенной характеристике макросемьи одно из ее определяющих понятий («на основе их общего происхождения») противоречит традиционному представлению об отношении между языковыми семьями. Согласно традиционному взгляду, между языковыми семьями нет родственных отношений, так как они образовались от разных праязыков.

Но тем не менее такой, казалось бы, парадоксальный взгляд на родство языковых семей существует в современной науке, и предпосылки его начали формироваться еще в XIX в. К началу XX в. накопился большой материал, свидетельствующий о сходстве меж-

ду языковыми семьями – индоевропейской, афразийской, уральской и некоторыми другими. Причем это сходство, вероятнее всего, объясняется именно общностью происхождения, а не случайным совпадением или заимствованием отдельных лексем.

В отечественном языкознании гипотезу о ностратических языках активно разрабатывали в 60–70-е годы XX в. В.М. Иллич-Свитыч, В.А. Дыбо, Вяч.Вс. Иванов, А.Б. Долгопольский. Благодаря их работам, и прежде всего благодаря исследованиям Иллича-Свитыча, установлен круг языковых семей, образующих **ностратическую макросемью**. Это следующие семьи – *афразийская, индоевропейская, картвельская, уральская, дравидийская, алтайская*. Сравнивая данные лексики, морфологии и словообразования названных языковых семей, Иллич-Свитыч доказал их родство [Иллич-Свитыч, с. I–XXXVI, 1–5].

Следует отметить, что сходство между языковыми семьями, образующими ностратическую макросемью, не настолько очевидно, как, например, сходство между ветвями одной семьи. И это вполне понятно: распадение того или иного праязыка на ветви исчисляется несколькими тысячами лет, а распадение «прапраностратического» языка на отдельные праязыки – индоевропейский, картвельский, уральский и др. – многими тысячелетиями, если не десятками тысяч лет.

Сходство, объясняемое общностью происхождения, выявлено и между некоторыми другими языковыми семьями – Африки, Азии и Северной Америки. В объяснении такого рода фактов особую ценность для сравнительно-исторического языкознания представляют исследования С.А. Старостина. Опираясь на работы многих предшественников и современников, а также на результаты собственных изысканий, Старостин существенным образом дополнил традиционную генеалогическую классификацию языков мира.

В традиционной классификации самой крупной единицей является языковая *семья*, а затем по нисходящей: *ветвь* (= *группа*, возможна *подгруппа*) → отдельный *язык*. В таком виде классификация вошла в учебную и справочную литературу. Сложилось устойчивое мнение, что генеалогическая классификация приобрела законченную форму и дальнейшая ее разработка уже невозможна. Открытие или дешифровка неизвестных мертвых языков, наконец, возможное обнаружение в джунглях Индии или Южной Америки

племени, говорящего на неизвестном языке, изменить общую картину уже не в состоянии.

Однако неизбежность устоявшихся представлений была нарушена не за счет обнаружения новых языков, а за счет новой, более глубокой и всесторонней интерпретации уже имеющегося в распоряжении языковедов материала. Именно в этом направлении и выполнены работы Старостина, посвященные генеалогической классификации языков мира.

Важным компонентом в его классификации является понятие **макросемьи**. Именно этому понятию отведена роль самой крупной классификационной единицы, в результате чего генеалогическая классификация приобрела такой вид: *макросемья* → *семья* → *ветвь* (= *группа*, возможна *подгруппа*) → *отдельный язык*. С опорой на эту схему можно выделить три степени языкового родства – *близкое* (между языками одной языковой ветви), *конвенциональное* (между разными ветвями одной семьи), *дальнее* (между языковыми семьями в составе макросемьи).

Включение в классификацию понятия макросемьи расширило ее информативный смысл и способствовало изучению отношений между языками в доисторический период человеческой истории. Вместе с тем с появлением новых знаний о распространении языков возникли и новые проблемы во взаимоотношениях между носителями этих языков. А поскольку языки, принадлежащие к одной макросемье, могут находиться на удалении многих тысяч километров, то возникает вполне естественный вопрос о миграциях носителей этих языков, об их исконной прародине.

Понятие макросемьи последовательно проводится в классификации языков мира. Выделяется 11 макросемей – *ностратическая, афразийская, чукотско-камчатская, сино-кавказская, австрическая, америндская, австралийская, койсанская, нило-сахарская, конго-кордофанская, индо-тихоокеанская* [Бурлак, Старостин, с. 334–381].

В приведенной классификации представлены языки всех континентов. В отдельную макросемью выделяются афразийские языки, которые в классификации Иллича-Свитыча относятся к ностратическим.

Особый интерес представляет **сино-кавказская макросемья**, включающая языки енисейской семьи (кетский, некоторые мерт-

вые языки Сибири), сино-тибетской (китайский язык, древнекитайский, северные диалекты), тибето-бирманской (бирманский язык, мертвый тангутский, цянские языки, тибетский), северокавказской (представлены разными ветвями и подгруппами: абхазский, абазинский, адыгейский, чеченский, ингушский, аварский, лакский, лезгинский), а также многие языки семьи на-дене, распространенные в Северной Америке.

Далеко не по всем языкам и языковым семьям конкретный лингвистический материал представлен с необходимой полнотой. В одних случаях родство между семьями в составе макросемьи воспринимается как вполне обоснованное – ностратические языки, а в других – как спорное (сино-кавказские языки). Последнее не отвергает классификации Старостина, а только свидетельствует о том, что отдельные ее пункты нуждаются в уточнениях и дополнениях.

§ 65. Типологическая классификация языков

Распределением языков по тем или иным группам на основе сходства их грамматических систем занимается *типологическая классификация*. Сходство языковых систем устанавливается путем определения их элементов, например, языковых единиц, функций языковых единиц и способа их представления.

Типологические классификации могут быть одномерными или многомерными.

Одномерные классификации учитывают какой-нибудь один признак, свойственный разным языкам и по-разному проявляющийся в этих языках.

Примером такой классификации может служить деление языков по фонетическим признакам – языки вокалические, консонантные и промежуточные.

К вокалическим относятся языки, в текстах которых гласные преобладают над согласными, как в следующем предложении на языке маори (австронезийская семья): *Ка мэа а Маауи ки оона ту-аакана* «Мауи сказал братьям».

В вокалических языках слоги, как правило, открытые, часто встречаются сочетания гласных.

К консонантным языкам относятся языки, в текстах которых преобладают согласные, как в большинстве славянских языков. Так, в русском языке широко распространены закрытые слоги, русскому языку не свойственно стечение гласных, если не считать заимствованных слов, зато свойственны сочетания нескольких согласных: *вдруг, страх, вздрогнуть* и т.д.

Промежуточными называют языки с приблизительно одинаковым распределением в тексте гласных и согласных. К языкам такого типа приближаются эсперанто, итальянский, сербский, словенский.

Одномерной является синтаксическая классификация, разделяющая языки на номинативные и эргативные. В *номинативных* языках подлежащее при переходном глаголе, как и при непереходном, выражено формой именительного падежа (от лат. *nōminātīvus* «называющий»), а в *эргативных* языках подлежащее при переходном глаголе выражено формой особого падежа – эргативного (от греч. *εργάτης / ergatēs* «деятельный, действующее лицо»).

Более сложную разновидность одномерной классификации представляет *морфологическая классификация*, разработанная в трудах языковедов XIX в. – Ф. Шлегеля, В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера.

Суть этой классификации состоит в том, что языки разделяются на группы в зависимости от строения слова, и в соответствии с этим выделяется четыре типа языков.

1. Изолирующие, или корневые, языки, в которых слово совпадает с корнем, а грамматические значения передаются при помощи специальных морфем-слов и порядка слов в предложении. К изолирующим относятся древнекитайский, вьетнамский и некоторые другие языки Юго-Восточной Азии.

2. Агглютинативные языки, использующие для выражения грамматических значений морфемы агглютинативного типа, т.е. такие морфемы, которые свободно присоединяются к корню. Для них характерна однозначность при выражении грамматических значений и полная регулярность при образовании алломорфов. К языкам этого типа относятся тюркские, монгольские, уральские языки.

3. Инкорпорирующие, или полисинтетические, языки (от лат. *incorporatio* «включение»; греч. *πόλις / polys* «много, многое»,

σύνθεσις / synthesis «соединение») – такие языки, которые используют в качестве синтаксической связи инкорпорацию, в результате чего члены словосочетания или предложения образуют единое целое, внешне напоминающее агглютинативное слово, как, например, предложение на языке *чинук* (Северная Америка): *aniā'lōt* «Я даю его ей», где *a-* – наст. время, *-n-* «(1-е лицо ед. ч. производителя действия)», *-i-* – «он (3-е лицо ед. ч. прямого дополнения)», *-ā'* – «она (3-е лицо ед. ч. косвенного дополнения)», *-l-* – «указатель направления», *-ō-* – «направление в сторону от производителя действия», *-t-* – «дать, давать». [Majewicz, s. 206].

К инкорпорирующим языкам относятся чукотско-камчатские языки, эскимосский, многие языки американских индейцев.

4. Флективные языки используют для выражения грамматических значений морфемы флективного типа. В зависимости от способа выражения грамматического значения флективные языки делятся на языки аналитические и синтетические. В *аналитических* языках грамматические значения выражаются при помощи специальных слов, как в английском, немецком, где формы глагольных времен образуются при помощи вспомогательных глаголов. Аналитический способ используется и в русском языке при образовании составного будущего времени при помощи вспомогательного глагола *быть* в соответствующей форме, степеней сравнения прилагательных при помощи вспомогательных слов *более / менее* для сравнительной степени или *самый* для превосходной.

При *синтетическом* способе грамматические значения выражаются посредством словоизменятельных морфем в составе одного слова вместе с лексическим значением. Так, в русском языке значение рода, числа и падежа в формах прилагательных выражается соответствующими окончаниями.

К флективным языкам относятся индоевропейские языки: как древние – санскрит, авестийский, древнегреческий, латинский, старославянский, так и многие современные, в том числе балтийские, славянские, германские. В процессе исторического развития некоторые из индоевропейских языков, синтетических по происхождению, стали языками аналитическими – английский, французский, персидский, болгарский.

Выделение языковых типов и их разновидностей в значительной степени условно. Нет языков, которые полностью относились

бы к языкам только одного типа. Каждый язык совмещает в себе признаки если не всех, то большинства языковых типов. Так, русский язык – флективный, но в нем представлены элементы агглютинации (частица *-ся* в возвратных глаголах или *-то* в неопределенных местоимениях), элементы инкорпорации в сложносокращенных словах типа *Днепрогэс, завлаб, стенгазета*. В известном смысле можно говорить и об изоляции применительно к служебным словам, несклоняемым именам существительным, как *кенгуру, пальто, желе*.

Многомерные классификации характеризуют языки по нескольким параметрам, как, например, классификации, разработанные американскими лингвистами Э. Сепиром и Дж. Гринбергом.

Языки в классификации Сепира характеризуются с трех точек зрения – типы выражаемых в языке понятий, или языковых значений; техника, или средства выражения грамматических отношений; степень синтеза – способы объединения в языковых единицах разных понятий, выражаемых в языке.

Языковые значения. Выделяется четыре типа значений: I тип – основные значения, выражаемые самостоятельными словами; II тип – деривационные значения, выражаемые путем присоединения к корневым морфемам словообразовательных морфем или путем чередования звуков в составе корня; III тип – конкретно-реляционные значения, совмещающие в себе некоторые конкретные значения со значениями, указывающими на отношения между словами, например род или число; IV тип – чисто-реляционные значения, выражающие абстрактные, формальные отношения и служащие для связи слов.

Значения I и IV типов выражаются во всех языках обязательно. Значения II и III типов факультативны: в одних языках могут быть выражены оба значения, в других – только одно из этих значений.

В зависимости от этого выделяется четыре класса языков: класс А включает I и IV типы – это простые чисто-реляционные языки; класс Б включает I, II и IV типы – это сложные чисто-реляционные языки; класс В включает I, III и IV типы – это простые смешанно-реляционные языки; класс Г включает все четыре типа – это сложные смешанно-реляционные языки.

Техника выражения грамматических значений. По технике выражения значений выделяются такие языки: 1) изолирующие; 2) агглютинативные; 3) фузионные (флективные); 4) символические (языки, в которых для выражения разных значений используются чередования гласных и согласных в корне, изменения в долготе, ударении и интонации, а также редупликация).

Степень синтеза. По степени синтеза языки делятся на три группы – аналитические (лексические и грамматические значения выражаются при помощи отдельных слов), синтетические (эти же значения выражаются совместно, в одном слове) и полисинтетические (несколько синтетических образований представляют единое целое).

Используя эти понятия, Сепир охарактеризовал китайский язык как простой чисто-реляционный, изолирующий, аналитический; турецкий – как сложный чисто-реляционный, агглютинативный, синтетический; французский – как простой смешанно-реляционный с элементами сложного смешанно-реляционного, фузионный, аналитический; английский – как сложный смешанно-реляционный, фузионный, аналитический.

Русский язык по этим же параметрам может быть охарактеризован следующим образом:

– во-первых, по степени полноты выражения всех возможных языковых значений – как сложный смешанно-реляционный: в нем представлены все четыре типа языковых значений; развито словообразование (деривация), выражены конкретно-реляционные значения (род и число у имен существительных) и чисто-реляционные значения (падеж у имен и местоимений, род и число у прилагательных и у глаголов прошедшего времени), где эти значения отражают исключительно формальные отношения, не осложненные лексическими значениями;

– во-вторых, по технике представления языковых значений в составе морфем – как фузионный: в русском языке морфемы в составе слова связаны жестко, т.е. на стыке морфем, как правило, происходят чередования звуков, морфемы многозначны;

– в-третьих, по степени синтеза – как синтетический: и лексическое и грамматическое значение в русском языке выражается в пределах слова.

Классификация Сепира, использующая три разных критерия, дает более полное представление о любом языке, чем, например, морфологическая классификация, учитывающая только один признак.

Другая разновидность многомерной классификации – классификация Гринберга, являющаяся по сути продолжением классификации Сепира. Но в отличие от классификации Сепира, опирающейся на семантические критерии и некоторые интуитивные определения, классификация Гринберга использует формальные критерии, которые по своей сути всегда конкретны и однозначны.

Характеризуя язык по пяти параметрам – синтез, агглютинация, деривация, порядок аффиксов в слове и связь между словами, Гринберг выделяет в общей сложности 10 индексов, каждый из которых имеет количественное выражение. Так, индекс синтеза можно получить, если разделить количество морфем анализируемого текста на количество слов этого же текста. При этом текст должен быть достаточной длины и в достаточной степени характерным для данного языка в лексическом и грамматическом отношении.

Для определения индекса синтеза в качестве примера возьмем начало повести А. Чехова «Палата № 6». На 100 слов приходится 241 морфема. Таким образом, индекс синтеза – 2,41. В других текстах на русском языке показатель синтеза может различаться – в большую или меньшую сторону. Но эти различия вполне объяснимы законами статистики.

Для других языков Гринберг приводит такие данные: санскрит – 2,59, древнеанглийский – 2,12, персидский – 1,52, современный английский – 1,68, якутский – 2,17, суахили – 2,55, вьетнамский – 1,06, эскимосский – 3,72.

Приведенные цифры показывают среднеарифметическое количество морфем в слове. Больше всего морфем содержит в составе слова инкорпорирующий эскимосский язык, а меньше всего – изолирующий вьетнамский, в котором слово, как правило, совпадает с морфемой. В словах аналитических языков, в персидском или английском, морфем меньше, чем в словах синтетических языков флективного типа, как санскрит, древнеанглийский или современный русский. В агглютинативных языках – якутском, суахили – количество морфем в слове приблизительно такое же, как и во флективных синтетических языках: и те и другие выражают грам-

матические значения в составе слова при помощи соответствующих морфем.

Числовые выражения получают и другие индексы – агглютинации, словосложения, деривации, изоляции, словоизменения, префиксации, суффиксации.

Есть определенная зависимость между числовыми показателями разных индексов. В языках с высоким индексом синтеза, два и выше, индекс агглютинации низкий: в санскрите – 0,09, в древнеанглийском – 0,11. Зато в персидском и английском, где индекс синтеза значительно меньше числа 2, индекс агглютинации – 0,34 и 0,30. Используя цифровые показатели, аналитический язык можно определить как язык с индексом синтеза в пределах от 1,00 до 2,00, синтетический – от 2,00 до 3,00, а полисинтетический – от 3,00 и выше.

Литература

1. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005.
2. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М.: ИЛ, 1963. Вып. III. С. 60–94.
3. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. М.: Наука, 1971.
4. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996.
6. Сепир Э. Язык. Гл. V–VI // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Универс, 1993.
7. Шахнарович А.М. Арго // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 43.
8. Majewicz A.F. Języki świata i ich klasyfikowanie. Warszawa: PWN, 1989.

Задания

№ 1. Являются ли родственными приведенные ниже языки?

1) Русский – иврит, русский – идиш, русский – татарский, русский – датский, русский – марийский;

2) немецкий – английский, венгерский, цыганский, осетинский, испанский, арабский, чеченский;

3) английский – польский, киргизский, финский, датский, калмыцкий, армянский, китайский;

4) латинский – сербский, санскрит, чешский, старославянский, древнегреческий, чувашский;

5) литовский – болгарский, хинди, турецкий, бурятский, эстонский, латышский, якутский;

6) персидский – осетинский, словацкий, арабский, иврит, идиш, ингушский, таджикский;

7) башкирский – русский, казахский, английский, половецкий, татарский, финский, аварский.

№ 2. Используя «Лингвистический энциклопедический словарь», другую справочную, научную и учебную литературу, охарактеризуйте перечисленные ниже языки с точки зрения генеалогической и типологической классификации. Укажите, в состав каких семей и макросемей они включаются и к какому типу относятся.

Английский, башкирский, белорусский, болгарский, венгерский, грузинский, датский, казахский, китайский, латинский, литовский, немецкий, ненецкий, персидский, русский, санскрит, старославянский.

№ 3. Сравните склонение существительного со значением «книга» в лугово-восточном марийском языке и существительного с тем же значением в узбекском языке. Что общего в склонении этих существительных в сравниваемых языках? Есть ли различия? Чем различается склонение этих существительных в марийском и узбекском, с одной стороны, и в русском языке – с другой? Морфемы какого типа используются в этих языках для выражения грамматических значений?

Примечание. Морфема *-м* в марийском языке указывает на принадлежность 1-му лицу – *книгам* «моя книга», *-лак* – суффикс множественного числа. В узбекском языке для выражения множественного числа используется суффикс *-лар*; остальные суффиксы и в марийском, и в узбекском языках выражают соответствующие падежные значения.

В марийском языке семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, направительный, обстоятельный; в узбекском языке шесть падежей: основной, притяжательный, винительный, дательно-направительный, исходный, местный.

Таблица 12

Марийский язык			Узбекский язык		
Па-деж	Ед. ч.	Мн. ч.	Па-деж	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	книга-м	книга-м-влак	О.	kitob	kitoblar
Р.	книга-м-ын	книга-м-влак-ын	П.	kitob-ning	kitob-lar-ning
Д.	книга-м-лан	книга-м-влак-лан	В.	kitob-ni	kitob-lar-ni
В.	книга-м-ым	книга-м-влак-ым	Д-Н.	kitob-ga	kitob-lar-ga
М.	книга-ште-м	книга-влак-ыште-м	И.	kitob-dan	kitob-lar-dan
Н.	книга-шке-м	книга-влак-ышке-м	М.	kitob-da	kitob-lar-da
О.	книга-ш-ем	книга-влак-еш-ем	–	–	–

№ 4. Из задания № 1 выпишите языки, носители которых проживают на компактной этнической территории РФ – в национальных округах, автономных республиках. Свои предположения проверьте по Конституции РФ (статья 65). Приведите примеры этносов, проживающих в России и не имеющих своих автономных образований.

№ 5. В каких странах используется в качестве государственного один из международных языков? В каких странах говорят на немецком языке? На урду? На пушту? На языке африкаанс?

На каких языках говорят в Швейцарии, Австрии, Иране, Канаде, Бразилии, Аргентине, в государствах Югославии?

Почему Южную Америку называют Латинской Америкой?

Заключение

В настоящем пособии в качестве предмета изучения выбраны языковые единицы, их реализация в тексте и коммуникативная роль в процессе общения. Такой подход, охватывая основную проблематику теории языка, позволяет связать учебный материал пособия с решением тех дидактических задач, которые предусмотрены образовательными программами и стандартом изучаемой дисциплины.

Форма представления материала, когда излагается не окончательное решение проблемы, а указываются сложности ее решения, позволяет студенту занять позицию активного участника диалога с автором учебного пособия, а не только пассивного получателя информации.

1. На материале фонетических процессов показана взаимосвязь собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, по-разному влияющих на развитие языка. Первый фактор предсказуем, второй – непредсказуем или в лучшем случае слабо предсказуем. Действие фонетических процессов обусловлено удобством произношения. Но этот принцип проявляет свою силу только до тех пор, пока он не мешает восприятию смысла языковой единицы, испытавшей влияние фонетического изменения. Как только возникает возможность нарушения смысла, фонетические законы прекращают свое действие или развиваются в другом направлении. Влияние человеческого фактора на фонетический облик языковой единицы особенно заметно в периферийных изменениях, где реализуются не все теоретически ожидаемые изменения, а только те, действию которых не препятствует человеческий фактор.

2. Определение языка как знаковой системы конкретизировано за счет уточнения термина «система». Выделены следующие признаки языковой системы: простая / сложная, открытая / закрытая, жесткая / диффузная. Материал пособия позволяет студенту сде-

лать вывод о зависимости между степенью формальной сложности языковой единицы и степенью системности того языкового уровня, в состав которого входит данная единица.

3. Варьирование – свойство, которое присуще в той или иной мере языковым единицам всех уровней. Диапазон варьирования заключен между двумя полюсами – от минимального различия между исходной и производной формами до максимального, т.е. полного различия между ними. Варьирование как своеобразный симптом эволюции языковой системы, обусловленное действием законов синхронии, в конечном счете приводит к появлению новых языковых единиц.

Применимость теории варьирования выходит далеко за рамки объяснения закономерности в образовании множества вариантов языковых единиц. Эта теория дает объективные критерии для понимания таких фактов, как принцип неединственности лингвистических решений, как разные способы реализации того или иного научного метода в зависимости от характера анализируемого материала, как возможность существования множества адекватных переводов поэтического текста, представленного в исходном языке одним оригиналом.

4. Изучение исследовательских приемов преследует решение двух задач – выработки навыков научно-исследовательской работы у студентов и формирования их научного мировоззрения. Последнее особенно важно, так как оно помогает ориентироваться в современной системе самых разнообразных знаний; отличать научные, объективные знания, не зависящие от воли их «пользователей», от ненаучных, субъективных знаний – идеологических, религиозных, мистических, первобытно-языческих, пантеистических и т.п.

Сведения о языковедах, упоминаемых в пособии

АБАЕВ Василий Иванович (1900–2001) – занимался проблемами осетинского, иранского и индоевропейского языкознания. Теоретические работы посвящены проблемам происхождения языка, взаимодействию иранских языков с индоевропейскими, тюркскими, кавказскими, уральскими языками. Абаев – автор трехтомного «Историко-этимологического словаря осетинского языка» (1958–1979).

АВАНЕСОВ Рубен Иванович (1902–1982) – специалист в области фонетики, грамматики, истории и диалектологии русского языка. Один из создателей Московской фонологической школы. Важнейшие труды: «Фонетика современного русского литературного языка» (1956), «Русская литературная и диалектная фонетика» (1974), «Русское литературное произношение» (5-е изд., 1972). Редактор «Орфоэпического словаря русского языка» (1983).

АЛЕФИРЕНКО Николай Федорович (род. 1946) – занимается проблемами общего языкознания, фразеологии, когнитивной и общей семантики, культурологии. Важнейшие монографии и учебные пособия: «Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры» (2002), «Проблемы вербализации концепта» (2003), «Теория языка: Вводный курс» (2004), «Спорные проблемы семантики» (2005), «Современные проблемы науки о языке» (2005).

АПРЕСЯН Юрий Дереникович (род. 1930) – специалист в области семантики, занимается вопросами системной лексикографии, интегрального описания языка. Разработал методiku описания смысла синонимических средств языка – словообразования, многозначности, лексической синонимии, конверсивов и антонимов. Важнейшие работы: «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (1966), «Лексическая семантика. Синонимические средства языка» (1974), «Англо-русский синонимический словарь» (1979). Под его редакцией издается «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (вышло два тома в 1997 и 2000 гг.; издание продолжается). В серии «Языки русской культуры» изданы «Избранные труды»: в 2 т. 1995.

АХМАНОВА Ольга Сергеевна (1908–1991) – специалист в области английской филологии, автор «Очерков по общей и русской лексикологии» (1957) и «Словаря лингвистических терминов» (1966).

БЕНВЕНИСТ Эмиль (1902–1976) – французский языковед, специалист в области индоевропейского и общего языкознания. Автор многочисленных работ по проблемам французского, латинского, иранского, германского, древнегреческого и балто-славянского языкознания. Рассматривая лингвистику как фундаментальную науку о человеке и обществе, именно на основе лингвистических данных реконструирует фрагменты видения мира в культурах разных индоевропейских народов. На русский язык переведены такие книги Бенвениста, как «Индоевропейское именное словообразование» (1955), «Очерки по осетинскому языку» (1965), «Общая лингвистика» (1974), «Словарь индоевропейских социальных терминов» (1995).

БОГОРОДИЦКИЙ Василий Алексеевич (1857–1941) – один из создателей Казанской лингвистической школы. Занимался вопросами фонетики, грамматики русского языка, сравнительной грамматики индоевропейских языков, проблемами тюркского языкознания. Основал первую в России лабораторию экспериментальной фонетики при Казанском университете. Важнейшие работы: «Очерки по языковедению и русскому языку» (1901), «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных» (1930), «Общий курс русской грамматики» (5-е изд., 1935).

БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ Иван Александрович (1845–1929) – русский и польский языковед. Специалист в области общего и славянского языкознания, основатель Казанской и Петербургской лингвистических школ. Создатель фонологии. Разработал теорию фонетических чередований, тем самым заложил основы морфонологии. К исследованию фактов языка подходил с позиций системности, разграничения языка и речи, синхронии и диахронии, статики и динамики. Автор более 300 научных работ, важнейшие из которых: «О древнепольском языке до XIV столетия», «Опыт теории фонетических альтернатив» (1895), «Введение в языкознание» (1917), «Очерк истории польского языка» (1922). Значительная часть научного наследия опубликована в двухтомнике «Избранные труды по общему языкознанию» (1963).

БОНДАРКО Лия Васильевна (род. 1932) – представитель Ленинградской (Петербургской) фонологической школы. Автор многих работ в области теоретической и экспериментальной фонетики. Описание звукового состава языка в работах Бондарко, как и других представителей ПФШ, строится на материале данных, полученных

при помощи инструментальной фонетики. Важнейшие труды: «Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи» (1981), «Звуковой строй современного русского языка» (1977), раздел в коллективной монографии «Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи» (1980).

БОПП Франц (1791–1867) – немецкий языковед, один из создателей сравнительно-исторического языкознания. Сравнив спряжение глагола со значением «быть» в ряде языков, доказал родство индоевропейских языков. Разрабатывал теорию корня. Занимался вопросами сравнительной грамматики индоевропейских языков, поставил вопрос о взаимоотношении между славянскими и иранскими языками в древнейший период их развития. При помощи выдвинутой им теории агглютинации предложил гипотезу об образовании глагольных окончаний в индоевропейских языках от личных местоимений. Важнейшие работы: «О системе спряжения санскрита в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков» (1816), «Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков» (1833–1852, т. 1–3).

ВАНДРИЕС Жозеф (1875–1960) – французский языковед, занимался проблемами общего языкознания, кельтской филологии, сравнительной грамматики латинского и греческого языков. Основная работа «Язык. Лингвистическое введение в историю» (1921, русский перевод – 1936) посвящена общетеоретической проблематике: язык рассматривается как общественное явление, а изменения в нем объясняются причинами, происходящими как в речи отдельных индивидуумов, так и общества в целом.

ВЕЖБИЦКАЯ Анна (род. 1937) – польский и австралийский языковед. Основная сфера ее интересов – семантика в разных ее проявлениях и взаимоотношениях (семантические примитивы и семантические универсалии, лексические прототипы, семантика и прагматика, семантика языка и культура народа, лексикография, способ описания значений слов и др.). Многие ее работы переведены на русский язык: Семантические примитивы (фрагменты) // Семиотика М.: Радуга, 1983. С. 225–252; «Язык. Культура. Познание» (1997), «Семантические универсалии и описание языков» (1999).

ВИНОГРАДОВ Виктор Владимирович (1895 – 1969) – филолог, автор основополагающих работ в области грамматики, истории

русского литературного языка, языка и стиля писателей, стилистики и поэтики, лексикологии и фразеологии. Важнейшие работы: книги «Очерки по истории русского литературного языка XVI–XIX вв.» (1934), «Язык Пушкина» (1935), «Язык Гоголя» (1936), «Стиль Пушкина» (1941), «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» (1947), «Стилистика. Теории поэтической речи. Поэтика» (1963); статьи «О формах слова» (1944), «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» (1946).

ВИНОКУР Григорий Осипович (1896–1947) – специалист в области истории русского языка, культуры речи, языка художественной литературы. Заложил основы научного описания словообразовательной системы русского языка. Принимал участие в составлении «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова, разработал принципы составления «Словаря языка Пушкина». Важнейшие работы – «Заметки по русскому словообразованию» (1946), «Маяковский – новатор языка» (1943) и др. – напечатаны в его сборниках «Избранные работы по русскому языку» (1959), «Филологические исследования» (1990), «О языке художественной литературы» (1991).

ВОСТОКОВ Александр Христофорович (1781–1864) – один из создателей сравнительно-исторического языкознания. Занимался вопросами лексикографии, этимологии, сравнительной грамматики славянских языков, изучением памятников славянской письменности. Осуществил научное издание древнейшего памятника русской письменности «Остромирово Евангелие» (1843). Доказал наличие в старославянском языке носовых гласных, определил фонетические соответствия между славянскими языками. Важнейшие работы: «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (1820), «Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная» (1831).

ГИЙОМ Гюстав (1883–1960) – французский языковед, создатель оригинальной школы психосистематики, опиравшейся на теорию лингвистического ментализма. Согласно этой теории источником научного творчества и познания истины является интуиция с ее неотъемлемым качеством ясновидения, «без которого стало бы невозможным приобретение знаний». Интуиция формируется в языке и представляет собой такой уровень деятельности, который не контролируется сознанием, но способствует развитию ясновидения. Благодаря этому

качеству язык является своего рода преднаукой всех существующих наук. Гийому принадлежит разработка методических пособий по преподаванию французского языка русским учащимся и русского языка французским. Научное наследие огромно, исчисляемое десятками тысяч рукописных страниц. Из этого наследия опубликована только незначительная часть. На русском языке дважды издавалась его книга «Принципы теоретической лингвистики» (1992, 2004).

ГРИММ Якоб (1785–1863) – немецкий языковед, филолог, один из основоположников сравнительно-исторического языкознания. На материале германских языков создал первую историческую грамматику. Открыл закон второго германского передвижения согласных, устанавливающий строгие соответствия между согласными общегерманского языка и их отражением в древне-верхне-немецких диалектах. Основной труд – «Немецкая грамматика» в 4 томах (1819 – 1837).

ГРИНБЕРГ Джозеф (1915–2001) – американский языковед, специалист в области лингвистической типологии и генеалогической классификации языков Африки и американских индейцев. На русском языке напечатаны статьи «Квантитативный подход к морфологической типологии языков», «Изучение языковых контактов в Африке», «Определение меры разноязычия».

ГУМБОЛЬДТ Вильгельм фон (1767–1835) – немецкий языковед, философ, филолог, теоретик культуры, государственный деятель. Создатель общего языкознания, философии языка. Разрабатывал принципы «философского сравнения» языков, цель которого – выявить факторы, способствующие формированию наций, созданию своеобразной и неповторимой для каждого народа культуры. Исходным во взглядах Гумбольдта на язык было положение о том, что человек и язык возникли одновременно и что все языки равноценны. Поэтому этнические языки представляют собой по сути разновидности единого человеческого языка. Основная работа – «О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества» (1830 – 1835). На русском языке изданы два сборника работ Гумбольдта – «Избранные труды по языкознанию» (1984) и «Язык и культура» (1985).

ДОРОШЕВСКИЙ Витольд (1899–1976) – польский языковед, занимался проблемами семиотики, славянского языкознания, истории польского языкознания, культуры польской речи, словообразования, лексикологии и лексикографии. Под его руководством создан Боль-

шой академический словарь польского языка в 11 томах (1958–1969). На русском языке опубликовано несколько статей и книга «Элементы лексикологии и семиотики» (1973).

ДЫБО Владимир Антонович (род. 1931) – языковед-компаративист, сфера интересов – праславянская, балтийская, индоевропейская акцентуации (функции ударения) и проблема ностратических языков. Важнейшие монографии: «Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском» (1981), «Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис», т. I (2001).

ЗАЛИЗНЯК Андрей Анатольевич (род. 1935) – специалист в области русского, славянского, индоевропейского и общего языкознания. Впервые на материале современного русского языка дал полное описание словоизменения имен существительных, прилагательных, причастий, числительных и местоимений. Используя формальные способы описания языка, сформулировал правила образования всех словоформ любого склоняемого русского слова. Важнейшие работы – «Русское именное словоизменение» (1967, 2002), «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение» (1977; 5-е изд. – 2008), «Грамматический очерк санскрита», «Новгородские грамоты на бересте» (в соавторстве с В.Л. Яниным, 1986), «Древненовгородский диалект» (1995), «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста» (2004). Участвовал в качестве научного консультанта и одного из редакторов в создании «Обратного словаря русского языка» (1974).

ЗЕМСКАЯ Елена Андреевна (род. 1926) – специалист в области русского языка – словообразования, разговорной речи. Автор многих научных работ – монографий, учебников для высшей школы, разделов в научных и учебных изданиях. Важнейшие книги: «Современный русский язык. Словообразование» (1973), «Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения» (1979), «Словообразование как деятельность» (1992), «Язык русского зарубежья. Общие процессы и индивидуальные портреты» (2001). Под ее редакцией вышло несколько сборников, объединенных общим названием «Русская разговорная речь» (1973, 1981, 1983).

ЗИНДЕР Лев Рафаилович (1904–1995) – один из создателей Ленинградской (Петербургской) фонологической школы, автор работ в области общей и экспериментальной фонетики. Ученик Л.В. Щербы. Основные работы: «Общая фонетика» (1979, 2-е изд.), «Л.В. Щерба –

лингвист-теоретик и педагог» (в соавторстве с Ю.С. Масловым, 1982), «Введение в языкознание. Сборник задач» (1987).

ИВАНОВ Вячеслав Всеволодович (род. 1929) – филолог, языковед, автор многочисленных работ, посвященных разным проблемам как языкознания – общего, славянского, индоевропейского, так и других наук – литературоведения, семиотики, поэтики, этнологии. Заметное место в научном творчестве Иванова занимает лингвистическая реконструкция, которая для автора является одним из надежных способов познания материальной и духовной культуры народа, его миграции и взаимосвязи с другими народами. Основные работы: «Хеттский язык» (1963), «Славянские языковые моделирующие семиотические системы» (в соавторстве с В.Н. Топоровым, 1965), «Общеиндоевропейская, анатолийская и праславянская языковые системы» (1965), «Исследования в области славянских древностей» (в соавторстве с В.Н. Топоровым, 1974), «Очерки по истории семиотики в СССР» (1976), «Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки» (1981), «Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем» (1978), «Индоевропейский язык и индоевропейцы», т. 1–2 (в соавторстве с В.Т. Гамкрелидзе, 1984), «Наука о человеке. Сборник лекций» (2003). В настоящее время в серии «Язык. Семиотика. Культура» издается многотомное собрание сочинений.

ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ Владислав Маркович (1934–1966) – специалист в области сравнительно-исторического языкознания. Разрабатывал теорию родства языковых семей. Используя приемы сравнительно-исторического языкознания, впервые определил языковые семьи, образующие ностратическую макросемью. Основные работы: монография «Именная акцентуация в балтийском и славянском» (1963) и трехтомный словарь со сравнительно-фонетическими таблицами соответствий между языковыми семьями, образующими ностратическую макросемью, – «Опыт сравнения ностратических языков» (1971, 1976, 1984). Автор «Македонско-русского словаря».

КАРЦЕВСКИЙ Сергей Осипович (1884–1955) – языковед-русист. Проблемы описания грамматики и фонетики русского языка разрабатывал в рамках Пражской школы структурализма. Основные работы: «Система русского глагола. Очерк синхронной лингвистики» (1927), «Повторительный курс русского языка» (1928). В статье «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (1929) впервые обратил внимание на отличительные особенности лингвистического знака.

КУЗНЕЦОВ Петр Саввич (1899–1968) – один из основоположников Московской фонологической школы. Занимался вопросами истории русского языка, диалектологии, славяноведения, общего, прикладного и структурного языкознания. Важнейшие работы: книги «Очерки исторической морфологии русского языка» (1959), «Очерки по морфологии праславянского языка» (1961), а также статьи «Об основных положениях фонологии» (1959), «О дифференциальных признаках фонем» (1958).

МАРТИНЕ Андре (1908–1999) – французский лингвист, один из теоретиков функциональной лингвистики. Ввел в науку понятие двойного членения языка. С позиции системной лингвистики определил сущность понятия фонетических изменений. На русский язык переведены две книги Мартине: «Принцип экономии в фонетических изменениях» (1960), «Основы общей лингвистики» (1963).

МАТЕЗИУС Вилем (1882–1945) – чешский лингвист, специалист в области английской филологии, один из создателей Пражской школы структурализма. Основное внимание уделял синхронному подходу при описании языковых явлений. Занимался проблемами фонологии, теории литературных языков. Разработал принципы актуального членения предложения. Важнейшие работы опубликованы в сборнике «Чешский язык и общее языкознание» (1947). В 1961 г. издана книга Матезиуса «Функциональный анализ современного английского языка на общелингвистической основе». На русском языке некоторые его работы опубликованы в сборнике «Пражский лингвистический кружок» (1967).

МАТУСЕВИЧ Маргарита Ивановна (1895–1979) – специалист в области фонетики и лексикографии. Вместе с Л.В. Щербой участвовала в разработке принципов Ленинградской (Петербургской) фонологической школы. Важнейшие работы: «Введение в общую фонетику» (1948), «Современный русский язык. Фонетика» (1976).

МЕЛЬЧУК Игорь Александрович (род. 1932) – специалист в области структурной и прикладной лингвистики, автоматического перевода, общей семантики, лексикографии и грамматики русского языка. Разрабатывал теорию лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», на базе которой был создан словарь нового типа – толково-комбинаторный. Основные работы: «Автоматический синтаксический анализ» (1964), «Элементы математической лингвистики» (в соавторстве с А.В. Гладким, 1969), «Опыт теории лингвистических моделей “Смысл

<=> Текст» (1974, 1999), «Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики» (в соавторстве с А.К. Жолковским и др., 1984), «Русский язык в модели “Смысл <=> Текст”» (1995), «Курс общей морфологии», т. 1–4 (в русском переводе 5 томов: 1997, 1998, 2000, 2001, 2006), «Смысл и сочетаемость в словаре» (в соавторстве с Л.Н. Иорданской, 2007).

НИКОЛАЕВА Татьяна Михайловна (род. 1933) – специалист в области русского языка, славяноведения, семиотики. Опубликовала около 10 монографий, в том числе: «Интонация сложного предложения в славянских языках» (1969), «Фразовая интонация славянских языков» (1977), «Функции частиц в высказывании» (1985), «Слово о полку Игореве»: лингвистика текста и поэтика» (1997), «Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»)» (2008).

НОВИКОВ Лев Алексеевич (род. 1931) – специалист в области русского языка. Основные работы посвящены семантике и языку художественного текста: «Антонимия в русском языке» (1973), «Семантика русского языка» (1982), «Художественный текст и его анализ» (1988; 3-е изд. 2007), «Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого» (1990).

ОЖЕГОВ Сергей Иванович (1900–1964) – лексикограф, работы в области лексикологии, лексикографии, социолингвистики и культуры речи. Автор «Словаря русского языка» (1949), выдержавшего к настоящему времени не менее 30 изданий (с 1992 издается в соавторстве с Н.Ю. Шведовой). Участвовал в создании «Толкового словаря русского языка» (под редакцией Д.Н. Ушакова). Вместе с Н.С. Ашукиным и В.А. Филипповым составил «Словарь к пьесам А.Н. Островского» (1993). Научные статьи Ожегова собраны в его сборнике «Лексикология. Лексикография. Культура речи» (1974).

ПАНОВ Михаил Викторович (1920–2001) – представитель Московской фонологической школы, автор работ по фонетике, орфографии, грамматике, словообразованию русского языка, в которых факты языка рассматриваются с позиций системности. Важнейшие работы: «Русская фонетика» (1967), «Современный русский язык. Фонетика» (1979), «История русского литературного произношения» (1990, 2004).

ПЕШКОВСКИЙ Александр Матвеевич (1878–1933) – автор работ по синтаксису, стилистике, проблемам языковой нормы, методике

преподавания русского языка. Поставил вопрос о преодолении разрыва между школьной и научной, теоретической грамматикой. В статье «Объективная и нормативная точка зрения на язык» (1923) предложил критерии разграничения субъективного, объективного и нормативного подхода к описанию и преподаванию языка. Важнейшие работы: «Русский синтаксис в научном освещении» (1914; 8-е изд. 2001), «Наш язык»: вып. 1–3 (1922–1927), сборник статей по вопросам русской грамматики и методики преподавания русского языка «Избранные труды» (1959).

ПОЛИВАНОВ Евгений Дмитриевич (1891–1938) – специалист в области общего языкознания, востоковедения. Его работы посвящены теории и истории японского, китайского, тибетского, узбекского, турецкого, мордовского, калмыцкого и других языков. Занимался вопросами сравнительного литературоведения, поэтики, социолингвистики, эволюции и развития языковых систем, отношениями между языковыми семьями. Работы: «Введение в языкознание для востоковедных вузов» (1928), сборник статей «За марксистское языкознание» (1931). Наиболее значительные работы опубликованы в сборниках «Статьи по общему языкознанию» (1968) и «Труды по восточному и общему языкознанию» (1991).

ПОТЕБНЯ Александр Афанасьевич (1835–1891) – филолог, занимавшийся вопросами русского и славянского языкознания, фольклора, теории литературы. Решал вопрос о связи между языковыми категориями и мышлением. Является одним из создателей учения о внутренней форме слова. Работы: «Мысль и язык» (1862), «Из записок по русской грамматике», т. I – V (1874, 1899, 1941), «Из лекций по теории словесности» (1894), «Из записок по теории словесности» (1905). В последние десятилетия переизданы многие работы Потебни в составе авторских сборников – «Эстетика и поэтика» (1976), «Слово и миф» (1989), «Теоретическая поэтика» (1990).

РАСК Расмус Кристиан (1787–1832) – датский языковед, один из создателей сравнительно-исторического языкознания. Разработал принципы сравнения родственных языков. Доказал, что при определении родства языков грамматические соответствия более надежны, чем лексические. Определил родство староисландского языка с германскими языками, а также с греческим, латинским, славянскими, литовским и армянским. Важнейшие работы: «Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка» (1818), «О зендском языке и возрасте и подлинности Зендавесты» (1821).

РЕФОРМАТСКИЙ Александр Александрович (1900–1978) – один из основоположников Московской фонологической школы. Занимался вопросами лингвистической поэтики, терминологии, теории письма. Сформулировал принципы сопоставительного метода. Язык рассматривал как сложную структуру, образующую систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц. Работы: «Введение в языковедение» (1947; 5-е изд. 1996), «Из истории отечественной фонологии. Очерк и хрестоматия» (1970), сборник статей «Лингвистика и поэтика» (1987).

СЕПИР Эдвард (1884–1939) – один из основоположников американского структурализма. В языке определял внешнюю и внутреннюю стороны. Внешняя, материальная сторона проявляется в звуках человеческой речи, их сочетаемости; внутренняя, идеальная существует в человеческом подсознании в виде абстрактной системы образцов, или моделей, на основе которых и создаются реализуемые в процессе общения языковые единицы. На материале языков американских индейцев изучал связь между языком и культурой. Разработал многомерную типологическую классификацию языков. Важнейшие работы: «Язык. Введение в изучение речи» (1921), «Градуирование» (1944), «Целостность» (1930). На русском языке издан сборник Э. Сепира «Избранные труды по языкознанию и культурологии» (1993).

СЕРЕБРЕННИКОВ Борис Александрович (1915–1989) – советский лингвист. Область научных интересов – индоевропейское, уральское, тюркское языкознание, история советского языкознания, теория языка. Является одним из авторов и научным редактором трехтомного труда «Общее языкознание» (1970, 1972, 1973). Важнейшие работы: «Вероятностные обоснования в компаративистике» (1974), «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» (1988), раздел в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира» (1988).

СОССИЮР Фердинанд (1857–1913) – швейцарский языковед, один из основоположников структурализма. Соссюр провел разграничение между внешней лингвистикой, занимающейся изучением связи языка с его историей, обществом, культурой, и внутренней лингвистикой, представляющей для языковеда основной интерес, изучающей язык как систему знаков, используемых для выражения мыслей. Знак включает в себя означаемое и означающее. Связь между означаемым и означающим произвольна, немотивированна. При исследовании язы-

ка как системы необходимо разграничивать такие понятия, как язык / речь, синхрония / диахрония, синтагматика / парадигматика. Важнейшие работы: «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (1878), «Курс общей лингвистики» (1916). Последняя работа издавалась на русском языке несколько раз – отдельными изданиями в 1933, 1995, 1999 гг. и в составе сборника «Труды по языкознанию» в 1977 г.

СТАРОСТИН Сергей Анатольевич (1953–2005) – лингвист, специалист в области восточных, кавказских, алтайских языков, сравнительно-исторического и типологического языкознания. Расширил возможности сравнительно-исторического метода, применив его для определения родства между языковыми семьями. Разработал теорию генетической принадлежности японского языка к алтайской семье. На примере реконструкции древнекитайского языка обосновал методику восстановления древнего состояния языков нефлективного типа. Опубликовал «Этимологический словарь северокавказских языков» (в соавторстве с С.Л. Николаевым, 1994), «Сравнительный словарь пяти сино-тибетских языков» (в соавторстве с И.И. Пейросом, 1996), «Этимологический словарь алтайских языков» (в соавторстве с А.В. Дыбо и О.А. Мудраком, 2003). Важнейшие монографии: «Реконструкция древнекитайской фонологической системы» (1989), «Алтайская проблема и происхождение японского языка» (1991), «Сравнительно-историческое языкознание» (в соавторстве с С.А. Бурлак, 2005).

СТЕПАНОВ Юрий Сергеевич (род. 1930) – советский и российский филолог. Круг интересов – индоевропейское и романское языкознание, теория языка, семиотика, культурология. Автор научных монографий, статей, учебников по общему языкознанию, а также фундаментального труда «Константы: Словарь русской культуры» (2001). Монографии: «Структура французского языка» (1965), «Методы и принципы современной лингвистики» (1975), «Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика» (1981), «В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства)» (1985).

СТЕРНИН Иосиф Абрамович (род. 1948) – специалист в области теоретической и контрастной лингвистики, риторики, психолингвистики, речевого воздействия, коммуникативного поведения представителей разных культур. Автор более 10 монографий, многих учебников для высшей и средней школы, важнейшие из которых: «Лексическое

значение слова в речи» (1985), «Экспериментальные методы в семиологии» (в соавторстве, 1989), «Контрастивная лингвистика» (2004, 2007), «Когнитивная лингвистика» (в соавторстве, 2007).

ТОПОРОВ Владимир Николаевич (1928–2005) – филолог, языковед и литературовед, исследователь русской духовной культуры. Круг научных интересов – славянское, балтийское, древнеиндийское, индоевропейское языкознание, культурология, семиотика. Ему принадлежат работы, посвященные реконструкции мифорелигиозных систем разных народов, определению основных символов и категорий мифопоэтической картины мира, анализу связей русской литературы с античной и западноевропейской литературами. Некоторые из важнейших монографических работ: «О числовых моделях в архаичных текстах» (1980), «О ритуале. Введение в проблематику» (1988), «Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина)» (1995), «Святость и святые в русской культуре» (Т. 1–2, 1995, 1998). Многие работы написаны в соавторстве с *Вяч.Вс. Ивановым* (см.).

ТРУБАЧЕВ Олег Николаевич (1930–2002) – специалист в области этимологии славянских и других индоевропейских языков. Занимался проблемами этногенеза славян, проблемами реконструкции лексических единиц, связанных общностью культурного фона. С 1974 г. возглавил работу над «Этимологическим словарем славянских языков. Праславянский лексический фонд» (до настоящего времени вышло 35 выпусков, издание продолжается). Перевел и дополнил «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (т. I – IV, I-е изд. 1964–1973). Важнейшие работы: «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» (1959), «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» (1960), «Названия рек Правобережной Украины» (1968), «Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования» (1991), «В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси» (1997).

ТРУБЕЦКОЙ Николай Сергеевич (1890–1938) – филолог, один из создателей Пражской школы структурализма. Занимался вопросами общего, индоевропейского и славянского языкознания, а также древнерусской литературой и проблемами поэтики. Вместе с Р.О. Якобсоном разработал теорию языковых союзов. Один из вдохновителей идеи евразийства. Основная заслуга – создание фонологии, разработка ее понятийного аппарата, получившего широкое применение

ние в разных гуманитарных науках. Важнейшие работы по лингвистике: «Основы фонологии» (1939, русские издания 1960, 2000), «Мысли об индоевропейской проблеме» (1937), «Морфонологическая система русского языка» (1934), «Системы согласных в восточнокавказских языках» (1931), «Общеславянский элемент в русской культуре» (1927). Научное наследие Трубецкого опубликовано в сборниках «Избранные труды по филологии» (1987), «История. Культура. Язык» (1995).

УШАКОВ Дмитрий Николаевич (1873–1942) – составитель и главный редактор «Толкового словаря русского языка» (т. I–IV, 1934–1940), автор «Краткого введения в науку о языке» (1913; 9-е изд. 1929), а также работ по орфографии и орфоэпии. Статьи Ушакова по вопросам русского языка, его истории и общего языкознания, а также некоторые документы, касающиеся деятельности ученого, опубликованы в его книге «Русский язык» (1995).

ФАСМЕР Макс (1886–1962) – русский и немецкий языковед, занимался вопросами языковых связей, этимологии. До Октябрьской революции работал в России. Вместе с А.А. Шахматовым и В.И. Срезневским редактировал указатель литературы «Обозрение трудов по славяноведению». После революции его научная деятельность связана с Германией и Швецией. Основные работы: «Этимологический словарь русского языка» (В 3 тт., 1953–1958), «Греко-славянские этюды» (1909), «Восточно-европейские топонимы» (1921), «Исследования в области албанской лексики» (1921), «Следы влияния викингов в России» (1931), «Греческие заимствования в сербскохорватском языке» (1944). «Этимологический словарь русского языка» был переведен и дополнен О.Н. Трубачевым (4 т.). Выдержал на русском языке до настоящего времени не менее четырех изданий.

ФОРТУНАТОВ Филипп Федорович (1848–1914) – основоположник Московской лингвистической школы, специалист по общему, индоевропейскому и славянскому языкознанию. Исходил из понятия системности языка и на этой основе разработал строгую методику научного анализа лингвистических фактов. Установил для славянских и балтийских языков зависимость передвижения ударения в формах одного слова от фонетической позиции («закон Фортунатова – Соссюра»). На материале флективных языков разработал учение о форме слова. Важнейшие труды: «О преподавании грамматики русского языка в средней школе» (1904), «Сравнительное языковедение»

(1901–1902), «Сравнительная морфология индоевропейских языков» (1899–1901). Большинство работ Фортунатова опубликовано в его двухтомнике (1956–1957.).

ХОККЕТ Чарльз (1916–2000) – американский лингвист, автор книги «Курс современной лингвистики», в которой на материале фонологии, морфемики, морфологии и синтаксиса продемонстрированы принципы дескриптивной лингвистики. Книга заканчивается разделом «Место человека в природе», в котором рассматривается вопрос о происхождении человека, отличие языка человека от других семиотических систем. На русский язык переведены статьи: «Грамматика для слушающего», «Проблема языковых универсалий».

ЧЕРНЫХ Павел Яковлевич (1896–1970) – историк русского языка, автор многих статей по общим и частным проблемам русского языка, учебников для вузов – «Историческая грамматика русского языка» (1952), «Очерк русской исторической диалектологии» (1956), монографии «Язык Уложения 1649 года». Особое место в его научном наследии занимает двухтомный «Историко-этимологический словарь современного русского языка» (1995), опубликованный через четверть века после смерти автора.

ШАНСКИЙ Николай Максимович (1922–2005) – специалист в области русского языка и методики его преподавания. Автор монографий «Очерки по русскому словообразованию» (1968) и «Фразеология современного русского языка» (1969), разделов в учебниках для высшей школы, написанных коллективом авторов. Один из авторов «Краткого этимологического словаря русского языка» (1961) и «Опыта этимологического словаря русской фразеологии» (1987), главный редактор «Этимологического словаря русского языка» (с 1963 по 1982 г. вышло 8 выпусков, буквы А–К).

ШАУМЯН Себастьян Константинович (1914–2007) – русский и американский лингвист, занимался проблемами общего языкознания, семиотики, разрабатывал аппликативно-порождающую модель языка на основе двухступенчатой теории познания – уровня наблюдения и уровня конструкторов. Важнейшие работы (с 1975 г. публикации на английском языке): «История системы дифференциальных элементов в польском языке» (1958), «Проблемы теоретической фонологии» (1962), «Структурная лингвистика» (1965), «Основания порождающей грамматики русского языка» (в соавторстве, 1968), «Семиотическая теория языка» (1987), «Знаки, мысль и действительность» (2006).

ШВЕДОВА Наталья Юльевна (1916–2009) – специалист в области русского языка – грамматики, лексикологии и лексикографии. Автор монографий: «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» (1960), «Активные процессы в современном русском синтаксисе» (1966). В качестве главного редактора и одного из соавторов опубликовала две «академические грамматики» – однотомную 1970 г. и двухтомную «Русскую грамматику» – 1980 г. Соавтор «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (с 9-го изд. 1972 г.). Под ее руководством создан шеститомный «Русский семантический словарь» (к 2007 г. вышло четыре тома).

ШЛЕГЕЛЬ Фридрих (1772–1829) – немецкий филолог, теоретик романтизма, автор книги «О языке и мудрости индийцев» (1808), в которой предвосхитил некоторые идеи сравнительно-исторического языкознания. Используя грамматические критерии, впервые предложил схему типологической классификации языков, дополненную впоследствии его братом Августом Шлегелем (1767–1845).

ШЛЕЙХЕР Август (1821–1868) – немецкий языковед, основоположник «натуралистического направления» в языкознании. Язык рассматривал как явление биологическое. В жизни языка выделял два периода: доисторический, когда язык достигает своего расцвета, и исторический, когда язык начинает постепенно умирать. В области индоевропеистики разработал методику реконструкции праязыка. Важнейшие труды: «Теория Дарвина и языкознание» (1863), «Компендиум сравнительной грамматики индоевропейских языков» (1861–1862), «Немецкий язык» (1860), «Морфология церковнославянского языка» (1852).

ЩЕРБА Лев Владимирович (1880–1944) – один из создателей Ленинградской (Петербургской) фонологической школы. Научные интересы были связаны как с общетеоретическими, так и с сугубо практическими вопросами – фонология и экспериментальная фонетика, лексикология и лексикография, грамматика и преподавание иностранных языков, лингвистический анализ поэтических текстов, проблемы транскрипции, смешение языков. Основные работы: «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912), «О частях речи в русском языке» (1928), «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931), «Фонетика французского языка» (1937), «Опыт общей теории лексикографии» (1940), «Преподавание иностранных языков в школе» (1947), «Русско-фран-

цузский словарь» (в соавторстве с М.И. Матусевич, 1937). Важнейшие научные труды Щербы опубликованы в сборнике «Языковая система и речевая деятельность» (1974, 2007).

ЯКОБСОН Роман Осипович (1896–1982) – русский и американский филолог, один из теоретиков Пражской школы структурализма. Занимался проблемами поэтики, лингвистической типологии, перевода, сущности языка, происхождения человеческой речи. Многие работы посвящены разным аспектам поэтики Пушкина, Хлебникова, Маяковского, Пастернака. На основе теории коммуникации создал учение о функциях языка, о роли грамматики в формировании семантики художественного текста. Идеи Jakobsona во многом предопределили развитие современной фонологии, теории языковых союзов, семиотики. Важнейшие работы: «К общему учению о падеже» (1936), «Детский язык, афазия и всеобщие звуковые законы» (1940), «Введение в анализ речи» (совместно с Г.М. Фантом и М. Халле, 1955), «Основы языка» (совместно с М. Халле, 1956), «Лингвистика и поэтика» (1960), «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» (1961). Наиболее значительные труды Jakobsona напечатаны в сборниках «Избранные работы» (1985), «Работы по поэтике» (1987).

ЯХОНТОВ Сергей Евгеньевич (род. 1926) – специалист по китайскому языку и языкам Юго-Восточной Азии. Автор книг: «Категория глагола в китайском языке» (1957), «Древнекитайский язык» (1965), статей по общетеоретическим вопросам, по классификации языков Китая и сопредельных стран, а также разделов в академических изданиях, посвященных истории языкознания в Китае с 1-го тысячелетия до н.э. по XIX в.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

- Алефиренко Н.Ф.* Теория языка. Вводный курс. М.: Академия, 2004.
Гипотеза в современной лингвистике / отв. ред. Ю.С. Степанов. М.: Наука, 1980.
- Гречко В.А.* Теория языкознания. М.: Высшая школа, 2003.
Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
- Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // А.М. Пешковский. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–62.
- Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
- Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000.

Дополнительная

- Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007.
- Бенвенист Э.* О природе языкового знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. С. 459–464.
- Бенвенист Э.* Коммуникация в мире животных и человеческий язык // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 97–103.
- Бондарко Л.В.* Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977.
- Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В.* Основы общей фонетики. СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2004.
- Вендина Т.И.* Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 2005.
- Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419–422.
- Головин Б.Н.* Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1983.
- Горбачевский А.А.* Введение в языкознание. Челябинск: ЧГПУ, 2004.
- Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
- Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта: Наука, 2007.
- Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965.
- Иванов Вяч. Вс.* Чёт и нечет. М.: Советское радио, 1978.
- Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А.* Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа, 1995.
- Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.
- Леонтьев А.А.* Путешествие по карте языков мира. М.: Просвещение, 1981.

- Лингвистические задачи / сост. В.М. Алпатов, А.Д. Вентцель, Б.Ю. Городецкий и др. М.: Просвещение, 1983.
- Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998.
- Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
- Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982.
- Норман Б.Ю.* Теория языка. Вводный курс. М.: Флинта: Наука, 2004.
- Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
- Плотников Б.В.* Основы семасиологии. Минск: Вышэйшая школа, 1984.
- Плунгян В.А.* Почему языки такие разные? М.: Русские словари, 1996.
- Реформатский А.А.* О сопоставительном методе // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 40–51.
- Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Избранные труды. М.: Прогресс, 1977.
- Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.
- Успенский Л.В.* Слово о словах. Имя дома твоего. Л.: Лениздат, 1974.
- Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д.* Теория языка. М.: Флинта: Наука, 2004.
- Шайкевич А.Я.* Введение в лингвистику. М.: Академия, 2005.
- Шелякин М.А.* Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта: Наука, 2005.
- Широков О.С.* Введение в языкознание. М.: МГУ, 1985.
- Шудежкова С.Г.* История лингвистических учений. М.: Флинта: Наука, 2004.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974; 2-е изд. УРСС, 2007.
- Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание) / сост. М.В. Панов. М.: Флинта: Наука, 2006.
-

Учебное издание

Горбачевский Антон Антонович

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Учебное пособие

Подписано в печать 01.11.2010. Формат 60×88/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 14,7.

Тираж 1000 экз. Заказ . Изд. № 2229.

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485, ул. Профсоюзная, д. 90.